

1945 ПЕСНИ ВОЙНЫ И ПОБЕДЫ 2005

ПЕСНИ
ВОЙНЫ
И
ПОБЕДЫ

*Посвящается 60-летию Победы
Советского Союза в Великой Отечественной войне*

ББК 84(2Рос-Рус)6

С 23

Автор идеи:

Олег КУЗИН, главный редактор газеты «Трибуна»

Составители:

Виктор АНДРИЯНОВ, Александр КУЗНЕЦОВ

Консультант:

Юрий БИРЮКОВ,

композитор, член Союза писателей России

Над книгой работали:

Петр АЛЕШКИН, Юрий БЕЛИКОВ, Сергей ВИНОКУРОВ,

Борис ГОЛКИН, Николай ГОНЧАРОВ, Илона ЕГИАЗАРОВА,

Татьяна ЖУРБЕНКО, Андрей ИЛЬИН,

Александра ЛУТОВСКАЯ, Валерий МЕШКОВ,

Михаил МОРОЗОВ, Эдуард МОХОРОВ, Татьяна НАУМОВА,

Владимир ОВЧИННИКОВ, Валентин ОСИПОВ,

Нелли ПРОТОРСКАЯ, Виталий ПЫРХ, Сергей РЫКОВ,

Михаил СВИЩЕВ, Владимир СМЫК, Хачик ХУТЛУБЯН.

Художник:

Юлий БОЯРСКИЙ

Фотографии:

Евгений ГРАБИЛИН, Яков ГУДКОВ, Михаил САВИН,

Борис ЯРОСЛАВЦЕВ, из архива «Трибуны», из личных

архивов составителей, а также из фотоальбомов об

истории Великой Отечественной войны.

Предисловие

День Победы. Для России — это самый светлый праздник. Праздник «со слезами на глазах». Так как нет, наверное, семьи, которая на себе не испытала тяготы последней войны. Годы, болезни и старые раны беспощадны к ее участникам. Все меньше и меньше их за праздничными столами.

Но если соберутся фронтовики вместе с друзьями-однополчанами, то без песен такая встреча не обходится. Этот сборник, задуманный как подарок ветеранам Великой Отечественной, рассказывает об истории создания лучших песен о войне и победе, ее авторах и исполнителях, о том, какой след в сердцах многих россиян они оставили.

Для тех, кто помнит не все слова, мы публикуем полные тексты песен.

В качестве специального приложения к книге прилагается диск с записью популярных песен разных лет.

А глядя на фотографии, вы вспомните, как это было.

С праздником вас, дорогие друзья!

*Олег КУЗИН,
главный редактор газеты «Трибуна»*

Священная война

Слова В. Лебедева-Кумача

Музыка А. Александрова

***Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!***

***Припев:
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война!***

***Как два различных полюса,
Во всем враждебны мы:
За свет и мир мы боремся,
Они — за царство тьмы.***

Припев.

***Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!***

Припев.

***Не смеют крылья черные
Над Родиной летать,
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать.***

Припев.

*Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб.*

Припев.

*Пойдем ломить всей силою,
Всем сердцем, всей душой
За землю нашу милую,
За наш Союз большой!*

Припев.

*Встает страна огромная,
Встает на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.*

Припев.

Вставай, страна огромная...

Эти слова прозвучали на второй день войны.

В один из майских дней 1943 года белорусские партизаны атаковали стратегически важную станцию Чаусы. Завязался жестокий бой. В короткой паузе, как вспоминали позже партизаны, они успели настроить на Москву трофейный «Телефункен». И в те мгновения, когда немцы перешли в контратаку, из радиоприемника вдруг грянули могучие аккорды:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...*

Один эпизод в большой истории войны; один штрих из жизни песни. Она сражалась за станцию Чаусы. Она звала на бой

всю огромную страну. Песни такого масштаба рождаются в событиях, которые потом называют историческими. Великая Французская революция подарила миру «Марсельезу»; Парижская коммуна — «Интернационал», Великая Отечественная — «Священную войну».

У каждого фронтовика есть своя любимая песня военных лет — часто не одна. Но самой первой ветераны называют эту.

— Конечно, моя самая любимая — «Священная война», — сказал мне генерал Сергеев. — Это не просто песня о войне. Это сама война. — Артем Федорович прошел всю Великую Отечественную. Воевал с первых дней. Уточняет: «В бой мы вступили 26 июня сорок первого на Березине...». Его артдивизион отступал до Сталинграда. Его арtpолк наступал до Праги. «Эта песня — сама война, — повторяет раздумчиво генерал Сергеев. — Слушая ее, нельзя остаться равнодушным. Она берет за душу! Георгий Константинович Жуков назвал «Священную войну» бессмертной песней. Это действительно так».

Стихи поэта Лебедева-Кумача увидели свет одновременно в «Известиях» и «Красной звезде» 24 июня 1941 года. Значит, в набор они ушли 23-го, на второй день войны. А уже 25-го по нотам, расписанным на грифельной доске, песню репетировал Краснознаменный ансамбль песни и пляски. Точнее, та «четвертушка» знаменитого Александровского ансамбля, что осталась в Москве. Три остальные группы уже отправились на фронт. Наутро 26 июня прошло первое прослушивание. И вечером в тот же день новую песню слышали солдаты, отправлявшиеся на фронт.

Сын композитора, народный артист СССР Борис Александров, позже вспоминал:

«Словно единый могучий порыв поднял слушателей. Они встали, слушают в полной тишине. Огромной эмоциональной мощью захватила их музыка. На мужественных лицах — слеза волнения, душевного подъема. Песня окончена — просят повторить. Еще и еще звучат слова, которые жадно впитывают человеческие сердца. Песня была созвучна тому, что переживал каждый из слушателей, потрясала их своей суровой простотой».

Виктор АНДРИЯНОВ

Первым музыку на стихи Василия Лебедева-Кумача написал композитор Матвей Блантер, вышла даже листовка с ней. А затем еще одна — Александра Александрова. И ей суждено

было стать музыкальным символом Великой Отечественной войны. В сентябре 1941 года на киноэкраны вышел короткометражный фильм-концерт режиссеров Трауберга и Медведкина «Мы ждем вас с победой». Именно они осуществили первую запись «Священной войны», пригласив для участия в фильме группу хора Краснознаменного ансамбля.

В 1942 году краснознаменцы записали «Священную войну» на грампластинку. Уникальный экземпляр пластинки за номером 0054 ГРК 542/42 хранится в семье поэта.

Юрий БИРЮКОВ

Валентин МУРАТОВ,

чемпион Олимпийских игр-1952 по гимнастике:

«Моя любимая песня — «Священная война». В 1942 году, 13-летним подростком, я остался без отца. Папа, Иван Алексеевич Муратов, погиб на Ленинградском фронте. Трагическое известие заставило меня по-новому понять смысл слов, практически ежедневно звучащих набатом из уличных репродукторов: «Вставай, страна огромная!» Я осознал: будет на нашей улице праздник, если каждый из нас действительно будет делать все для фронта, все для победы!

Я пришел на завод, где папа работал слесарем-фрезеровщиком. Директор долго не соглашался, но все-таки взял меня учеником слесаря, а затем поставил к отцовскому станку. Вместе со сверстниками я делал боеприпасы, а после восьми часов работы шел на дежурство. Во время воздушных налетов на Москву нас заставляли прятаться в бомбоубежище около нынешней станции метро «Новослободская», а мы поднимались на крыши домов и тушили зажигательные бомбы, пытаясь внести свою лепту в победу».

До свиданья, города и хаты

Слова М. Исаковского

Музыка М. Блантера

*До свиданья, города и хаты, —
Нас дорога дальняя зовет.
Молодые, смелые ребята,
На заре уходим мы в поход.*

*На заре, девочки, выходите
Комсомольский провожать отряд.
Вы без нас, девочки, не грустите —
Мы придем с победою назад.*

*Мы развеем вражеские тучи,
Разметим преграды на пути,
И врагу от смерти неминуей,
От своей могилы не уйти.*

*Наступил великий час расплаты,
Нам вручил оружие народ.
До свиданья, города и хаты,
На заре уходим мы в поход.*

На заре уходим мы в поход

Вариантов песни было несколько, а выжил один.

Музыку к стихотворению М. Исаковского «Походная песня», опубликованному «Правдой» 29 июня 1941 года, написали почти одновременно сразу несколько композиторов.

С мелодией И. О. Дунаевского песня эта в первые же дни июля была записана на тонфильм Ансамблем песни и пляски Центрального Дома культуры железнодорожников под управлением автора. Разбившись на бригады, ансамбль, руководимый этим выдающимся советским композитором, пел «Комсомольскую походную» и другие его песни на вокзалах столицы, провожая на фронт воинские эшелоны.

Тогда же, летом 1941 года, Дунаевский включил эту песню в один из выпусков боевого киносборника «Победа — за нами!».

В те же самые дни на московских призывных пунктах и вокзалах выступал и хор имени Пятницкого, руководимый В. Г. Захаровым и П. М. Казьминым, в репертуаре которого звучала песня, написанная на те же стихи Владимиром Григорьевичем Захаровым.

Однако наибольшую известность и распространение в годы войны получила музыка, сочиненная к этим стихам Исаковского композитором Матвеем Блантером. Она-то и вошла в песенную антологию военных лет.

Ноты ее были опубликованы в сборнике «В бой за Родину!», выпущенном Воениздатом НКО СССР и Музгизом осенью 1941 года. Тогда же песня «До свиданья, города и хаты» М. Блантера была разучена хором и оркестром под управлением военного композитора и дирижера комбрига С. А. Чернецкого и записана на грампластинку. Запевал ее солист Большого театра Союза ССР Петр Киричек.

Не последнюю роль в успехе блантеровского варианта песни сыграло блестящее исполнение и трактовка ее прославленным Краснознаменным ансамблем под управлением А. В. Александрова. В репертуаре этого коллектива песня «До свиданья, города и хаты» звучит до сегодняшнего дня.

Юрий БИРЮКОВ

Прощание

Слова Ф. Кравченко

Музыка Т. Хренникова

*Иди, любимый мой, родной!
Суровый день принес разлуку..
Враг бешеный на нас пошел войной,
Жестокий враг на наше счастье поднял руку.
Иди, любимый мой, иди родной!*

*Враг топчет мирные луга,
Он сеет смерть над нашим краем.
Иди смелее в бой, рази врага!
Жестокий дай отпор кровавым хищным стаям.
Иди смелее в бой, рази врага!*

*Как дом, в котором ты живешь,
Оберегай страны просторы,
Завод родной, сады, и лес, и рожь,
И воздух наш, и степь широкую, как море,
Храни, как дом, в котором ты живешь.*

*Нам не забыть веселых встреч,
Мы не изменим дням счастливым.
Века стоять стране и рекам течь,
Века цвести земле, бескрайним нашим нивам
И нашей радости грядущих встреч.*

*Там, где кипит жестокий бой,
Где разыгралась смерти вьюга,
Всем сердцем буду я, мой друг, с тобой,
Твой путь я разделю, как верная подруга,
Иди, любимый мой, иди, родной!*

Расставалась девушка с любимым

«Прощание» было написано композитором Т. Хренниковым для фильма-концерта «Мы ждем вас с победой», снятого на киностудии «Мосфильм» режиссерами И. Траубергом и А. Медведкиным, и прозвучало в нем вместе с песнями «До свиданья, города и хаты» («Походной») В. Захарова — М. Исаковского и «Священная война» А. Александрова — В. Лебедева-Кумача. Стихи к «Прощанию» написал не профессиональный поэт, а редактор сценарного отдела «Мосфильма» Федор Тихонович Кравченко. Они были опубликованы в мосфильмовской многотиражке, где и заметил их режиссер фильма, предложивший Хренникову попробовать написать к этим стихам музыку.

Тема прощания девушки с любимым, уходящим на фронт, традиционная для многих, в том числе предвоенных, песен, обрела в музыке, сочиненной композитором, неожиданные краски — суровость, гнев и вместе с тем задушевность, она звучала страстным призывом к защите Родины от врага. Исполнила ее в фильме Тамара Янко.

Впервые песня издана листовкой Музгизом в 1941 году.

Юрий БИРЮКОВ

Зинаида КИРИЛЛОВА, певица, народная артистка России:

— В своем репертуаре многие годы я сохраняю песни Тихона Николаевича Хренникова «Прощание» и «Казак уходил на войну». Они разные по характеру — суровая, сдержанная и нежная, лирическая. Но тема у них одна: война и разлука. И то, и другое в памяти из далеких лет моего детства. Отвратительный вой падающих бомб на землю нашего совхоза в Домодедовском районе Подмосковья, раздирающий душу стон и плач женщин, провожающих мужчин на фронт. В те годы мы, школьники, тоже работали — выхаживали поросят, выращивали рассаду, таскали мешки, разбрасывали навоз. Но в школу ходили, точнее, нас возили на лошади за 3 км. Домой с войны вернулись единицы. И когда кто-то в гимнастерке шел к нашей деревне, женщины выбегали на дорогу в надежде: «А не мой ли возвращается домой?». Песни военных лет я знаю почти все, но эти две мне особенно дороги.

Двадцать второго июня, ровно в четыре часа...

Слова Б. Ковынева

Музыка народная

*Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа
Киев бомбили,
Нам объявили,
Что началась война.*

*Кончилось мирное время,
Нам расставаться пора.
Я уезжаю,
Быть обещаю
Верным тебе до конца.*

*И ты смотри,
С чувством моим не шути!
Выйди, подруга,
К поезду друга,
Друга на фронт проводи.*

*Дрогнут колеса вагона,
Поезд помчится стрелой.
Ты мне с перрона,
Я — с эшелона
Грустно помашем рукой...*

*Пройдут года,
Снова я встречу тебя.
Ты улыбнешься,
К сердцу прижмешься
И поцелуешь меня.*

Киев бомбили, нам объявили

Эта песня родилась в первые дни Великой Отечественной войны.

Мне часто вспоминаются незамысловатые строки одной из самых первых песен Великой Отечественной войны. Эта своеобразная переделка довоенного «Синего платочка» родилась в первые же дни вражеского нашествия и, думаю, помнится многим. Ее часто пели в ту суровую пору на Дону, в родной моей станице Семикаракорской. Пели в минуты горького застолья, провожая ребят на войну. Пели вечерами на посиделках. И я пел вместе со взрослыми, а нередко даже запевал в их слаженном хоре.

Многие ветераны напевают ее и сейчас. Но, к сожалению, чаще всего они знают лишь первые строки:

*Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа
Киев бомбили,
Нам объявили,
Что началась война.*

Эту песню написал популярный в предвоенные годы поэт Борис Ковынев.

Первая книжка его стихов вышла в издательстве «Новая Москва» в 1925 году. Следующую его книгу «Солнце взрослых» рекомендовал к печати А. М. Горький. Из Сорренто он написал Ковыневу письмо, очень тепло отозвался о его стихах.

*Снова песней гудит голова,
Снова молодость брызжет прибоем.
Ну-ка, жизнь, засучи рукава,
Мы еще повоюем с тобою!..*

Так заканчивалось стихотворение Ковынева, посвященное А. М. Горькому.

В фондах Российской государственной библиотеки («Ленинки») я отыскал несколько поэтических сборников Ковынева. На его стихи складывали песни.

Много лет назад довелось мне услышать от поэта Якова Захаровича Шведова, автора знаменитого «Орленка», мудрые слова поэтической притчи:

*И в час предзакатный опять и опять
В душе афоризм шевелится:
В обычаях мира — сначала распять,
Потом — на распятые молиться...*

Оказалось, что эти провидческие строки тоже принадлежат Борису Константиновичу Ковыневу..

С трудом отыскал я его неухоженную, заросшую травой могилку на Ваганьковском кладбище. «Двадцать второе июня», мне кажется, слышали в нашей стране в каждом доме.

Юрий БИРЮКОВ

Светлана ГОРЯЧЕВА, депутат Государственной Думы:

«Мне нравятся песни Высоцкого о войне. «Друг, оставь закурить, а в ответ тишина. Он вчера не вернулся из боя». Потрясающая песня и очень проникновенная, хотя сам Высоцкий в войне не участвовал.

Мой отец — участник Великой Отечественной войны. Воевал с японцами на Халхин-Голе, Хасане, потом в Маньчжурии. Мама всю войну проработала проводником на железной дороге в Приморском крае. Один папин брат участвовал в войне и, слава Богу, вернулся домой, а второй погиб в июньские дни 1941 года.

Екатерина СЕМЕНОВА, певица:

«Мои родители — фронтовики. В нашем доме всегда звучали песни военных лет, которые они привезли с фронта, и новые, написанные спустя годы после войны. Одну из них я запомнила и полюбила на всю жизнь. Она называется «На безымянной высоте», композитора Баснера и поэта Матусовского. Помните, «Дымилась роща под горою»? Папа и мама не могли ее слушать без слез. Видимо, эта песня будила у них воспоминания о пережитом на войне, а я воспринимаю ее как бы на генетическом уровне».

Песня о Днепре

Слова Е. Долматовского

Музыка М. Фрадкина

***У прибрежных лоз, у высоких круч
И любили мы, и росли.
Ой, Днепро, Днепро, ты широк, могуч,
Над тобой летят журавли.***

***Ты увидел бой, Днепр — отец-река.
Мы в атаку шли под горой.
Кто погиб за Днепр, будет жить века,
Коль сражался он как герой.***

***Враг напал на нас, мы с Днепра ушли,
Смертный бой гремел, как гроза.
Ой, Днепро, Днепро, ты течешь вдали,
И волна твоя, как слеза.***

***Из твоих стремнин ворог воду пьет,
Захлебнется он той водой!
Славный час настал — мы идем вперед
И увидимся вновь с тобой.***

***Кровь фашистских псов пусть рекой течет,
Враг советский край не возьмет.
Как весенний Днепр, всех врагов сметет
Наша армия, наш народ.***

У прибрежных лоз, у высоких круч

Немало величавых рек, воспетых и прославленных, довелось мне видеть — Волгу и Вислу, Дон и Дунай, Рейн и Амур... Но самое сильное впечатление с детских лет и на всю жизнь осталось от первой встречи с Днепром.

С тех пор как в сентябре 1943-го освободили от немцев нашу шахтерскую Горловку и снова заговорило радио, мама из-за плохой слышимости буквально припадала ухом к тарелке репродуктора. Она слушала все сводки Совинформбюро, с нетерпением ожидая тот день, когда ее родное село Косовка, в Кировоградской области, будет очищено от фашистских оккупантов. Там жила ее мама, моя бабушка. А жива ли она сейчас?

Косовку освободили в декабре того же года, ранней весной 1944-го мы отправились в путь. Добирались на товарняках — пассажирских поездов не было. Ехали на открытой платформе с боевой техникой, которую везли к линии фронта. На станции Красноармейск мама побежала к кубовой, чтобы набрать воды, а поезд тут же тронулся. Я остался один, бойцы меня утешали, но горе мое было неутешно. Шел мне тогда седьмой год. Так доехали до переправы через Днепр — на другом берегу уже был виден Днепропетровск.

Здесь поезда задерживали и в первую очередь пропускали на передовую самые-самые важные. Такими, как мне кажется теперь, были составы с горючим — войскам без него на фронте все равно, что без воды в пустыне.

Стоим. Что мне дальше делать и что со мной делать, никто не знает. Смотрю — на параллельный путь заходит «экспресс», сплошь состоящий из цистерн. На лесенке одной из них висит женщина, прижимая к себе козу, а на другой... Что есть сил я закричал: «Мама!..» Так мы снова оказались вместе, и вместе с нами радость встречи разделили наши добрые попутчики в гимнастерках.

А переправа через Днепр вызвала у меня и восхищение, и ужас. Железнодорожный мост, наверное, наскоро восстановленный, был еще без ограждений, и это создавало ощущение полной незащищенности. Смотреть налево и направо, да еще с открытой платформы, было страшно. С высоты река, широченная и полноводная, казалась бездной. Потом уже в районе Днепродзержинска мы ехали вдоль Днепра, он был виден из-

далека, и я не мог оторвать от него глаз. Такой широкой водной глади у нас в Донбассе увидеть было невозможно.

Так добрались мы до места назначения. Бабушка была жива, ее хата под соломенной крышей цела, а вот в огороде зияли две воронки от бомб, и там были наскоро похоронены, а точнее, прикопаны наши бойцы. Они, форсировавшие Днепр, навсегда остались в украинской земле, в трех десятках километров от его правого берега.

«Песню о Днепре» я узнал уже после войны, и она с тех пор у меня всегда ассоциируется с той поездкой по дорогам военного времени. Узнал, что за успешное форсирование Днепра более двух с половиной тысяч воинов были удостоены звания Героя Советского Союза».

Александр КУЗНЕЦОВ

«Песня о Днепре» родилась на Юго-Западном фронте осенью 1941 года, в суровые дни отступления. Вначале были написаны стихи. Вскоре их автора, поэта Евгения Долматовского, познакомили с работавшим в Ансамбле песни и пляски Юго-Западного фронта композитором Марком Фрадким. Первыми слушателями песни были политработники фронта.

«Пропета песня, — вспоминал об этой премьере ее поэт, — но аплодисментов нет. Люди молча, медленно встают, и в этой неловкой паузе возникает снова песня. Ансамблю пришлось трижды спеть «Песню о Днепре».

С «Песней о Днепре» советские воины не расставались и в дни отступления, и тогда, когда погнали врага. В нее только вносили поправки. Так, вместо строк «Будет славный день, мы пойдем вперед» стали петь «Славный день настал, мы идем вперед». Сам поэт публиковал ее в своих сборниках в том виде, как она была написана в 1941 году, справедливо считая, что «в этом случае новые слова неизбежно вошли бы в острое противоречие с общим настроением песни... Она вся в прошедшем времени, — писал он в своей книге «Было», — но я хочу сохранить то настроение, которое было продиктовано самым тяжелым периодом Великой Отечественной войны».

Юрий БИРЮКОВ

Два Максима

Слова В. Дыховичного

Музыка С. Каца

*На границе шумели березки,
Где теперь пришлось нам воевать,
Там служили-дружили два тезки —
Их обоих Максимами звать.
Был один — пулеметчик толковый.
(Познакомьтесь с Максимом моим!)
А другой — пулемет был станковый
По прозванию тоже «максим».*

*Крепко связаны дружбою старой,
Принимали грозные бои
Неразлучною дружною парой
Оба тезки — Максимы мои.
Очень точно наводит наводчик,
А «максим», словно молния, бьет.
«Так, так, так!» — говорит пулеметчик.
«Так, так, так!» — говорит пулемет.*

*От осколка германской гранаты
Не случилось уберечься им:
Пулеметчик был ранен, ребята,
Поврежден пулемет был «максим».
Дни леченья проносятся мимо,
И дружку произведен ремонт,
И опять оба тезки Максимы
Возвращаются вместе на фронт.*

*А на фронте — горячий и хлесткий —
Ураганный бой гудит опять.
И опять служат-дружат два тезки,
И обоих Максимами звать.
Снова точно наводит наводчик,
С максимальной силою бьет.
«Так, так, так!» — говорит пулеметчик.
«Так, так, так!» — говорит пулемет.*

«Так, так, так!» — говорит пулеметчик

В стихах, написанных В. Дыховичным в июльские дни 1941 года, очень удачно обыгрывалось давнее «прозвание» пулемета, не однажды фигурировавшее в песнях, в особенности про войну Гражданскую, и имя его хозяина-пулеметчика. И конечно же, под стать стихам оказалась музыка — искрометная, зажигательная.

На радио, куда принес ее композитор С. Кац, к «Двум Максима» отнеслись по-разному. Одним она показалась легкой, написанной не ко времени, другие считали, что песня такая очень даже своевременна и нужна. В конце концов решили проверить песню на слушателях и пригласили разучить и исполнить ее в одной из передач популярного киноактера Бориса Чиркова, блестяще сыгравшего роль питерского рабочего парня Максима.

«Сначала он спел «Крутится, вертится шар голубой...» с новым текстом, написанным В. Лебедевым-Кумачом, — вспоминал о премьере своей песни автор ее музыки, — а потом обратился с теплым приветствием к фронтовикам от имени своего героя из «Выборгской стороны» и закончил свое выступление песней о двух тезках Максимах. Отклики на передачу посыпались молниеносно. Сотни писем — фронтовых треугольников — начало получать радио с просьбой повторить песню. В них бойцы обещали драться так же, как сражался Максим со своим пулеметом...»

Вскоре солист Всесоюзного радио Георгий Виноградов записал эту песню на пластинку.

Многим она запомнилась также по прекрасному исполнению ее Владимиром Бунчиковым и в последние годы — Людмилой Гурченко.

Юрий БИРЮКОВ

Александр ХЛОПОНИН, губернатор Красноярского края:

«Для моего поколения песни минувшей войны — это особые песни. На них мы воспитывались, на них мы учились тому, как нужно любить Родину, как нужно ей служить. Люблю песни, написанные о той поре молодыми, теми, кто в Отечественную войну не воевал. Это и Высоцкий, и Газманов, и многие нынешние барды...

Очень мне нравится, например, песня о войне «Облака» не слишком известного в стране автора-исполнителя Егорова: душевная, лирическая, трогательная... Мы часто исполняем ее, когда собираемся у костра, когда отдыхаем на природе.

Часто думаю: как мы сейчас воспринимаем прошедшую войну, как относимся к тем, кто выдержал на своих плечах такое тяжелое испытание? В Красноярском крае и исполнительная, и законодательная власть стараются все делать для того, чтобы старикам нашим, а уж тем более фронтовикам, жилось достойно».

Владимир САМОХИН,

ветеран Великой Отечественной войны и труда:

Газета «Трибуна» попросила написать о самой дорогой песне войны. Для меня это «Темная ночь». В октябре 1943 года разрывная пуля крупнокалиберного пулемета попала мне в левое бедро. Грозила ампутация, а мне ведь было всего 19 лет. Умелые руки фронтовых хирургов спасли ногу, но лечиться пришлось целых 10 месяцев. При этом я полгода не вставал с койки.

Вместе с врачами меня поставила на ноги «Темная ночь». Следом за певцом я повторял: «Знаю, встретишь с любовью меня, что б со мной ни случилось...»

С большой радостью 8 мая 2004 года я слушал «Темную ночь» в исполнении Д. Хворостовского.

*пос. Глазуновка,
Орловская область*

В землянке

Слова А. Суркова

Музыка К. Листова

*Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.*

*Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.*

*Ты сейчас далеко-далеко,
Между нами снега и снега...
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти — четыре шага.*

*Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.*

Пой, гармоника, выюге назло!..

Летом сорок четвертого наш 103-й гвардейский стрелковый полк, за особое упорство наименованный Нижнеднестровским, отвели на формировку в широкую лесистую балку за селом Тростянец, в двадцати пяти километрах от Тирасполя.

В ротах, сведенных в один батальон, оставалось по несколько солдат...

Все мои фронтовые друзья погибли на днестровских отрогах. А тут еще мой дядя Константин, воевавший где-то неподалеку, прислал письмо, в котором сообщал, как безжалостно прошла война по нашей с ним родине. В Харькове немцы зверски убили мою бабушку Варвару Алексеевну, дядю Егора вместе с семьей, в том числе и семилетнюю двоюродную сестренку Аллу. Душу охватили гнев и печаль. Было мне в ту пору всего восемнадцать, и столь острые сплетения чувств больно жгли сердце. Донимала тоска по отчему дому, по родителям и братьям. Особенно тяжело было в часы ночных вахт.

Вот и в тот вечер я грустно прислонился к стенке глубокого окопа у выхода из балки, где был сторожевой пост с полевым телефоном в нише. Стал нетерпеливо поглядывать на небо, на свой старый ориентир — Звездный Воз, который медленно смещал свои мерцающие оглобли...

И вдруг до моего слуха донеслись голоса. На склоне балки вспыхнул огонек. Потрескивая и постреливая искрами, стал набирать силу костерок. До передовой было недалеко, вот ребята и расслабились. Вспоминали родные края. Окрест была такая тишина, что отчетливо было слышно каждое слово.

Говорили в хозяйстве помпотеха Леонида Усанова, прозванного у нас полковым соловьем. У старлея был чудесный голос, тонкий музыкальный слух.

Слышу, кто-то просит его: «Леня! Спой, браток, «Землянку». Душа просит...» Леня долго отмалчивался, а потом раздумчиво, с какой-то теплотой в голосе стал пересказывать — выводить песенные слова, каких мне до той минуты слышать не доводилось.

Удивительная мелодия несла по балке найденные в счаст-

ливую минуту озарения слова о фронтовой судьбе и верности, о любви, от которой и «в холодной землянке тепло».

Я решил во что бы то ни стало разыскать Усанова и переписать слова песни. Но солдат на войне себе не принадлежит. Меня перевели в другой полк, в разведку. Потом была снова передовая, прорыв на Днестре, тяжелая травма позвоночника и самые страшные годы жизни в госпиталях.

Я вам сейчас напишу цифру, в которую не верю уже и сам. Но это было, было: 1610 дней и ночей я непрерывно лежал на госпитальной койке, и со мной была неразлучно та самая песня, которую я услышал в Приднестровье.

Николай ГОНЧАРОВ,
*бывший разведчик 84-го гвардейского Краснознаменного
Галацкого артполка, ветеран «Трибуны».*

Вначале были стихи, которые автор не собирался публиковать, и уж совсем не рассчитывал, что они станут песней.

«Это были шестнадцать «домашних» строк из письма моей жене Софье Антоновне, — вспоминал Алексей Александрович Сурков, — написал я его в конце ноября, а точнее, 27-го, после тяжелого боя под Истрой». Над рукописью сурковских строк посвящение жене: «Тебе — солнышко мое!»

Так бы и остались они в домашнем архиве поэта, не приди в редакцию фронтовой газеты «Красноармейская правда» композитор Константин Листов. Сурков разыскал в блокноте строки, написанные домой, и, переписав начисто, отдал Листову.

Через неделю композитор вновь появился в редакции и под гитару спел свою песню «В землянке». Всем показалось, что песня «вышла».

После публикации в «Комсомольской правде» стихов и мелодической строчки песню подхватили и запели всюду, несмотря на то, что больше она нигде не публиковалась и одно время была даже под запретом.

Юрий БИРЮКОВ

Моя Москва

Слова М. Лисянского и С. Аграняна

Музыка И. Дунаевского

*Я по свету немало хаживал:
Жил в землянках, в окопах, в тайге,
Похоронен был дважды заживо,
Знал разлуку, любил в тоске.*

*Но Москвой я привык гордиться,
И везде повторял я слова:
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!*

*Я люблю подмосковные рощи
И мосты над твоею рекой.
Я люблю твою Красную площадь
И Кремлевских курантов бой.*

*В городах и далеких станицах
О тебе не умолкнет молва,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!*

*Мы запомним суровую осень,
Скрежет танков и отблеск штыков,
И в сердцах будут жить двадцать восемь
Самых храбрых твоих сынов.*

*И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!*

Я люблю твою Красную площадь...

То, что Москва была не просто столицей, а поистине сердцем страны, мы особенно ощутили и почувствовали в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. И вот это отношение народа к Москве запечатлено в лучших песнях, родившихся в ту незабываемую суровую пору: в «Песне защитников Москвы» Бориса Мокроусова и Алексея Суркова, «Дорогах» («Чуть горит зари полоска узкая...») Леонида Бакалова и Ивана Молчанова, «Песне о фонарике» Дмитрия Шостаковича и Михаила Светлова, «Песне о двадцати восьми» («Шумела в поле злая осень...») Анатолия Софронова на музыку, сложенную в народе, и многих других.

И все-таки, пожалуй, самой яркой в этом ряду была и остается песня «Моя Москва», которую мы публикуем.

Последняя строфа знаменитой песни композитора Дунаевского высечена на гранитном постаменте памятника героическим защитникам Москвы на 23-м километре Ленинградского шоссе — том самом рубеже, где суровой осенью 1941 года был остановлен враг.

Интересны подробности, связанные с рождением и первым исполнением этого произведения. В журнале «Новый мир» № 9-10 за 1941 год было опубликовано стихотворение молодого поэта-фронтовика Марка Лисянского «Моя Москва».

Весной 1942 года художественный руководитель Ансамбля песни и пляски Центрального Дома культуры железнодорожников И. О. Дунаевский прочитал это стихотворение в вагоне агитпоезда. Тут же, прямо на полях журнальной страницы, он записал мелодию, навеянную и подсказанную первой строфой «Моей Москвы».

Мелодия родилась сразу. Но песни все же не было. Нужна была еще строфа. И не одна. А где его отыскать в ту пору, незнакомого автора этих стихов? По каким перепутьям пролегла его фронтовая дорога?

Дунаевский обратился за помощью к режиссеру ансамбля Сергею Ивановичу Аграняну, с которым в первые месяцы войны написал уже не одну песню, и среди них такие, как «Бей по

врагам!», «Песня о 62-й армии». Любимец ансамбля, замечательный парень (как назвал его в одном из писем Исаак Осипович), Агранян дописал недостающие строки.

Первое исполнение песни состоялось на станции Дивизионная, недалеко от Читы. Спела ее в сопровождении хора и оркестра солистка ансамбля Марина Бабыяло. Вот что рассказывала много лет спустя Марина Львовна:

«Отзвучали последние аккорды. Что творилось! Заставили петь снова. Пять раз подряд исполняли мы эту песню. Видели бы вы лица, в особенности глаза слушавших нас бойцов и командиров! Они светились решимостью и гневом, гордостью и печалью. Это непередаваемо!»

Юрий БИРЮКОВ

Юрий ЛУЖКОВ, мэр Москвы:

— В июле 1995 года был принят Закон «О Гимне города Москвы». В основе гимна — песня И. О. Дунаевского на стихи М. С. Лисянского и С. И. Аграняна «Моя Москва».

Гимн объединяет людей, отражает высокую гражданскую идею, утверждает идеалы добра и справедливости, воплощает гордость народа, его чувства и настроение. Он связан с прошлым и одновременно устремлен в будущее. И я уверен — в счастливое будущее.

Нина АЛИЕВА, ветеран труда:

— Когда осенью 1941 года развернулась жестокая битва за Москву, жители Баку обратились с письмом к москвичам: «Москва, родная! Ты сегодня в опасности. Но ты не одна. С тобой вся могучая Родина! С тобой бакинцы, с тобой весь азербайджанский народ. Наша дружба в эти суровые дни крепка, как гранит. Она — основа нашей победы. И пока эта дружба существует, никакой враг не страшен нам. Родные защитники Москвы! Мы с вами...» Город Баку, где в 1922 году был построен первый советский нефтяной промысел, дал для победы все: нефть, машины, тепло сердец, мужество подвига. Во всех 10 поселках Ленинского района, где я жила, воздвигнуты обелиски, символы мужества и славы.

*г. Александров,
Владимирская обл.*

Вася-Василек

Слова С. Алымова

Музыка А. Новикова

***Что ты, Вася, приуныл,
Голову повесил,
Ясны очи замутил,
Хмуришься, невесел?
С прибауткой-шуткой в бой
Хаживал, дружочек.
Что случилось вдруг с тобой,
Вася-Василечек?
Ой, милоч,
Ой, Вася-Василек!***

***Припев:
Не к лицу бойцу кручина,
Места горю не давай.
Если даже есть причина,
Никогда не унывай,
Места горю не давай,
Никогда не унывай,
Не унывай!***

***«Бить врага — вопрос другой,
С шуткой веселее.
Нет письма от дорогой —
Думушки темнее.
Письмеца недель пяток
Почта не приносит.
Понимаешь ли, браток,
Сердце ласки просит».
Ой, милоч,
Ой, Вася-Василек!***

Припев.

*Что ты, Вася, друг большой,
Зря себя так мучишь?
Если любит всей душой —
Весточку получишь.
Не захочет написать —
Значит, позабыла,
Значит, надо понимать,
Вовсе не любила.
Ой, милок,
Ой, Вася-Василек!*

Припев.

*Прижимай к плечу плечо —
Дружба остается,
Если сердце горячо —
Девушка найдется.
Нынче больно — не тужи,
Завтра твой денечек.
Выше голову держи,
Вася-Василечек!
Ой, милок,
Ой, Вася-Василек!*

Припев.

Не к лицу бойцу кручина

Шуточную песню про Васю-Василька композитор Анатолий Новиков и поэт Сергей Алымов написали еще до войны, в конце 1940 года, и тогда же представили на конкурс военной песни, где она была премирована.

Да вот беда: песня эта еще не вышла из печати, как и написанная одновременно с нею «Самовары-самопалы», а уже началась война. И композитору, и поэту на первых порах показалось, что теперь эти шуточные, жизнерадостные песни — совсем не ко времени.

Но вот 21 января 1942 года идет трансляция торжественного заседания Московского Совета, посвященного памяти В. И. Ленина. Как обычно, после собрания — концерт. Выступают ансамбль войск НКВД и Краснознаменный. Первый поет «Зимушку», второй — горячо, темпераментно — «Васю-Василька» и «Самовары-самопалы».

И в этом был глубокий смысл: накануне была одержана великая победа под Москвой — это ли не повод для всенародной радости? И потому программа концерта призвана была поддержать это настроение.

Юрий БИРЮКОВ

Галина ГОРОХОВА, трехкратная олимпийская чемпионка по фехтованию:

— Я очень люблю песню «Вася-Василек». Первый раз услышала ее в конце войны, и как будто свежестью повеяло. А песня «Вася-Василек» как нельзя лучше соответствовала этому настроению.

Сейчас не до песен. Время не то. Сердце кровью обливается, глядя на ветеранов! А для моей семьи та, чудовищная война не закончилась. Мой папа, Евгений Дмитриевич Горохов, в 1941 году добровольцем ушел на фронт. Пропал без вести под Смоленском. Попытки отыскать его могилу окончились безрезультатно. А война, как известно, не может считаться законченной, пока последний солдат не будет похоронен.

Играй, мой баян

Слова Л. Давидович

Музыка В. Соловьева-Седого

*С далекой я заставы,
Где в зелени дом и скамья,
Где парень пел кудрявый.
Ту песню запомнил я.*

Припев:

*Играй, мой баян,
И скажи всем друзьям,
Отважным и смелым в бою,
Что, как подругу,
Мы Родину любим свою.*

*Таких, как наши песни,
В других я местах не слышал,
И девушек чудесней
Нигде я не встречал.*

Припев.

*Но злая вражья стая
Над нами, как туча, взвилась,
Застава дорогая
За Родину поднялась.*

Припев.

Песня неунывающих красноармейцев

Первоначальное название песни — «Застава дорогая».

24 июня 1941 года композитор В. Соловьев-Седой принес ее на Ленинградское радио, и она была включена в эстрадное обозрение про рабочего паренька с Нарвской заставы.

В нотной библиотеке Ленинградского радио сохранился рукописный экземпляр этой песни, датированный 9 августа 1941 года, под названием «Песня Сени». Дело в том, что в финале этого эстрадного обозрения (авторы Л. Давидович и Г. Роом) ее пел главный персонаж, уходя на фронт (играл его артист Александр Борисов).

Авторы обозрения фигурируют как авторы текста этой песни в ее первом издании — сборнике «Песни Краснознаменной Балтики» (Л.: Пубалт. Музгиз, 1941) и на пластинке, выпущенной экспериментальной фабрикой грампластинок (г. Ленинград) в 1942 году, где она записана в исполнении Ефрема Флакса. В последующих изданиях Г. Роом как соавтор текста песни не упоминается.

После эвакуации Пушкинского театра в Новосибирск артист А. Борисов и его товарищ по театру Константин Адашевский продолжали выступать с этой песней в еженедельных программах Новосибирского радио «Огонь по врагу», где создали запомнившиеся многим на фронте и в тылу образы веселых и неунывающих красноармейцев Ильи Шмелькова и Кузьмы Ветеркова. Их постоянным аккомпаниатором был талантливый баянист Иван Иванович Маланьин.

«Играй, мой баян» в числе других песен В. Соловьева-Седого была удостоена Государственной премии СССР в 1943 году.

Юрий БИРЮКОВ

Вечер на рейде

Слова А. Чуркина

Музыка В. Соловьева-Седого

*Споемте, друзья, ведь завтра в поход
Уйдем в предрассветный туман.
Споем веселей, пусть нам подпоет
Седой боевой капитан.*

Припев:

*Прощай, любимый город!
Уходим завтра в море.
И ранней порой
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой.*

*А вечер опять хороший такой,
Что песен не петь нам нельзя;
О дружбе большой, о службе морской
Подтянем дружнее, друзья!*

Припев.

*На рейде большом легла тишина,
А море окутал туман,
И берег родной целует волна,
И тихо доносит баян.*

Припев.

О дружбе большой, о службе морской

Василий Павлович Соловьев-Седой написал эту песню в августе 1941 года и вскоре показал ее руководству Центрального ансамбля Военно-Морского Флота, который базировался в ту пору в блокадном Ленинграде. Этот художественный коллектив и стал ее первым исполнителем и активнейшим пропагандистом. В его исполнении песня «Вечер на рейде» впервые прозвучала по радио во время гастролей ансамбля в Москве в 1942 году. Тогда же она была впервые издана Главным политуправлением Военно-Морского Флота (Музфонд СССР, 1942).

Популярность «Вечера на рейде» была настолько велика, что появились различные варианты и переделки песни.

Парашютисты-десантники пели:

Споемте, друзья, ведь завтра в полет,

Летим мы во вражеский тыл.

Споем веселей, пусть нам подпоет,

Кто песен родных не забыл.

Партизаны Крыма, судя по воспоминаниям командира отряда И. Козлова в его книге «В крымском подполье», сочинили такие слова:

Прощай, любимый город!

Уходим завтра в горы,

И ранней порой

Мелькнет за спиной

Зеленый мешок вещевой.

Итальянские партизаны пели на этот мотив в годы войны песню о девушке — героине освободительного движения.

В дни героической обороны Севастополя, в 1942 году, Севастопольский ДВМФ ЧФ имени лейтенанта Шмидта издал листовку с этой песней.

Великолепно пели ее на радио В. Нечаев и В. Бунчиков.

Имя В. Соловьева-Седого стало всенародно известным. В 1943 году за эту и ряд других песен он был удостоен Государственной премии СССР.

Юрий БИРЮКОВ

Только на фронте

Слова В. Лебедева-Кумача

Музыка А. Лепина

***Кто сказал, что надо бросить
Песни на войне?
После боя сердце просит
Музыки вдвойне.***

***Нынче у нас передышка,
Завтра вернемся к боям.
Что же твой голос не слышно,
Друг наш — походный баян?***

***Кто сказал, что сердце губит
Свой огонь в бою?
Воин всех вернее любит
Милую свою.***

***Только на фронте проверишь
Лучшие чувства свои,
Только на фронте измеришь
Силу и прочность любви.***

***Кто придумал, что грубеют
На войне сердца?
Только здесь хранить умеют
Дружбу до конца.***

***В битвах за друга всю душу
Смело положат друзья,
Ни расколоть, ни нарушить
Дружбы военной нельзя.***

*Кто сказал, что надо бросить
Песни на войне?
После боя сердце просит
Музыки вдвойне.*

*Пой, наш певучий братишка,
Наш неразлучный баян, -
Нынче у нас передышка,
Завтра вернемся к боям!*

Ответ сердитому майору

О том, как родилась эта песня, рассказала мне дочь Лебедева-Кумача Марина Васильевна:

«Толчком к ее написанию послужила обидная фраза, которую бросил отцу в наркомате флота, где он работал в годы войны, один разгневанный майор. Майор этот вышел из кабинета начальника очень расстроенным и, заметив Василия Ивановича, тоже приглашенного на беседу к руководству, вдруг сказал:

— Все песенки пишете? А ведь их никто не поет. Нынче не песни петь надо, а гадов фашистских бить!

Василий Иванович не нашел в тот момент, что ответить, но, придя домой, очень переживал. Тогда-то и написал он стихотворение, начинавшееся словами: «Кто сказал, что надо бросить песни на войне?»

Вскоре композитор Лепин сочинил к этим стихам музыку.

Спустя несколько месяцев Лебедев-Кумач встретил Лепина на улице, поздоровался и сказал:

— А помните, Анатолий, нашу первую песню? Как она пошла! Сколько писем получено с фронта! Я с Листовым на днях вернулся из поездки на Северный флот. Так туда эта песня раньше нас с ним долетела! Вот и ответ тому рассерженному майору».

Юрий БИРЮКОВ

Ты одессит, Мишка!

Слова В. Дыховичного

Музыка М. Воловаца

*Широкие лиманы, зеленые каштаны,
Качается шаланда на рейде голубом.
В красавице-Одессе мальчишка голоштаный
С ребячьих лет считался заправским моряком.
И если горькая обида
Мальчишку станет донимать,
Мальчишка не покажет вида,
А коль покажет, скажет ему мать.*

Припев:

*Ты одессит, Мишка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда.
Ведь ты моряк, Мишка, моряк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда!*

*Широкие лиманы, поникшие каштаны,
Красавица-Одесса под вражеским огнем.
С горячим пулеметом, на вахте неустанно
Молоденький парнишка в бушлатике морском.
И эта ночь, как день вчерашний,
Несется в крике и пальбе.
Парнишке не бывает страшно,
А станет страшно, скажет он себе:*

Припев.

*Широкие лиманы, сгоревшие каштаны,
И тихий скорбный шепот приспущенных
знамен...*

*В глубокой тишине, без труб, без барабанов,
Одессу покидает последний батальон.
Хотелось лечь, прикрыть бы телом
Родные камни мостовой,
Впервые плакать захотел он,
Но комиссар обнял его рукой.*

Припев.

*Широкие лиманы, цветущие каштаны
Услышали вновь шелест развернутых знамен,
Когда вошел обратно походкою чеканной
В красавицу-Одессу гвардейский батальон.
И, уронив на землю розы,
В знак возвращения своего
Наш Мишка не сдержал вдруг слезы,
Но тут никто не молвил ничего.*

Припев:

*Хоть одессит Мишка, а это значит,
Что не страшны ему ни горе, ни беда.
Ведь ты моряк, Мишка, моряк не плачет —
Но в этот раз поплакать, право, не беда!*

Мишка вернулся в Одессу

В конце 1941 года в газетах было опубликовано стихотворение Владимира Дыховичного «Одессит Мишка» — отклик на события, связанные с героической обороной Одессы моряками-черноморцами. Вскоре музыку к этим стихам написал композитор-фронтовик Модест Табачников. Песню полюбили на Южном фронте, где он в ту пору служил. Она была включена в программу выступлений фронтового театра, в котором Табачников заведовал музыкальной частью и являлся автором большинства песенных номеров, исполнявшихся в его представлениях.

Однако не этому мелодическому варианту про одесского моряка Мишку суждено было войти в песенную антологию военных лет. Такая счастливая судьба ожидала песню, написанную пианистом Государственного джаз-оркестра РСФСР под руководством Л. Утесова М. Воловцем. Первым ее исполнителем, во многом способствовавшим успеху и широкому распространению этой песни, был, безусловно, сам Леонид Осипович. Он пел ее в концертах, записал в годы войны на грампластинку, исполнил в одном из фильмов-концертов, снятых в ту пору. Популярность этой песни на фронте была так велика, что в дни освобождения Одессы от фашистских захватчиков автор ее стихов написал ее продолжение. Песня «Мишка вернулся в Одессу» была опубликована в «Комсомольской правде» 12 апреля 1944 года.

Впоследствии стихи первоисточника и его продолжения соединились в народном бытовании. В таком виде они и представлены в настоящем издании.

Юрий БИРЮКОВ

В лесу прифронтовом

Слова М. Исаковского

Музыка М. Блантера

*С берез, неслышен, невесом,
Слетает желтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.
Вздыхают, жалуясь, басы,
И, словно в забыты,
Сидят и слушают бойцы —
Товарищи мои.*

*Под этот вальс весенним днем
Ходили мы на круг,
Под этот вальс в краю родном
Любили мы подруг,
Под этот вальс ловили мы
Очей прекрасных свет,
Под этот вальс грустили мы,
Когда подруги нет.*

*И вот он снова прозвучал
В лесу прифронтовом,
И каждый слушал и молчал
О чем-то дорогом.
И каждый думал о своей,
Припомнив ту весну,
И каждый знал — дорога к ней
Ведет через войну.*

*Пусть свет и радость прежних встреч
Нам светят в трудный час.*

*А коль придется в землю лечь —
Так это ж только раз!*

*Но пусть и смерть в огне, в дыму
Бойца не устрашит,
И что положено кому —
Пусть каждый совершит.*

*Так что ж, друзья, коль наш черед —
Да будет сталь крепка!
Пусть наше сердце не замрет,
Не задрожит рука.
Настал черед, пришла пора,
Идем, друзья, идем —
За все, чем жили мы вчера,
За все, что завтра ждем!*

*С берез, неслышен, невесом,
Слетает желтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.
Вздыхают, жалуясь, басы,
И, словно в забыты,
Сидят и слушают бойцы —
Товарищи мои.*

Старинный вальс играет гармонист...

«Стихи написаны на Каме, — вспоминал о рождении песни «В лесу прифронтовом» Михаил Исаковский, — когда шел второй год войны. Работая, представил себе русский лес, чуть-чуть окрашенный осенью, тишину, непривычную для солдат, только что вышедших из боя, тишину, которую не может нарушить даже гармонь.

Послал стихи старому товарищу композитору Матвею Блантеру (с ним создавали «Катюшу»). Спустя несколько месяцев услышал по радио, как «В лесу прифронтовом» исполняет Ефрем Флакс».

Упомянутый в стихах Исаковского старинный вальс «Осенний сон» написан А. Джойсом, и, наверное, поэтому в музыке Блантера ощущается намеренная стилизация как под этот вальс, так и его же вальс «Воспоминание» (в запеве песни). Однако музыка Блантера по своей интонационной наполненности, по красоте и выразительности мелодий, безусловно, богаче и выразительнее вальсов Джойса.

В 1946 году за военные песни композитору М. Блантеру была присуждена Государственная премия СССР.

Юрий БИРЮКОВ

Светлана ШОЛОХОВА:

— Совсем незадолго до кончины, а умирал Михаил Александрович от мучительнейшего рака, он вдруг попросил поставить пластинку с песней «В лесу прифронтовом...» И когда дошло до слов «И что положено кому, пусть каждый совершит», отец тихо проговорил: «Да, правильно, все так...»

*Станица Вешенская,
Ростовская область.*

Алексей ЛЫКИН, участник Парада Победы 24 июня 1945 года:

— Сам я, к сожалению, пению не обучен, но слушать песни люблю. Особенно фронтовой юности — всегда щемит сердце. Но вот назвать какую-то одну из песен тех лет не берусь — все они по-своему дороги. И «Темная ночь», и «Землянка», и «В лесу прифронтовом...»

г. Красноярск

На солнечной поляночке

Слова А. Фатьянова

Музыка В. Соловьева-Седого

*На солнечной поляночке,
Дугою выгнув бровь,
Парнишка на тальяночке
Играет про любовь.
Про то, как ночи жаркие
С подружкой проводил,
Какие полушалки ей
Красивые дарил.*

*Припев:
Играй, играй, рассказывай,
Тальяночка, сама
О том, как черноглазая
Свела с ума.*

*Когда на битву грозную
Парнишка уходил,
Он ночью темной, звездною
Ей сердце предложил.
В ответ дивчина гордая
(Шутила, видно, с ним):
«Когда вернешься с орденом,
Тогда поговорим».*

Припев.

*Боец среди дыма-пороха
С тальяночкой дружил,
И в лютой битве с врагом
Медаль он заслужил.
Пришло письмо летучее
В заснеженную даль,
Что ждет, что в крайнем случае
Согласна на медаль!*

Припев.

Играй, играй, тальяночка...

Стихотворение «На солнечной поляночке» рядовой Алексей Фатьянов написал в 1942 году. В ту пору он был ведущим и заведовал литературной частью в Ансамбле песни и пляски Южно-Уральского военного округа. В городе Чкалове (ныне Оренбурге), где располагался штаб округа и была база ансамбля, состоялась знаменательная встреча молодого армейского поэта с композитором В. Соловьевым-Седым.

«Если есть любовь с первого взгляда, то это был тот самый случай, — вспоминал об этой встрече впоследствии Василий Павлович, — не думал я тогда, не гадал, что этому парню суждено так прочно и навсегда войти в мою жизнь.

На второй день он принес мне стихотворение, старательно выписанное на листке, вырванном из какой-то амбарной книги. Оно меня сразу обворожило. Стихи были свежи, трогательны, лишены литературных красот или стремления казаться оригинальными. Доверительная интонация, простой русский разговорный язык... Фатьянов стихами вел разговор с глазу на глаз, один на один со своим сверстником-солдатом о самом важном, самом сокровенном. Это был разговор о девчатах, о баяне, о соловьях, о деревенском садочке... Стихи пели, в них уже была мелодия...»

Первоначально на эти стихи композитор написал песню-вальс, но что-то в ней его не удовлетворяло. Наконец родилась именно та мелодия, которую все мы знаем, любим и поем, — жизнерадостная, озорная.

Долгое время песня не находила «своего» исполнителя, пока ее не включил в программы своих концертов ленинградский певец Ефрем Флакс. Широкую популярность принесло этой песне исполнение ее Краснознаменным ансамблем.

Впервые опубликована в 1944 году.

Юрий БИРЮКОВ

Шумел сурово Брянский лес

Слова А. Софронова

Музыка С. Каца

***Шумел сурово Брянский лес,
Спускались синие туманы.
И сосны слышали окрест,
Как шли,
Как шли на битву партизаны.***

***Тропою тайной меж берез
Спешили дебрями густыми,
И каждый за плечами нес
Винто...
Винтовку с пулями литыми.***

***И грозной ночью на врагов,
На штаб фашистский налетели,
И пули звонко меж стволов
В дубра...
В дубравах брянских засвистели.***

***В лесах врагам спасенья нет.
Летят советские гранаты!
И командир кричит им вслед:
«Громи,
Громи захватчиков, ребята!»***

***Шумел сурово Брянский лес,
Спускались синие туманы.
И сосны слышали окрест,
Как шли,
Как шли с победой партизаны.***

В лесах врагам спасенья нет...

Осенью 1942 года в политуправление фронта пришла радиogramма начальника Брянского штаба объединенных партизанских отрядов А. П. Матвеева. Текст гласил: «Оружие у нас есть. Пришлите нам песню».

Написать песню о народных мстителях решили поэт Анатолий Софронов и композитор Сигизмунд Кац. Слова и мелодия родились на одном дыхании. Предполагалось послушать ее вначале в хоровом исполнении, а затем передать на радио. Но тут представился особый случай.

Накануне 25-й годовщины Октября в немецкий тыл к партизанам вылетал самолет с оружием, боеприпасами и медикаментами. Анатолий Софронов, узнав об этом, попросился на борт. Самолет был загружен до отказа, но командование распорядилось отправить сочинителя вместе с только что написанной песней в тыл врага.

Для второго сочинителя, композитора Каца, места не нашлось, чем тот был немало расстроен и до самого отлета напевал своему другу мелодию, умоляя не сбиться на мотив старинной эпической песни «Шумела буря, гром гремел».

Самолет благополучно приземлился на партизанском аэродроме близ сожженной деревни Смелиж под Трубчевском. И в ночь на 7 ноября 1942 года Анатолий Софронов оказался в партизанской землянке на праздничном собрании. Он и был первым исполнителем знаменитой партизанской песни, а бородатые люди с автоматами в руках — ее первыми слушателями.

Сохранились воспоминания самого поэта: «Я ее спел один раз, меня попросили спеть еще раз, потом в третий раз. И вдруг кто-то вспомнил, что имеется свой гармонист, что у него хороший слух. На другое утро привели слепого гармониста. Я не помню ни его имени, ни фамилии. Мы посидели около часа, я напевал ему мелодию, а к концу этого часа он пел вместе со мной. Вокруг нас, среди сгоревшей деревни, собрались люди и тоже вместе с нами пели песню «Шумел сурово Брянский лес».

От землянки к землянке, от костра к костру песня пронеслась по всему партизанскому краю, вдохновляя народных мстителей на священную войну с оккупантами. Вскоре ее записали, и она прозвучала по радио в исполнении Г.Абрамова. В минуты затишья ее пели в окопах Сталинграда.

Закончилась война. В 1966 году на одной из центральных площадей Брянска был открыт монумент в память о подвиге воинов и партизан, освободивших город. На постаменте памятника выбиты слова легендарной песни:

*Шумел сурово Брянский лес,
Вставали синие туманы,
И сосны слышали окрест,
Как шли на битву партизаны.*

Песня стала гимном Брянского края, с ее мелодии начинаются передачи местного радио. Есть в Брянске памятник Анатолию Софронову, поэту, не только написавшему слова, но и первым доставившему песню по назначению в партизанский отряд.

Эдуард МОХОРОВ

Лариса ЛАТЫНИНА,
девятикратная олимпийская чемпионка:

О той страшной войне я знаю не понаслышке. В 1943 году я впервые услышала песню «В землянке». Прильнув к маминому плечу, я, восьмилетняя девочка, с замиранием сердца слушала эту песню и думала о папе. Дирий Семен Андреевич воевал в Сталинграде, а я представляла, как он, уставший после боя, сидит в землянке, где «бьется в тесной печурке огонь, на поленьях смола, как слеза».

Песня оказалась пророческой. Дойти до нас папе оказалось действительно нелегко, а до смерти — четыре шага. В одном из боев он, как нам написали, пал смертью храбрых, похоронен в братской могиле на Мамаевом кургане. А песня, как память об отце, стала нашей семейной реликвией. Мы исполняем ее всякий раз, когда приглашаем в гости близких друзей и родственников.

Донские казаки

Слова А. Софронова

Музыка С. Каца

*Над терской степью шли туманы,
В долине Терек рокотал.
Нас вел товарищ Селиванов,
Казачий славный генерал.
Под пушек гром и град свинцовый
Рубили немцев казаки.
Как буря, мчались под Ростовом
Конногвардейские полки.*

Припев:

*Эй, гвардейцы пятого корпуса, вперед,
Бей врага проклятого за родной народ.*

*Ты не шуми, ковыль, над Доном,
Среди раскинутых долин.
Еще казачьи эскадроны
Придут с победою в Берлин.
Да Тихий Дон в боях прославят
Непобедимые бойцы,
И славу вечную оставят
О нем гвардейцы-молодцы.*

Припев.

Нас вел товарищ Селиванов...

О своей самой любимой песне военных лет рассказывает писатель-фронтовик **Анатолий КАЛИНИН**

Автор популярного романа «Цыган» и многих-многих других книг Великую Отечественную прошел военным корреспондентом газеты «Комсомольская правда». Но оружием журналиста на войне были не только «лейка и блокнот». За участие в боевых действиях майор Калинин был награжден медалями и орденами. Но более других дорог сердцу фронтовика первый орден — Красной Звезды, который получил за участие в боях в составе Донского казачьего кавалерийского корпуса. Была у казаков своя песня, которая помогала им бить врага, — песня о Донском корпусе.

— Летом 1942-го, когда наши войска отступили из Ростова, перешли мы через Дон и остановились в Каялах. Там была редакция армейской газеты 56-й армии, где я нашел себе друга на всю жизнь, мою супругу Александру Юлиановну, которая и сейчас со мной. Она была армейской машинисткой и бесстрашным человеком.

Осенью 1942-го я оказался в пехотной части в Сталинграде, понимая, что там будет главное сражение. Однако редакция «Комсомольской правды» меня переадресовала на Моздокское направление. Получил телеграмму, но успел передать статью о первом бое за Сталинград. К моему счастью, на Моздокском направлении я вскоре познакомился с генералом Селивановым, который стал организатором и первым командиром Донского казачьего кавалерийского корпуса. Много боевых дорог прошел я с этим корпусом. Там мне вручили орден Красной Звезды за участие в одном из боев, когда немцы напали на наш командный пункт, пытались его захватить, а мы отбили от врага. Потом, когда я был на фронте, которым командовал Малиновский, тоже пришлось участвовать в боях, за которые меня представили к ордену Отечественной войны первой степени. Эта награда меня разыскала уже после войны.

Но я не хотел бы со страниц «Трибуны» хвалиться своими ратными делами, так как, прежде всего, являлся фронтовым

корреспондентом. Солдаты совершали сравнительно с нами неизмеримо более высокие подвиги, оказавшие влияние на судьбы сражений. Именно тогда я убедился, насколько прекрасен наш народ. В том же Донском корпусе люди служили самых разных национальностей, не только русские, но и чеченцы, ингуши, калмыки, карачаевцы, кабардинцы, грузины, дагестанцы, черкесы и многие другие. Мне до сих пор, например, памятен очерк, написанный о партизанке из Кабардино-Балкарии по имени Салисат...

Шел я с частями пятого Донского корпуса, и всегда с нами в седле была песня о нашем пятом Донском казачьем кавалерийском корпусе, которую написали поэт Анатолий Софронов и композитор, если не изменяет память, Сигизмунд Кац. С этой песней мы воевали, с ней вступили в Румынию и Югославию, откуда я передал последнюю корреспонденцию «Ночь в Белграде», опубликованную журналом «Славяне».

Песня о Донском корпусе не получила такой известности, как, например, «Темная ночь» или «В землянке», но наша песня помогала нам воевать и придавала силы в трудную минуту. Я и поныне помню ее и храню в сердце как дорогое воспоминание о боевых днях, о друзьях и товарищах. Были среди них и рядовые бойцы, и военачальники, с которыми приходилось не раз встречаться, такие, как маршал Толбухин, генерал-казак родом из станицы Урюпинской Сергей Горшков. Он после войны приезжал с супругой ко мне в гости. Конечно, мы вспоминали нашу песню, в которой описан боевой путь нашего корпуса, у нее замечательные слова.

Хачик ХУТЛУБЯН

Ой, туманы мои, растуманы

Слова М. Исаковского

Музыка В. Захарова

***Ой, туманы мои, растуманы,
Ой, родные леса и луга!
Уходили в поход партизаны,
Уходили в поход на врага.***

***На прощанье сказали герои:
«Ожидайте хороших вестей!»
И по старой Смоленской дороге
Повстречали незваных гостей.***

***Повстречали — огнем угощали,
Навсегда уложили в лесу
За великие наши печали,
За горячую нашу слезу.***

***С той поры да по всей по округе
Потеряли злодеи покой:
День и ночь партизанские вьюги
Над разбойной гудят головой.***

***Не уйдет чужеземец незванный,
Своего не увидит жилья!
Ой, туманы мои, растуманы!
Ой, родная сторонка моя!***

Уходили в поход партизаны

Ой, туманы мои, растуманы. В архиве хора имени Пятницкого бережно хранятся материалы переписки композитора В. Захарова и поэта М. Исаковского военных лет, из которых следует, что 28 января 1942 года Владимир Григорьевич отправил из Фрунзе, где в то время находился руководимый им коллектив, письмо Исаковскому в Чистополь. В нем, в частности, говорилось: «...Нужна песня о партизанах или о партизане. Этой песни нам не хватает чрезвычайно. О партизанке. Может быть, с шуткой...» Перечислялись и другие темы для песен. Но Михаил Васильевич загорелся идеей создать именно партизанскую песню. Работал он над ней долго. Лишь в июне стихи были наконец написаны и отправлены композитору в Свердловск, куда к тому времени перебрался хор.

«Когда песня была закончена, — вспоминала первая запевала ее в хоре имени Пятницкого, заслуженная артистка РСФСР Валентина Ефремовна Клодина, — мы выучили ее и приехали в клуб железнодорожников Свердловска. Поем. Приняли ее отлично. Заставили петь несколько раз. Но особенно памятен мне следующий концерт, который проходил в госпитале.

Выхожу запевать после того, как объявили «Туманы». Спела. И тишина. Никаких аплодисментов. Я пошла на свое место. Стала в хор. И тут встает из рядов боец, выходит на сцену, поцеловал меня и говорит: «Спасибо за такую чудесную песню! Нельзя ли повторить?»

Тут только очнулся зал. Зааплодировали. «Браво» кричат, а у кого руки перебинтованы, костылями стучат по полу. Что творилось! Несколько раз повторяли эту песню...»

«Ой, туманы...» вошла в золотой фонд советского песенного творчества. Песня эта и в наши дни звучит в программах хора имени Пятницкого, оставаясь мужественным и величавым символом сурового и незабываемого времени, в которое она родилась.

Юрий БИРЮКОВ

Синий платочек

Слова Я. Галицкого и М. Максимова

Музыка Е. Петербургского

*Синенький, скромный платочек
Падал с опущенных плеч.
Ты говорила, что не забудешь
Ласковых, радостных встреч.
Порой ночной
Мы распрощались с тобой...
Нет больше ночек!
Где ты, платочек,
Милый, желанный, родной?*

*Письма твои получая,
Слышу я голос родной.
И между строчек синий платочек
Снова встает предо мной.
И мне не раз
Снились в предутренний час
Кудри в платочке,
Синие ночки,
Искорки девичьих глаз.*

*Помню, как в памятный вечер
Падал платочек твой с плеч,
Как провожала и обещала
Синий платочек сберечь.
И пусть со мной
Нет сегодня любимой, родной,
Знаю, с любовью
Ты к изголовью
Прячешь платок голубой.*

*Сколько заветных платочков
Носим в шинелях с собой!
Радости встречи,
Девичьи плечи
Помним в страде боевой.
За них, родных,
Любимых, желанных таких,
Строчит пулеметчик
За синий платочек,
Что был на плечах дорогих.*

Ты говорила, что не забудешь...

В моем архиве несколько десятков текстовых версий «Синего платочка». А самую первую сочинил накануне войны поэт и драматург Яков Маркович Галицкий.

Незатейливые слова этой песни впервые прозвучали в концертах популярного польского эстрадного коллектива «Голубой джаз», которым руководил талантливый музыкант Генрих Гольд. Участники его приехали в нашу страну, спасаясь от фашистской неволи. Весной 1940 года они выступали в Москве, в саду Эрмитаж.

На одном из концертов побывал Галицкий. Среди прозвучавших в концерте мелодических импровизаций пианиста, композитора Ежи Петербургского одна ему особенно приглянулась, напомнив слышанный в молодости русский романс. И он тут же, во время концерта, подтекстовал понравившуюся мелодию.

После концерта поэт познакомился с композитором, показал ему набросок своих стихов. А через несколько дней состоялась премьера песни. Спел «Синий платочек» в сопровождении «Голубого джаза» его солист Станислав Ландау.

Этому скромному поэтическому опусу предстояла долгая и счастливая песенная жизнь, и его запели известные певцы и певицы. В их числе — Изабелла Юрьева, Екатерина Юровская, успевшие еще до войны записать «Синий платочек» на грампластинку. Его с огромным успехом пела Русланова.

Тема расставаний и разлуки, вызванных войной, нашла отражение в переделанной ею концовке довоенного «Синего платочка», с которым Лидия Андреевна в годы войны выступала на фронте:

*Ты уезжаешь далеко.
Вот беспощадный звонок.
И у вагона
Ночью бессонной
Ты уже странно далек...*

В 1942 году Лидия Андреевна записала этот вариант «Синего платочка» на грампластинку вместе с «Землянкой» А. Суркова и К. Листова. Были изготовлены матрицы, сделаны пробные оттиски с них. Но в тираж она не пошла. По требованию цензора из-за строчек в «Землянке» «До тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага» матрицы были уничтожены, и записям этих двух песен в исполнении Руслановой суждено было увидеть свет лишь сорок лет спустя благодаря киевскому филофонисту-коллекционеру Виталию Петровичу Донцову.

Самым популярным в годы войны был тот вариант «Синего платочка», который сочинил на Волховском фронте сотрудник газеты «В решающий бой» лейтенант Михаил Максимов: «Строчит пулеметчик за синий платочек, что был на плечах дорогих...» Его спела Клавдия Шульженко, и он стал своеобразным символом, навсегда слившимся с именем этой прославленной певицы.

Юрий БИРЮКОВ

Геннадий СЕЛЕЗНЕВ, депутат Государственной Думы:

— Моя самая любимая песня о войне — «Синий платочек».

Сам-то я родился после войны, но мои родные по маминой линии очень сильно пострадали. Деревню под Ленинградом, где жила огромная бабушкина семья — 14 детей! — немцы оккупировали в сентябре 1941 года. Всех угнали в Латвию батрачить на кирпичном заводе. А когда вернулись после освобождения, деревня была сожжена — долго жили у дальних родственников. Двое из бабушкиных сыновей, мои дяди, воевали и, слава Богу, вернулись с войны здоровыми. Отец — тоже фронтовик. Поэтому в День Победы мы всегда собираемся, отмечаем этот наш святой праздник, пьем по рюмочке и поем тоже. Обязательно!

Парень с Васильевского острова

Слова Н. Глейзарова

Музыка С. Лепянского

***Его не раз встречали мы закатною порой
С гармошкой над причалами, над светлою Невой.
Идет вечерним городом, улыбки шлет друзьям,
А то вдруг переборами пройдетя по ладам.
Кольнет частушкой острою веселый гармонист
С Васильевского острова, с завода «Металлист».***

***Но вот войной нагрянула фашистская орда,
Он защищать отправился поля и города.
Пел песни он походные, и, пробираясь в тыл,
Он гнезда пулеметные гранатами громил.
Ходил в атаки грозные веселый гармонист
С Васильевского острова, с завода «Металлист».***

***В бою навывлет раненный, скомандовал: «Вперед!»
И, крикнув «В бой за Родину!», упал на пулемет.
А в лазарете утром он, едва набравшись сил,
Баян свой перламутровый с улыбкой попросил.
И заиграл походную веселый гармонист
С Васильевского острова, с завода «Металлист».***

***Ему все улыбаются. Сиделки сбились с ног:
То песней заливается, то просится в свой полк.
Однажды утром раненых полковник навестил.
«Откуда ты, отчаянный?» — он ласково спросил.
Ему с улыбкой гордою ответил гармонист:
«С Васильевского острова, с завода «Металлист»!»***

Веселый гармонист с завода «Металлист»

Людмила Гурченко девочкой пела эту песню в госпитальных палатах. В ее повести «Мое взрослое детство» много ярких и трогательных страниц, связанных с незабываемыми песнями военной поры.

Песня о бесстрашном, неунывающем рабочем парне с Васильевского острова надолго осталась в памяти многих, но, конечно же, особой популярностью она пользовалась у ленинградцев и защитников славного города на Неве.

«Ленинградская правда» за 29 января 1943 года в очерке Глеба Алехина, который так и назывался «Парень с Васильевского острова», рассказывала о воинах-ленинградцах, находившихся на излечении в госпитале. В газете приводилось несколько фамилий земляков героя песни — василеостровцев, в том числе с того завода, про который поется в песне: Василия Титова, Владимира Поддуйкина, Алексея Мурашова, Дмитрия Зуева. Автор очерка рассказывал об эпизоде с Митей Зуевым, аналогичном тому, что произошел с героем песни.

Приведена в очерке и фамилия автора стихов этой песни — поэта-воина Николая Глейзарова. Написал он их осенью 1941 года, когда служил в одном из артиллерийских полков, защищавших Ленинград. Опубликовала их газета «На страже Родины» Ленинградского фронта 25 ноября 1941 года.

— А потом произошла моя встреча со знаменитым ансамблем потомственных ленинградцев артистов-цимбалистов — братьев Лепянских. — Рассказывал Николай Валентинович. — Двое из них Семен и Михаил были в ту пору солдатами агитзвезда ленинградского Дома Красной Армии. Показал им стихи. И вскоре один из братьев, Семен, сочинил к ним музыку..

С песней этой братья Лепянские «объездили и исполняли» весь Ленинградский фронт.

Юрий БИРЮКОВ

Волховская застольная

Слова П. Шубина

Музыка И. Любана

*Редко, друзья, нам встречаться приходится,
Но уж когда довелось,
Вспомним, что было, и выпьем, как водится,
Как на Руси повелось.*

*Выпьем за тех, кто неделями долгими
В мерзлых лежал блиндажах,
Бился на Ладого, дрался на Волхове,
Не отступал ни на шаг!*

*Выпьем за тех, кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу,
Кто в Ленинград пробирался болотами,
Горло ломая врагу!*

*Будут навеки в преданьях прославлены
Под пулеметной пургой
Наши штыки на высотах Синявина,
Наши полки подо Мгой!*

*Пусть вместе с нами семья ленинградская
Рядом сидит у стола.
Вспомним, как русская сила солдатская
Немца за Тихвин гнала!*

*Встанем и чокнемся кружками, стоя, мы —
Братство друзей боевых,
Выпьем за мужество павших героями,
Выпьем за встречу живых!*

Выпьем за тех, кто командовал ротами

У этой песни удивительная судьба.

Отцу моему, Сергею Васильевичу Кузину, не удалось побывать на фронте, хотя и призван он был в 1945 году. Необстрелянных новобранцев на войну уже не посылали. Но его воспоминания о войне, эвакуации на Урал, гибели отца всегда были очень эмоциональными. Отец его, мой дед, погиб в 1942 году под Ленинградом на Волховском фронте. Поэтому и «Волховская застольная» была для Сергея Васильевича песней особой. Без слез он ни разу ее не пел. Кстати, последний куплет он исполнял не так, как печаталось в песенниках: «Выпьем за Ленина, выпьем за Сталина, выпьем за знамя побед!» Он не был сталинистом, но считал, что из песни слова не выкидывают.

Немного не дожил он до 50-летия Победы, но, надеюсь, его любимые песни споют другие. Да я и сам спою. Боюсь только, что не сдержу слез, как и отец, когда дойду до слов: «Выпьем за тех, кто командовал ротами, кто умирал на снегу, кто в Ленинград пробирался болотами, горло ломая врагу!»

Олег КУЗИН

На музыку И. Любана были написаны два текста. Первый сочинили М. Косенко и А. Тарковский. Песня называлась «Наш тост». Помните?

Если на празднике с нами встречаются

Несколько старых друзей,

Все, что нам дорого, припоминается.

Песня звучит веселей...

В мае 1942 года эта песня была исполнена по радио, попала в репертуар фронтовых ансамблей.

Павлу Шубину, который был тогда корреспондентом газеты «Фронтальная правда», мелодия понравилась, а слова — нет. В начале 1943 года в боях у Синявина и Воронова он пишет свои слова на мелодию И. Любана.

Слова «Волховской застольной» выгодно отличаются от официального текста «Нашего тоста». Однако в послевоенные

песенники неизменно включался «Наш тост», а «Волховская застольная» Павла Шубина этой чести не удостоилась. Да и сам поэт не включил эти стихи ни в один из своих поэтических сборников.

Трудно сейчас судить, с чем это было связано. Возможно, Шубин, беспощадно требовательный к себе и своему творчеству, считал «Волховскую застольную» не более чем песенной переделкой, сложенной им на популярный мотив.

По-своему пытался объяснить это в беседе со мной сын поэта Александр Павлович:

«Однополчане отца и его друзья рассказывали мне об одном забавном эпизоде, связанном с этой песней, — вспоминал он. — Однажды Шубин приехал в 154-й авиаполк читать свои стихи. Принимали его очень хорошо. Но когда он начал читать «Застольную», в зале моментально поднялся шум. Кто-то даже выкрикнул: «Пусть товарищ поэт читает свои сочинения!» Обычно находчивый, Шубин оторопел от обиды и не мог найти нужных слов. Может быть, впоследствии воспоминание об этой коллизии было неприятно отцу. Во всяком случае, я никогда не слышал от него ни одного слова об этом стихотворении и, хорошо зная его текст, понятия не имел до 1958 года о том, кто его автор».

Стихи «Волховской застольной» в годы войны были опубликованы только однажды. Напечатала их «Фронтальная правда». Но это не помешало им широко распространиться и остаться в памяти людей. Однако память народа «самочинно» включила в «Волховскую застольную» слова и про Сталина. Но несколько в иной редакции, чем в песне «Наш тост»:

*Выпьем за Родину, выпьем за Сталина,
Выпьем и снова нальем!*

Говорят, из песни слова не выкинешь. Но вставить — можно.

Юрий БИРЮКОВ

Вася Крючкин

Слова В. Гусева

Музыка В. Соловьева-Седого

*Вдоль квартала, вдоль квартала взвод шагал,
Вася Крючкин подходяще запевал.
А навстречу шла Маруся не спеша,
Шла красавица-душа. } 2 раза*

*Увидала Васю Крючкина она,
Улыбнулась, точно полная луна.
А Василий понимает, что к чему,
Маруся нравится ему. } 2 раза*

*Позабыла тут Маруся про дела,
Повернула и за нами вдруг пошла.
А наш Вася — он знаток сердечных ран,
Он разливался, как баян. } 2 раза*

*Тут возникла эта самая любовь,
Что волнует и тревожит нашу кровь,
Видим, Вася от волнения побелел
И снова песенку запел. } 2 раза*

*Так мы пели, может, два иль три часа,
Захрипели, потеряли голоса,
Но не сдаемся: в нас самих играет кровь,
И мы стеною за любовь. } 2 раза*

*Видит взводный, что плохи наши дела.
Эх, Маруся, до чего нас довела!
Крикнул взводный: «Эту песню прекратить!»
Ну, значит, так тому и быть. } 2 раза*

Тут возникла эта самая любовь

Мелодической основой песни послужила довоенная «Песня балтийцев» («Запелай-ка, краснофлотский наш народ»), стихи которой были написаны В. И. Лебедевым-Кумачом.

В 1942 году Соловьев-Седой предложил поэту Виктору Гусеву написать на эту музыку новые слова. Так родилась замечательная шуточная песня про Васю Крючкина и девушку Марусю, одна из немногих песен такого плана, распространившаяся на фронте и в тылу.

Ее исполняли ансамбли и певцы, в том числе Л. Утесов, В. Нечаев и В. Бунчиков.

Юрий БИРЮКОВ

Вениамин ЗИБРОВ, участник трудового фронта:

— Мне 76 лет. Но я хорошо помню свою юность. Новосибирск. Была великая война. В наш 8-й класс пришел директор и сказал, чтобы мальчики больше не посещали школу, а шли на заводы, в ремесленные училища. А доучиваться будем после победы. Мы как-то сразу повзрослели. После сеансов боевых киносборников, дважды в неделю, учились танцевать в уютном клубе лесоперевалочного комбината. В один из вечеров на сцену вышел, слегка прихрамывая, с хорошей выправкой, одетый в офицерский китель не знакомый нам военный. В руках держал тогда еще редкий аккордеон. Растянул весь сверкающий перламутром инструмент и тихим голосом, как бы прислушиваясь, запел. Мы были ошеломлены чудесной музыкой и его голосом. Помнюлишь отдельные слова: «...Лина, до Берлина полк дойдет, там лежит конец войне... Милый твой по улице пройдет, на которой не был так давно, и постучит в окно...». Целый месяц этот человек приходил к нам в клуб, а потом исчез. Говорили, вновь ушел на фронт. Хочется верить, что именно он, со своим полком дошел до Берлина и его встретила после Победы Лина.

С тех пор мне никогда не приходилось слышать эту песню.

г. Сочи

Стальная эскадрилья

Слова Б. Ковынева

Музыка народная

*Где облака вершат полет,
Снаряды рвутся с диким воем,
Смотри внимательней, пилот,
На землю, взрыхленную боем.*

Припев:

*Пропеллер, звонче песню пой,
Неся распластанные крылья!
За вечный мир, в последний бой
Лети, стальная эскадрилья!*

*Там, где пехота не пройдет
И бронепоезд не промчится,
Угрюмый танк не проползет,
Там пролетит стальная птица.*

Припев.

*Мы виражом крутым пройдем,
Прикроем плавным разворотом,
И на врага мы нападем
Могучим бреющим полетом.*

Припев.

*Пилоту недоступен страх,
В глаза он смерти смотрит смело
И, если надо, жизнь отдаст,
Как отдал капитан Гастелло.*

Припев.

Пропеллер, звонче песню пой

Василий ГОТОВСКИЙ, участник Великой Отечественной войны, инвалид войны II группы, подполковник в отставке:

— Многие песни Великой Отечественной войны навсегда останутся с нами, стариками-ветеранами войны, до наших последних дней. Они незабываемы.

Первая песня, спетая мною в строю, — «Ты ждешь, Лизавета, от друга привета...», а вторая — «...Пропеллер, громче песню пой, неся распластанные крылья! За вечный мир, в последний бой лети, стальная эскадрилья». Это было в 1943 году, и запевал эту песню в строю красноармеец Ольшанский.

А в 1946 году, уже после войны, когда я был курсантом в Киевской авиашколе механиков, врезалась в память одна величественная песня. Когда я вел роту в город, в баню, от Воздухофлотского шоссе через «Соломенку», где был небольшой открытый послевоенный базар, то, приблизившись к рынку, давал команду ротному запевале Володе Сыроватскому: «Запевай!» Он звучным высоким голосом запевал: «Вспомним, товарищ, суровые годы, темные ленты дорог фронтовых, наши победы и наши походы, вспомним друзей боевых. Горе остынет, радость увянет, дружба одна не умрет никогда. Друг боевой никогда не обманет и не предаст никогда...»

Жители, мимо которых я вел строй, слушали, и у многих на глазах были слезы. Мелодию ее я и сейчас знаю, но жаль не могу напеть — нотной грамоты не знаю, да и содержание всей песни не помню, но она со мной всегда, до конца жизни, а мне уже 78 лет. Добавлю, что был я тогда сержантом, помощником командира 2-го взвода.

г. Таганрог

Давай закурим

Слова И. Френкеля

Музыка М. Табачникова

*Теплый ветер дует, развезло дороги,
И на Южном фронте оттепель опять.
Тает снег в Ростове, тает в Таганроге.
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать.*

Припев:

*Об огнях-пожарищах,
О друзьях-товарищах
Где-нибудь, когда-нибудь мы будем говорить.
Вспомню я пехоту,
И родную роту,
И тебя — за то, что ты дал мне закурить.
Давай закурим, товарищ, по одной,
Давай закурим, товарищ мой!*

*Нас опять Одесса встретит как хозяев,
Звезды Черноморья будут нам сиять.
Славную Каховку, город Николаев.
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать.*

Припев.

*А когда не станет горя и в помине
И к своим любимым мы придем опять,
Вспомним, как на запад шли по Украине.
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать.*

Припев.

Об огнях-пожарищах, о друзьях-товарищах...

«Давай закурим» — под таким названием 22 января 1942 года «Комсомольская правда» опубликовала стихотворение с небольшим рисунком и подзаголовком «Песенка Южного фронта». Но без нот. Стихи привлекли внимание многих композиторов. Известно более двух десятков мелодических вариантов этой замечательной фронтовой песни. Однако в песенную антологию Великой Отечественной войны вошел лишь один из них, сочиненный композитором-фронтовиком Модестом Табачниковым. Вместе с автором стихов этой песни, поэтом Ильей Френкелем, он воевал на Южном фронте и первым сочинил музыку к этим незамысловатым строчкам, посвященным солдатской дружбе и верности долгу.

Было это осенью 1941 года в Каменске-Шахтинском, где в ту пору располагались штаб и политуправление Южного фронта. Первыми песню исполнили участники армейского ансамбля. Выступали с нею в концертах и сами авторы песни. А в 1942 году Табачников вместе с фронтовым театром «Веселый десант», созданным на Южном фронте, приехал в Москву, показал песню Клавдии Шульженко. Она включила «Давай закурим» в свою новую программу, посвященную городам-героям, премьера которой состоялась 21 февраля 1943 года в Театре сатиры. После исполнения этой замечательной певицей песня «Давай закурим» и стала всюду известной, неоднократно записывалась на пластинки, звучала по радио.

К тому времени войска наши успешно разгромили гитлеровцев под Сталинградом и Ростовом, появились другие направления боевых действий. И певица видоизменила текст песни, стала петь ее с иными словами, где уже не упоминались ни Южный фронт, ни Таганрог, ни Ростов, про которые пелось в изначальном ее варианте.

Юрий БИРЮКОВ

Алена АПИНА, эстрадная певица:

— В моем репертуаре есть песня «Давай закурим», я услышала ее впервые по радио в исполнении Клавдии Ивановны Шульженко. Эта песня, как мне кажется, мужская, но женский голос делает ее особенно теплой и трогательной. На войне воевали почти триста тысяч женщин. Наверное, были ситуации, когда только папироса была их единственным спасением в трудную минуту.

Я, конечно, никогда не думала, что буду петь эту песню на эстраде, но когда мне предложили на выбор несколько военных песен для праздничной программы, без колебаний выбрала «Давай закурим». В ней есть настроение, она лучше других подчеркивает крепость фронтовой дружбы.

Сергей СТЕПАШИН, председатель Счетной палаты Российской Федерации:

— Мое поколение — пожалуй, последнее, кому довелось еще застать живые раны войны. Зияющие глазницы окон, пустыри, безотцовщина, искалеченные мужчины в мотоколясках.

Но уже повсю шли восстановительные работы. Они требовали оптимистических песен, некоторые из которых, увы, не были лишены лубочного, лакированного оттенка. Но мы, мальчишки, конечно же, пели их вместе со взрослыми.

Теперь я понимаю, почему наиболее пронзительные песни, будоражившие душу любого россиянина, появились спустя годы после войны. Время сделало свое дело — на смену браваурным мелодиям вроде тех, что звучали в фильме «Падение Берлина», отвечавших, конечно же, потребностям момента, пришли песни о нашей неумной скорби вкупе с победным ликованием, песни о мальчишке-солдате, знавшем только поцелуй матери.

Для меня, юноши, таким откровением стала песня «На безымянной высоте». Мои ощущения оказались созвучными настроениям одноклассников. На школьном празднике мы исполнили эту песню в формате музыкальной пьесы. Я играл раненого солдата...

Сейчас, в ходе переосмысления нашего прошлого, песня «На безымянной высоте», пожалуй, еще более актуальна, чем тогда, когда она впервые прозвучала накануне 20-летия Победы.

Темная ночь

Слова В. Агатова

Музыка Н. Богословского

*Темная ночь, только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах, тускло звезды
мерцают.*

*В темную ночь ты, любимая, знаю, не спишь
И у детской кроватки тайком ты слезу
утираешь.*

*Как я люблю глубину твоих ласковых глаз,
Как я хочу к ним прижаться сейчас губами.
Темная ночь разделяет, любимая, нас,
И тревожная черная степь пролегла между нами.*

*Верю в тебя, дорогую подругу мою,
Эта вера от пули меня темной ночью хранила.
Радостно мне, я спокоен в смертельном бою,
Знаю, встретишь с любовью меня, что б со мной
ни случилось.*

*Смерть не страшна, с ней не раз мы встречались
в степи,
Вот и теперь надо мною она кружится...
Ты меня ждешь и у детской кроватки не спишь,
И поэтому знаю: со мной ничего не случится!*

Верю в тебя, дорогую подругу мою...

Мария ЖУКОВА, дочь маршала Жукова:

— «Темная ночь» — одна из любимых песен отца. Георгий Константинович, как многие знают, играл на баяне. У него в охране был солдат Иван Иванович Усанов. И вот, когда выдавалась свободная минутка, солдат учил маршала совершенствоваться в игре на баяне.

Отец вообще любил песни. Об этом вспоминают многие, к примеру, генерал Штеменко, знаменитая балерина Ольга Васильевна Лепешинская. Она рассказывает, как сразу после освобождения Харькова в составе фронтовой бригады приехала в действующую армию. Жуков в первую очередь накормил гостей наваристым украинским борщом. А после обеда Козловский спел «Темную ночь». Все были удивлены, увидев на глазах полководца слезы. Думали, что он — человек железный. Когда Иван Семенович допел, Жуков обнял его и расцеловал.

Когда я прочла эти воспоминания Лепешинской, мне захотелось снова прослушать «Темную ночь». Я нашла ее в нашей фонотеке. Даже сейчас слезы пробирают... Кроме «Темной ночи», отец любил «Эх, дороги» и «Соловьи».

Николай ТРОИЦКИЙ, участник Великой Отечественной войны:

— «Темная ночь» — песня о миллионах любящих людей, разлученных войной

И о нас с Любашей. Она проводила меня на фронт летом 41-го и встретила после госпиталя весной 42-го. Когда в 1943 году слышали «Темную ночь» по радио, а потом посмотрели «Два бойца» в Тайгинском городском кинотеатре, у нас все было совсем как в песне. Родился сынишка, я ждал повестки из военкомата...

Мы прожили в счастливом браке 62 года. Недавно Любаши не стало. Она достойно прошла свой путь — любимая и любящая жена, мать, бабушка, учитель по призванию. Очень любила слушать песни, они всегда звучали в праздничном домашнем застолье, даже в тяжелые последние годы шутила: «Если

бы умела, пела бы с утра до вечера, а ты умеешь и не поешь». Теперь «Темную ночь», другие прекрасные песни нашей молодости не могу слушать без комка в горле. С ними столько связано!

Николай Яковлевич Троицкий — рядовой артбатареи 888-го стрелкового полка. В «Социалистической индустрии» работал первым заместителем главного редактора.

Фильм «Два бойца» по повести Льва Славина «Мои земляки» снимал в Ташкенте кинорежиссер Леонид Луков. Повесть и фильм рассказывали о фронтовой дружбе двух солдат, роли которых исполняли Борис Андреев и Марк Бернес. Как вспоминал народный артист СССР Никита Владимирович Богословский, когда снимался эпизод в землянке, Луков решил, что хорошая лирическая песня оживила бы сцену. «Он пришел ко мне и так ярко обрисовал картину, внутреннее состояние героев, занятых в этом эпизоде, что я тут же сел за рояль и почти сразу, без единой остановки наиграл мелодию будущей «Темной ночи».

В те же дни в Ташкент навестить жену и сынишку приехал поэт Владимир Агатов. Случайно встретив его на вокзале, Луков повез поэта на студию. По дороге Леонид Давыдович рассказал ему замысел будущей песни. Так родились слова, Марк Бернес спел «Темную ночь» в фильме.

По свидетельству Константина Симонова, весной 1943 года эта песня была «на устах буквально у каждого фронтовика». Но ведь фильм «Два бойца» вышел на экран в октябре 1943 года, на фронт попал в конце года. И все же в утверждении писателя-фронтовика нет ошибки. «Темную ночь» узнали и запели еще до выхода картины. Случилось это так.

Богословский по дороге на фронт повидался в Москве с Утесовым. Леонид Осипович, услышав «Темную ночь», включил песню в свой репертуар и даже записал на пластинку раньше, чем она прозвучала в фильме.

Юрий БИРЮКОВ

Казак уходил на войну

Музыка Т. Хренникова

Слова В. Гусева

*На вольном, на синем, на тихом Дону
Походная песня звучала.
Казак уходил на большую войну,
Невеста его провожала.*

*«Мне счастья, родная, в пути пожелай,
Вернусь ли домой, неизвестно...»
Казак говорил, говорил ей: «Прощай!»
«Прощай!» — отвечала невеста.*

*Над степью зажегся печальный рассвет,
Донская волна засверкала...
«Дарю я тебе на прощанье кисет,
Сама я его вышивала.*

*Будь смелым, будь храбрым в жестоком бою,
За русскую землю сражайся!
И помни про Дон, про невесту свою,
С победою к нам возвращайся!»*

За русскую землю сражайся

Песня «Казак уходил на войну» впервые прозвучала в лирико-героической кинокомедии режиссера Ивана Пырьева, снятой им по сценарию поэта и драматурга Виктора Гусева, «В шесть часов вечера после войны».

Фильм этот был задуман еще в те дни, когда развернулась грандиозная Сталинградская битва, а снимался в 1943-1944 гг. Его главные герои — фронтовые друзья-артиллеристы, лейтенанты Василий Кудряшов и Павел Демидов, которых играли популярные актеры Евгений Самойлов и Иван Любознов. Под стать им была и исполнительница главной роли — воспитательницы детского сада Вери Панковой — Марина Ладынина.

«Мы хотели, — вспоминал впоследствии И. А. Пырьев, — чтобы этот фильм был радостным, бодрым фильмом о молодых людях нашей страны, которые проходят через войну и приходят к концу ее победителями, а самое главное, что они приходят к победе морально окрепшими, благородными и целомудренными, не растерявшими своих человеческих качеств в трудный период борьбы с немецко-фашистскими полчищами...»

Вот что в свое время рассказала мне народная артистка Советского Союза М.А. Ладынина:

— Картина наша связана была с грандиозным событием в жизни страны и всего народа — с Победой. Представляете, как это было величественно и необыкновенно! Как бы ни ощущалось приближение конца войны, как бы ни были радостны сводки с фронта, говорившие о близости победного часа, все равно это еще никак нельзя было ощутить до конца. А нам хотелось, чтобы фильм был достоверным, чтобы зритель не только полюбил наших героев, но и поверил в реальность происходящего на экране.

Конечно, в фильме нашем можно сейчас угледеть несовершенства. Но все это утонуло в радости самого главного события, ради которого он был задуман и снимался, и поэтому зритель простил нам эти погрешности. Он их просто не заметил.

Юрий БИРЮКОВ

Моя любимая

Слова Е. Долматовского

Музыка М. Блантера

***Я уходил тогда в поход
В суровые края,
Рукой взмахнула у ворот
Моя любимая.***

***Второй стрелковый храбрый взвод
Теперь моя семья.
Привет, поклон тебе он шлет,
Моя любимая.***

***Чтоб все мечты мои сбылись
В походах и боях,
Издаেকে мне улыбнись,
Моя любимая.***

***В кармане маленьком моем
Есть карточка твоя.
Так, значит, мы всегда вдвоем,
Моя любимая!***

Издаেকে мне улыбнись...

Как вспоминал об истории создания этой песни автор ее слов поэт Евгений Долматовский, стихи были написаны им до начала Великой Отечественной — в мае 1941 года.

Комментируя публикацию этой песни в своем авторском сборнике, выпущенном издательством «Музыка» в 1975 году, Евгений Аронович обращал внимание читателей на слово «поход», употребленное в тексте песни дважды. Между тем, на

Великой Отечественной оно уже не звучало и попало, по его словам, «лишь в одну еще песню — «До свиданья, города и хаты» Михаила Исаковского, написанную в самые первые дни войны, когда еще никто не знал, как обернется дело: «На заре уходим мы в поход». (Я бы добавил сюда еще одну песню, к слову сказать, того же Исаковского — «Ой, туманы мои, растуманы», где «уходили в поход партизаны»).

«Мне кажется, что напиши я «Мою любимую» после 22 июня, - заключал свои рассуждения о рождении песни Долматовский, - она была бы гораздо суровее, может быть даже мрачнее. В ней есть что-то от мирных дней». А то, что песню запели и полюбили в тылу и на фронте, поэт объясняет тем, что она принадлежала не только ему, но также и композитору Матвею Блантеру, сочинившему к его стихам прекрасную музыку.

Юрий БИРЮКОВ

Ринат ДАСАЕВ, тренер сборной России по футболу:

— Фронтная песня «Моя любимая» согревала сердца моих родителей. Папа, Файзрахман Салимович попал на фронт в 1943 году. Воевал в пехоте. Где бегом, где пешком, где по-пластунски он дошел до Берлина. Он не любил вспоминать войну, но об одном эпизоде всегда охотно рассказывал, ласково поглядывая на маму, Шафику.

Артисты московской филармонии приехали на передовую, выступили с концертом. Один из исполнителей спел песню «Моя любимая», которая запала в отцовское сердце. Он попросил артиста переписать слова, а потом сел за письмо к своей невесте. Послание на родину, в котором фронтовик использовал слова из полюбившейся песни, получилось очень красивым. Ничего не подозревавшая мама была тронута этим письмом, каждая строчка которого очень проникновенно говорила об отцовской любви, нежности, преданности. Немудрено, что после войны они сразу же поженились!

Где ж ты, мой сад?

Слова А. Фатьянова

Музыка В. Соловьева-Седого

***Где ж ты, мой сад,
вешняя заря?***

***Где же ты, подружка,
яблонька моя?***

***Я знаю,
Родная,
Ты ждешь меня, хорошая моя.***

***Снятся бойцу карие глаза,
На ресницах темных —
светлая слеза.***

***Скупая,
Святая,
Девичья горячая слеза.***

***Пусть нелегко до тебя
дойти,***

***Я вернусь, родная,
жди и не грусти.***

***С победой
Приеду,
Любовь твоя хранит меня
в пути.***

С победой приеду

Поэтическим предшественником песни «Где ж ты, мой сад?» стало стихотворение А.Фатьянова «Где же ты, сокол мой?», написанное в 1943 году. В нем девушка, выйдя поздней зорькой на берег крутой, обращается со словами надежды к любимому:

*Где же ты, сокол мой, где ж ты, мой ясный,
Скоро ль вернёшься домой?..*

А тот ей отвечает:

Милая Настя, я скоро приду.

Всё наше счастье назад принесу...

Стихи, прямо скажем, слабые. И потому песней не стали. Зато как разительно отличаются от них те, что сочинены были Фатьяновым годом спустя, в 1944 году, примерно в то же время, когда родились строки еще одной его прекрасной песни о тоске по родной стороне «Давно мы дома не были...». Музыку обеих этих песен написал композитор В. П. Соловьев-Седой. А первыми их исполнителями стали артисты ансамбля песни и пляски Краснознаменного Балтийского флота, в котором Алексей Фатьянов в ту пору служил.

Юрий БИРЮКОВ

Вячеслав АНИСИН, трехкратный чемпион мира и Европы по хоккею с шайбой:

— О той страшной войне я, как и многие мои сверстники, знаю по рассказам родителей. Папа, Михаил Иванович, прошел всю войну от первого ее дня до последнего, несколько раз был ранен. Находясь на лечении в одном из госпиталей, он, впервые услышав, полюбил песню Алексея Фатьянова «Где ж ты, мой сад?». Отец не был женат, но уже мысленно представлял себе образ моей мамы, Лидии Васильевны, верил в скорую встречу, напевая: «... ты ждешь меня, хорошая моя!» После войны папа играл за команду ВВС в русский хоккей и параллельно готовил космонавтов. Благодаря отцу я бывал в Звездном городке, был знаком с Юрием Гагариным, Алексеем Леоновым... Бывало, звездная компания заглядывала к нам в гости, а на посошок мы хором, под гитару исполняли эту необычайно красивую песню.

Корреспондентская застольная

Слова К. Симонова

Музыка М. Блантера

*От Москвы до Бреста нет такого места,
Где бы не скитались мы в пыли.
С лейкой и блокнотом,
А то и с пулеметом
Сквозь огонь и стужу мы прошли.
Без глотка, товарищ,
Песню не заваришь,
Так давай по маленькой хлебнем!
Выпьем за писавших,
Выпьем за снимавших,
Выпьем за шагавших под огнем!*

*Выпить есть нам повод
За военный провод,
За «У-два», за «Эмку», за успех;
Как пешком шагали,
Как плечом толкали,
Как мы попевали раньше всех.
От ветров и водки
Хрипли наши глотки,
Но мы скажем тем, кто упрекнет:
— С наше покочуйте,
С наше поночуйте,
С наше повоюйте хоть бы год!*

*Там, где мы бывали,
Нам танков не давали,
Репортер погибнет — не беда.
Но на «Эмке» драной*

*И с одним наганом
Мы первыми въезжали в города.
Жив ты или помер —
Главное, чтоб в номер
Материал успел ты передать.
И чтоб, между прочим,
Был фитиль всем прочим,
А на остальное — наплевать!*

*Помянуть нам в пору
Мертвых репортеров,
Стал могилой Киев им и Крым.
Хоть они порою
Были и герои,
Не поставят памятника им.
Так выпьем за победу,
За свою газету,
А не доживем, мой дорогой,
Кто-нибудь услышит,
Снимет и напишет,
Кто-нибудь помянет нас с тобой.*

С наше покочуйте, с наше повоюйте

Вот что рассказывает об истории создания «Корреспондентской застольной» автор ее стихов Константин Симонов в своих дневниках «Разные дни войны. 1941-1945 г.г.».

Передав 12 февраля 1943 года в Москву корреспонденцию о взятии нашими войсками Краснодара, он получил по военному проводу встречную телеграмму: перебраться с Северо-Кавказского на Южный фронт, чтобы успеть к освобождению Ростова. Добираться туда ему пришлось в февральскую распутицу, по длиннейшей и грязнейшей дороге, на чужой машине, «виллисе».

«Чтобы переломить себя, — пишет Константин Михайлович, — в дороге стал сочинять «Корреспондентскую песню» и просочинял ее всю дорогу. Почти двое суток. «Виллис» был открытый, было холодно и сыро. Лихорадило. Сидя рядом с водителем, я закутался в бурку и вытаскивать из-под бурки руки не хотелось, поэтому песню сочинял на память.

Написав в уме строфу, начинал ее твердить вслух, пока не запомню. Потом начинал сочинять следующую и, сочинив, чтобы не забыть предыдущую, повторял несколько раз подряд вслух обе. И так до конца песни. И чем дальше сочинял ее, тем длинней был текст, который я каждый раз повторял...

Водитель, как только мы приехали, попросил сразу же разрешения отлучиться, а вскоре после этого в хате нашего корреспондентского пункта появился военврач из санитарной части штаба фронта. Как потом под общий смех выяснилось, мой хмурый водитель... явился в санчасть с сообщением, что с ним с Северо-Кавказского фронта ехал сюда ненормальный подполковник, который всю дорогу громко разговаривал сам с собою».

К рассказу Константина Михайловича мне остается добавить, что сочинял он свою песню на мотив пресловутой «Мурки» («Здравствуй, моя Мурка, здравствуй, дорогая...»). И именно на этот мотив ее пели журналисты-фронтовики.

А новую мелодию, которую мы знаем сегодня, написал композитор Матвей Блантер к спектаклю «Жди меня».

Юрий БИРЮКОВ

Случайный вальс

Слова Е. Долматовского

Музыка М. Фрадкина

*Ночь коротка,
Спят облака,
И лежит у меня на ладони
Незнакомая ваша рука.
После тревог
Спит городок.
Я услышал мелодию вальса
И сюда заглянул на часок.*

Припев:

*Хоть я с вами почти не знаком
И далеко отсюда мой дом,
Я как будто бы снова
Возле дома родного.
В этом зале пустом
Мы танцуем вдвоем,
Так скажите хоть слово,
Сам не знаю о чем.*

*Будем кружить,
Будем дружить.
Я совсем танцевать разучился
И прошу вас меня извинить.
Утро зовет
Снова в поход.
Покидая ваш маленький город,
Я пройду мимо ваших ворот.*

Припев.

Ночь коротка, спят облака...

В феврале 1942 года газета Юго-Западного фронта «Красная Армия» опубликовала стихотворение Е. Долматовского «Танцы до утра», в котором, между прочим, были и такие строки:

*Воеет вьюга на Осколе,
По реке скользят ветра.
Говорят, сегодня в школе
Будут танцы до утра.
Хриплый голос радиолы,
Снег, летящий на порог.
Запах пудры невеселый,
Топот валяных сапог.
Танца вечная погоня
Удивительно легка,
И лежит в моей ладони
Незнакомая рука...*

«Через год после опубликования этого стихотворения, — вспоминал впоследствии поэт, — я встретил вновь своего соавтора по «Песне о Днепре» Марка Фрадкина. С бригадой артистов он кочевал по войскам, завершавшим Сталинградскую операцию.

Я прочитал ему «Танцы до утра». Вскоре на трофейном аккордеоне он наиграл мне вальсовую мелодию, навеянную, как он говорил, этим стихотворением. Естественно, что ритмические стихи и музыка шли вразнобой...»

Вновь вернулись они к замыслу превратить стихотворение «Танцы до утра» в песню после победы на Волге.

Теперь поэт и композитор довольно быстро сочинили давно вынашиваемый ими «Офицерский вальс», как они поначалу называли свою песню. В ту пору слово «офицер» только вновь приобретало право на существование.

Песню подхватили на фронте. Вскоре Л. Утесов записал ее на пластинку.

Юрий БИРЮКОВ

Элина БЫСТРИЦКАЯ, актриса:

— Какая моя любимая песня о войне? Странный вопрос. Я же фронтовик, все песни о войне очень дороги мне. Но, если просите, пожалуй, выделю песню «Случайный вальс». Помню впечатления, когда впервые услышала ее в 1943 году. В то время я была совсем маленькая, шел 15-й год всего. Но подростком уже работала в Донецком военном госпитале. Однажды к нам приехала концертная бригада. Улучив свободную минутку, я присоединилась к зрителям... На импровизированной сцене зазвучала красивая мелодия. Имени и фамилии того исполнителя не знаю, это был неизвестный певец, но помню, запел высокий черноволосый мужчина в офицерской форме, баритон. И вокруг возникла удивительная, волшебная атмосфера... Когда артисты уехали, оказалось, что песня так запала в душу, что медсестры, запомнившие первый куплет, напевали и напевали «Ночь коротка, спят облака...». И искали в газетах, и любыми другими способами все слова песни. А когда один из раненых, интеллигентный человек, пошел на поправку, выяснилось, что он умеет играть на фортепиано. Часто слушая в госпитале песню, быстро подобрал мелодию. В нашем зале лечебной физкультуры стояло пианино, правда расстроенное. Но когда он сел и наигрывал мелодию «Ночь коротка», все звуки казались прекрасными...

Мария БУТЫРСКАЯ, чемпионка мира-99 по фигурному катанию:

— В 2001 году я неожиданно для себя открыла песню из кинофильма «17 мгновений весны». Услышала ее в записи на компакт-диске, и что-то в душе шевельнулось. Мы готовились к этапу Гран-при во Франции, и я предложила своему тренеру Елене Чайковской использовать необычайно красивую мелодию этой песни для произвольной программы. Поначалу Елена Анатольевна была в шоке: фильму и, соответственно, песне — уже четверть века! Нужно что-то новое, современное! Я, упрямец, настояла на своем, а потом, с особым вдохновением откатав программу, выиграла турнир в Париже.

Ленинградская песенка

Слова П. Шубина

Музыка А. Лепина

*Где бы я ни был заброшен войною
Среди черных и дымных полей,
Все мне чудится сад под луною
И на взморье гудки кораблей.*

Припев:

*Там под вечер тихо плещет
Невская волна.
Ленинград мой, милый брат мой,
Родина моя!*

*Все, что ты мне, прощаясь, шептала,
Стало сердцу навеки родным,
Только белая ночь трепетала
Над Литейным мостом кружевным.*

Припев.

*Знаю, знаю — гремит канонада,
Там, где мы проходили с тобой,
Под разрывы немецких снарядов
Наша молодость вышла на бой.*

Припев.

*Не сломили нас смерть и блокада.
И пройдет, словно песенка, вновь
По вечерним садам Ленинграда
Нерушимая наша любовь.*

Припев.

Ленинград мой, милый брат мой...

Автор «Ленинградской песенки», композитор Анатолий Яковлевич Лепин, подарил мне в свое время открытку с самым первым ее изданием. Выпущена она была в Москве Военмориздатом в 1943 году. Слова этой песни, как, между прочим, и «Волховской застольной», сочинил поэт-фронтовик Павел Шубин. Но в военные годы «Ленинградская песенка» не была избалована вниманием музыкальных издательств. Ни в одном песенном сборнике тех лет ее не встретишь. Но своей популярностью и распространением она во многом обязана радио, которое было тогда самым мобильным и самым активным песенным пропагандистом.

Вот что рассказывал о рождении этой песни сам композитор А. Я. Лепин, с которым посчастливилось мне не однажды встречаться: «В 1942 году я получил срочное задание — поехать на Волховский фронт, под Ленинград, помочь ансамблю песни и пляски в создании репертуара на местном материале.

Срок командировки заканчивался. И вдруг накануне отъезда несколько командиров обратились к нам с Шубиным с просьбой написать лирическую песню о Ленинграде. Было это, насколько помнится, в районе станции Мга. Вечер. Землянка.

При тусклом свете коптилки Павел Шубин набросал первые строки будущей песни. А наутро мы с ним спели ее, только что рожденную, солдатам и командирам, провожавшим меня в Москву. Тем песня очень понравилась, и мы оставили в штабе ее слова и рукопись клавира.

Не могу сейчас вспомнить точно, кто первым исполнил эту песню по радио. Может быть, Вадим Козин. А возможно, Владимир Нечаев.

Получал я в те годы и письма из блокадного Ленинграда, удивляясь тому, как они до Москвы доходили. Значит, песня полюбилась, выдержала вместе с людьми горькие и жестокие месяцы войны и блокады».

Юрий БИРЮКОВ

Фляга

Слова К. Симонова

Музыка народная

*Когда в последний путь
Ты отправляешь друга,
Есть в дружбе, не забудь,
Посмертная услуга:*

*Оружье рядом с ним
Пусть в землю не ложится,
Оно еще с другим
Успеет подружиться.*

*Но флягу, что с ним дни
И ночи коротала,
Над ухом ты встряхни,
Чтоб влага не пропала.*

*И, коль ударит в дно
Зеленый хмель солдатский,
На два глотка вино
Ты раздели по-братски.*

*Один глоток отпей,
В земле чтоб мертвым спалось
И дольше чтоб по ней
Живым ходить осталось.*

*Оставь глоток второй
И, прах предав покою,
С ним флягу ты зарой,
Была чтоб под рукою.*

*Чтоб в день победы смог,
Как равный вместе с нами,
Он выпить свой глоток
Холодными губами.*

Следствие о песне вело гестапо

Тем, кто младше Великой Отечественной, а таких в стране с годами все больше, даже трудно представить, как ждали на фронте, в партизанских отрядах хорошую песню. Новинки из Москвы задерживались. И потому на разных фронтах издавали свои сборнички.

«В землянке» — стихи Суркова сюда еще, видно, не дошли, но чувствовал безвестный автор то же, что и признанный поэт:

*В низкой землянке
По-братски тепло.
Дымом махорочным
Все занесло.
Дымом махорочным
Все занесло,
На лица простые
Раздумье легло.*

На партизанские базы вместе с оружием сбрасывали листовки со стихами. Одну из них военный корреспондент «Правды» увидел после освобождения Минска в бумагах, захваченных в гестапо. Это было заведенное по всем правилам следствия «Дело о партизанской песне». «Во множестве экземпляров, переписанных от руки, пришла из партизанских лесов эта песня, — рассказывала «Правда» в ноябре 1943 года. — В захваченных оккупантами деревнях ее разучивали советские люди».

*В темной роще густой
Партизан молодой
Притаился в засаде с отрядом.
Под осенним дождем
Мы врага подождем
И растопчем фашистского гада.*

Эти стихи написал поэт Василий Лебедев-Кумач. А пели ее, скорее всего, на мотив широко известной в те годы песни «Там вдали, за рекой».

Сергей ДНЕПРОВ

Песня о двух друзьях

Слова В. Лебедева-Кумача

Музыка А. Лепина

*Дрались по-геройски, по-русски
Два друга в пехоте морской.
Один паренек был калужский,
Другой паренек костромской.*

*Они, точно братья, сроднились,
Делили и хлеб, и табак.
И рядом их ленточки вились
В огне непрерывных атак.*

*В штыки ударяли друг друга,
И смерть отступала сама.
— А ну-ка, дай жизни, Калуга!
— Ходи веселей, Кострома!*

*Но вот под осколком снаряда
Упал паренек костромской.
— Со мною возиться не надо, —
Он другу промолвил с тоской.*

*— Я знаю, что больше не встану,
В глазах беспросветная тьма...
— О смерти задумал ты рано,
Ходи веселей, Кострома!*

*И бережно поднял он друга,
Но сам застонал и упал.
— А ну-ка, дай жизни, Калуга! —
Товарищ чуть слышно сказал.*

*Теряя сознание от боли,
Себя ободряли дружки,
И тихо по ровному полю
К своим поползли моряки...*

*Умолкла свинцовая вьюга,
Пропала смертельная тьма.
— А ну-ка, дай жизни, Калуга!
— Ходи веселей, Кострома!*

Дрались по-геройски, по-русски...

Как только не величали на фронте эту песню — «Костромская-калужская», и «Два друга», и «Дай жизни, Калуга!», и «Ходи веселей, Кострома!». Пластинка с нею была выпущена небывалым по военному времени тиражом и очень быстро разошлась.

Боевые дела и подвиги героев-моряков, сражавшихся в отрядах морской пехоты, вдохновили на эту песню ее авторов — поэта Василия Лебедева-Кумача и композитора Анатолия Лепина. И получилось прекрасное посвящение, если хотите, гимн морскому братству и дружбе.

«Вместе с моим неизменным аккомпаниатором Давидом Ашкенази, — рассказывал мне первый исполнитель этой песни Вадим Алексеевич Козин, — мы выступали с ней и в осажденном Ленинграде — городе моего детства (сам ведь я петербуржец, родился на питерской стороне), и перед моряками-североморцами, и перед морскими пехотинцами, сражавшимися на Карельском фронте. Восторженно принимали нас не только моряки, но и воины других родов войск. В ту пору ее распевали повсюду — и на фронте, и в тылу. Часто она звучала и по радио...»

Удалось отыскать первую публикацию «Песни о двух друзьях» (таково ее окончательное название) в январском номере журнала «Краснофлотец» за 1943 год.

После того как она была опубликована, ее подхватили и другие певцы. Наряду с Вадимом Козиным песню про двух

друзей из Костромы и Калуги пели Георгий Абрамов и Ефрем Флакс. Очень хорошо звучал песенный диалог двух друзей-моряков в исполнении вокальных дуэтов. Нередко и сам ее автор, композитор Лепин, аккомпанировал певцам, выступая в концертах перед воинами и населением. Об одном из таких выступлений вспоминала в письме ко мне Вера Петровна Важнова из города Воскресенска Московской области.

«Шел 1943 год. Была весна. То ли март, то ли апрель, сейчас уже и не помню. Но хорошо помню, что я должна была провожать брата на фронт с Курского вокзала Москвы. В ожидании поезда мы зашли с ним в зал, где собралось уже много солдат, дожидавшихся отправления, как тогда говорили, в действующую армию.

Как сейчас, помню временные подмости, сцену. На подмостках — рояль. Объявили, что сейчас выступит перед нами композитор и будут исполнены его песни. На сцену вышли два артиста — один маленький, а другой на голову выше. Представили автора, который сел за рояль. И зазвучала песня про двух друзей-товарищей из Калуги и Костромы. Ох, как же хорошо они ее исполняли!

Для композитора эти документальные свидетельства мобилизующей силы и действенности его песни оказались приятным сюрпризом.

— Песня эта и мне самому памятна и дорога, и я искренне тронут тем, что ее до сих пор помнят. На ней мы, собственно говоря, и познакомились с Лебедевым-Кумачом, который тогда работал в политуправлении Флота, имел звание полковника. Помню, как он сам ее пел, вернее, подпевал мне во время работы над нею.

Юрий БИРЮКОВ

Анастасия АЛЕСЕНКО, ветеран трудового фронта:

В войну молодой девчонкой меня направили на торфяники в Ленинградскую область. Добывали топливо для Ленинграда. Там я и услышала песню, которая мне больше всех запахла в душу. Называется она «Два друга». Говорилось в ней о двух героических солдатах: «Один паренек был калужский, другой паренек костромской...»

Кончилась война, но нас, девчат, не отпускали домой до февраля 1946 г. Когда я вернулась, часто напевала эту песню.

Стародуб, Брянская область.

Эх, дороги!

Слова Л. Ошанина

Музыка А. Новикова

**Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Знать не можешь
Доли своей,
Может, крылья сложишь
Посреди степей.
Вьется пыль под сапогами —
 степями,
 полями,
А кругом бушует пламя
Да пули свистят.**

**Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Выстрел грянет,
Ворон кружит...
Твой дружок в бурьяне
Неживой лежит.
А дорога дальше мчится,
 пылится,
 клубится.
А кругом земля дымится —
Чужая земля.**

**Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги**

*Да степной бурьян.
Край сосновый,
Солнце встает.
Укрыльца родного
Мать сыночка ждет.
И бескрайними путями —
 степями,
 полями,
Все глядят вослед за нами
Родные глаза.*

*Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Снег ли, ветер
Вспомним, друзья.
...Нам дороги эти
Позабыть нельзя.*

Нам дороги эти позабыть нельзя

Военные дороги. Где они начинались?

На 71-м километре Минского шоссе есть скульптурная группа: пятеро бронзовых солдат под обстрелом врага кладут сваи, чтобы пустить по ним бревенчатый настил. Это памятник тем, кто клал «лежневку», чтобы по ней могла двигаться техника.

А железные дороги — разве не были они военными? Даже если находились в сотнях километров от фронта...

Лето 1944 года. Товарный вагон. Невоенных людей в нем только мама, я и мой брат — остальные солдаты. Поезд только отошел от станции Мена Сумской области, и начался налет. Немецкие самолеты преследовали наш состав километров десять.

Напряжение ли, испытанное старшими, передалось мне и пробудило сознание, или потому, что вопрос быть мне или не быть судьба окончательно решила именно в ту бомбежку, — но

факт остается фактом: начиная с этой поездки в товарном вагоне я помню себя.

А помню вот что. Солдат держит меня на коленях и дает пить воду из своей фляги. То ли я, напуганный, плакал, и меня надо было успокоить, то ли жарко было в товарняке. А может, солдат, с которым свела нас дорога, дома оставил такого же мальчика. Словом, поил он меня из фляги, и ничего слаще и вкуснее этой воды не было. Какой-то волшебный напиток. Потом я все хотел еще хоть раз попить такой же. Но ничего похожего не находил. В конце концов я решил, что все дело во фляге — это в ней вода приобретает столь сказочный вкус.

И вот удача: мне восемь лет. Меня собирают в пионерский лагерь и в рюкзак кладут флягу. Я отвинчиваю пробку, делаю глоток — полное разочарование: вода совсем не та... Так и осталось для меня на всю жизнь загадкой, почему такой необыкновенной была вода из фляги солдата.

Никогда-то я не узнаю, прошел ли он до конца свою военную дорогу или сложил крылья посреди степей, как тот герой песни, написанной через год, в победном 1945-м.

Владимир СМЫК

«Дороги» родились, — вспоминал поэт Лев Ошанин, — когда под Жиздрой мы лежали в поле, застигнутые бомбежкой, и русоволосый лейтенант, упавший рядом, уже не встал. Помню, как я искал в песне одну строку «Твой дружок в бурьяне...». Что он, мертв? Убит? Подкошен? Вырван из жизни? Наконец нашлось: «Неживой лежит». Вот это «неживой», мне кажется, сказало больше, чем множество слов, которые могли встать на это место».

Композитор Анатолий Новиков вспоминал: работая над «Дорогами», он стремился, чтобы они были очень близки по строю народной песне. Музыка была написана для театрализованной программы «Весна победная». Первым исполнителем песни стал солист ансамбля НКВД Иван Шмелев. Затем ее подхватили другие солисты и ансамбли.

Песня быстро стала народной. Она ведь была о дорогах не только солдатских. В ней — пути всего военного поколения, да и не только военного. «Нам дороги эти позабыть нельзя» — это наказ и тем, кто воевал, и их детям, и внукам...

Юрий БИРЮКОВ

Ростов-город

Слова А. Софронова

Музыка М. Блантера

*Мы жили в этом городе,
Дружили в этом городе,
Ходили в этом городе гулять.
Как шли мы с разговорами,
С гитарой, с переборами,
Любили мы подружкам напевать.*

Припев:

*Ростов-город, Ростов-Дон!
Синий звездный небосклон.
Улица Садовая,
Скамеечка кленовая —
Ростов-город, Ростов-Дон!*

*Пришла война суровая,
Зажгла огни багровые,
Хлебнули мы свинцового дождя.
И, оставляя город наш,
Любимый, светлый город наш
Мы в сердце уносили, уходя...*

Припев.

*Но вот вернулись снова мы,
Давя врага подковами,
Сметая каски вместе с головой.
Наш город — слава новая,
Наш город — жизнь суровая,
Идем мы вновь знакомой мостовой.*

Припев.

С премьерой пришлось повременить

С первых дней войны поэт Анатолий Софронов был на фронте сотрудником армейской газеты «К победе» 19-й армии, был ранен, попал в госпиталь. После излечения оказался в Москве, в резерве политсостава.

«Однажды в Музгизе, — вспоминал об этом времени Анатолий Владимирович, — подходит ко мне незнакомый человек и говорит: «Вы не ростовчанин, Софронов?» - «Да, из Ростова», — отвечаю. «Я — Блантер. Давайте напишем песню о Ростове. Приходите ко мне в гостиницу». — И дал адрес.

Наши как раз освободили Ростов, и я с волнением взялся за песню. Вскоре с готовым текстом появился у Блантера. В номере у него оказался поэт Виктор Гусев. Однако композитор не очень обрадовался моему визиту. Сказал, что уже написал песню с Гусевым. Гусев, заметив, очевидно, огорчение на моем лице, попросил стихи. Быстро прочитав их, он вдруг сказал: «Мотя, а ведь у него лучше. Пусть будет его текст. А мы с тобой другую напишем...»

Песня и в самом деле удалась. Правда, с премьерой ее пришлось несколько повременить. Положение на фронте осложнилось. Ростов был вновь захвачен врагом. Но в февральские дни 1943 года наши войска вслед за разгромом Сталинградской группировки гитлеровских войск освободили Ростов-на-Дону. Тогда-то и была исполнена по радио Краснознаменным ансамблем эта песня. Запевал ее Георгий Виноградов.

В феврале 1943 года Музфонд выпустил отдельным изданием песню «Ростов-город». А через некоторое время вышла и пластинка с этой песней в исполнении Георгия Виноградова и Краснознаменного ансамбля.

Юрий БИРЮКОВ

Жди меня

Слова К. Симонова

*Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди;
Жди, когда снега метут;
Жди, когда жара.
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет.
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.*

*Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня.
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди — и с ними заодно
Выпить не спеши.*

*Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: «Повезло».
Не понять не ждавшим, им,*

*Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил — будем знать
Только мы с тобой.
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.*

Жди меня, и я вернусь

Эти проникновенные слова выразили чувства миллионов людей, разделенных войной.

Ровно в шесть утра в барак входил полицаи с двумя овчарками: «Ауфштэен!» — «Вставать!» Глоток баланды, и колонна рабов, стуча деревянными колодками, тянется к проходной завода. Впереди — бесконечная смена. Лагеря, в которые фашисты согнали миллионы каторжан, не только выжимали все силы. Они еще и убивали человека в человеке, низводили людей до уровня рабочей скотины, тупой и бессловесной.

Собираясь на передовую с фронтовой бригадой, актриса из Свердловска Елена Вишневская познакомилась со стихотворением Константина Симонова «Жди меня». «Оно сразу же пленило меня своей искренностью и горячей сердечностью, — вспоминала актриса. — Простые, точные его мысли были так естественны, так органичны, как будто я сама их выразила именно этими словами. Оно сразу входило в душу».

На Юго-Западном фронте театральная бригада попала в окружение. Помогая артистам вырваться, погиб командир части. Остальным выпала дорога в рабочий лагерь моторного завода близ города Ольденбург...

А теперь представьте себе обшарпанный барак, в котором русские, украинцы, поляки, французы в одно из воскресений решили устроить общий концерт. Поляки играли на скрипках, кто-то из девушек пел, танцевал — и на этом концерт мог закончиться. Елена Вишневская поначалу не собиралась выступать, но ее «неожиданно понесло» на импровизированную сцену, «потому что непреодолимая потребность высказаться возникла во мне».

Послушаем эту пронзительную исповедь.

«Я очутилась перед знакомыми лицами своих товарищей по лагерю, они ждали, что я скажу. Волнение перехватило мне горло. Глухим, чужим голосом я произнесла первые слова, а потом горячее чувство влилось в строки, и я стала единым целым с моими бедными, исстрадавшимися соотечественниками. Они слушали меня, и слезы текли по их лицам. Плакали даже мужчины. Когда я кончила, ко мне бросились, обнимали, благодарили, просили переписать на память это стихотворение. Каждому казалось, что это именно его мысли, его слова! Видя, какое волнение охватило весь зал, наш лагерфюрер Эумэ потребовал у меня объяснения. Я, как могла, перевела ему по-немецки смысл, он успокоился. Так стихотворение Константина Симонова жило разными жизнями. Посвященное одной женщине, оно перешагнуло барьер интимности и стало моральной поддержкой многих. Если бы Константин Михайлович узнал об этом, я думаю, он был бы доволен».

Елена Вишневская вернулась на Родину, вернулась на сцену. Ее воспоминания подготовил к печати и опубликовал в журнале «Источник» Михаил Любимов, правнук. А внука, Александра Любимова, многие из нас знают по телеэкрану.

Это лишь один эпизод из большой жизни стихотворения Константина Симонова.

Виктор АНДРИЯНОВ

Это стихотворение военных лет, словно создано для песни.

Напечатанное в «Правде» весной 1942 года, оно стало, по словам поэта Льва Ошанина, «талисманом жизни для миллионов людей». Строки, тысячи раз переписанные девичьими и женскими руками, вырезанные из газет, бережно хранились в карманах солдатских и офицерских гимнастерок. Популярность стихотворения Константина Симонова была столь велика, что многие известные композиторы, почувствовав его музыкальность, написали на него, как утверждал тот же Ошанин, 365 мелодий. Лично я встречал мелодические версии и варианты этой песни, написанные в годы Великой Отечественной войны И. Дунаевским, А. Новиковым, В. Соловьевым-Седым и другими. Песня эта звучала по радио, с киноэкрана и плас-

тинок в исполнении Георгия Виноградова, Леонида Утесова, других выдающихся певцов и певиц. Но ни одну из них в народе не подхватили и не запели.

«Почему же мастера, имеющие всенародно известные песни, сочиненные ими на менее яркие стихи, здесь не раскрылись? В чем тут дело? — Спрашивал Лев Иванович Ошанин, размышляя по поводу этой несостоявшейся песни. — Видимо, стихотворение заключало в себе такой заряд музыкальности, которому музыка была не нужна. Такое бывает...»

Мне остается привести воспоминания Константина Михайловича Симонова о том, при каких обстоятельствах эти его стихи попали в «Правду».

Поначалу он предложил «Жди меня» вместе с другим стихотворением — «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины» для «Красной звезды» ее редактору Ортенбергу.

«Ты помнишь, Алеша...», — вспоминал Симонов, — Ортенбергу понравилось, и он вскоре его напечатал, а со «Жди меня» поколебался и вернул мне, сказав, что эти стихи, пожалуй, не для военной газеты, мол, нечего растревлять душу солдата — разлука и так горька!»

Константин Михайлович встретился с редактором «Правды» Петром Николаевичем Поспеловым, и тот повел его в кабинет попить чаю.

Посетовав, — продолжает свои воспоминания Симонов, — что за последнее время в «Правде» маловато стихов, Поспелов спросил, нет ли у меня чего-нибудь подходящего. Я сначала ответил, что нет.

— А мне товарищи говорили, будто вы недавно тут что-то читали.

— Вообще-то есть, — сказал я. — Но это стихи не для газеты. И уж во всяком случае не для «Правды». И я, немножко поколебавшись, прочел Поспелову не взятое в «Красную звезду» «Жди меня»...

А через несколько дней, вернувшись из-под не взятого еще, вопреки ожиданиям, Можайска, увидел свое «Жди меня» напечатанным на третьей полосе «Правды».

Юрий БИРЮКОВ

Огонек

Слова М. Исаковского

Музыка народная

*На позиции девушка провожала бойца.
Темной ночью простилась на ступеньках
крыльца.*

*И пока за туманами видеть мог паренек,
На окошке на девичьем все горел огонек.*

*Парня встретила славная фронтовая семья.
Всюду были товарищи, всюду были друзья.
Но знакомую улицу позабыть он не мог:
«Где ж ты, девушка милая, где ж ты, мой
огонек?»*

*И подруга далекая парню весточку шлет,
Что любовь ее девичья никогда не умрет.
Все, что было загадано, в свой исполнится срок,
Не погаснет без времени золотой огонек.*

*И просторно, и радостно на душе у бойца
От такого хорошего от ее письмеца.
И врага ненавистного крепче бьет паренек
За Советскую Родину, за родной огонек.*

На позиции девушка провожала бойца

Впервые с той мелодией, которая всем известна и давно уже стала хрестоматийной, «Огонек» был записан на грампластинку и прозвучал по радио уже после войны в исполнении замечательного певца Владимира Нечаева. Пел он с эстрадным оркестром Всесоюзного радио под управлением Виктора Кнушевицкого, которому, по всей вероятности, и принадлежит первая редакция, запись и аранжировка этого прекрасного напева. До этого ни звукозаписей, никаких печатных публикаций «Огонька» с той мелодией, которую мы любим и помним, которая вошла в антологию военной песни, не было.

Впервые стихотворение М. Исаковского было опубликовано 19 апреля 1943 года в «Правде» с подзаголовком «Песня», но без нот, и о музыке ничего не упоминалось. По всей вероятности, поэт заведомо ориентировался на то, что песней стихи эти рано или поздно, но обязательно станут, как это и раньше было со многими его стихами. Так и случилось.

Юрий БИРЮКОВ

Михаил Леонтьевич Кайда, рабочий человек из Донбасса, уходя на войну, просил жену свою, Евдокию Макаровну, сберечь детей-малолеток. Домой он не вернулся, погиб в 1944-м при освобождении Украины. А она двух дочек сберегла, подняла на ноги, воспитала, выучила.

В те послевоенные годы семью спасали огород, коза и швейная машинка. Огород давал огурцы и помидоры, коза — полезное детишкам молоко, а швейная машинка — немножко живых денег. Приходили женщины с соседних улиц и просили что-нибудь перешить из старой одежды.

С заработанными рублями шла на базар. Там было много калек, передвигавшихся на самодельных низких деревянных тележках, поставленных на подшипники. Кто-то из них играл и пел довоенные и военные песни. Вокруг такого человека собирались женщины — слушали и плакали.

Однажды за рубль купила Евдокия Макаровна песню, на-

писанную карандашом на папиросной бумаге. Выбрала «Огонек». Пришла домой и — не только потому, чтобы рубль не зря оказался потраченным, — посадила дочек учить текст песни. Одна из них спустя годы стала моей женой, а историю с «Огоньком» я узнал от нее совсем недавно.

Мне кажется, «Огонек» в послевоенное время особенно лег на сердце вдовам и невестам, так и не дождавшимся с фронта своих мужей и женихов. Как символ несостоявшихся встреч и несбывшихся надежд. «Огонек» и светил, и грел, и обжигал. Достаточно вспомнить сцену застолья из фильма «Простая история», где в неизбывной тоске поют эту песню еще не успевшие постареть послевоенные одинокие бездетные колхозницы.

Александр КУЗНЕЦОВ

Виктор ЛИХОНОСОВ, писатель:

После войны, в Сибири, моя матушка Татьяна Андреевна и ее соседка пели «Огонек». Многие ли теперь помнят начало этой песни: «На позиции девушка провожала бойца. Темной ночью простилась на ступеньках крыльца. И пока за туманами видеть мог паренек, на окошке на девичьем все горел огонек...»

Отец мой, Иван Федорович, также сошел с крыльца в сумерках, уехал в солдатском вагоне на передовые позиции и погиб в сорок третьем под Запорожьем.

Первые послевоенные годы по настроению, по ощущению свежих утрат были похожи на эту песню. Идешь из школы через базар, а там, на маленьком толчке, слышится знакомая мелодия.

В трамваях, в пригородных поездках пели про «огонек» калек, побирушки. Когда я писал о матери в повести «На долгую память», сиротское звучание этой песни не оставляло меня. Если б эта песня звучала в душах правителей конца 80-х — начале 90-х годов, не случилось бы гибели нашей страны, преступной сдачи завоеваний Великой Отечественной войны, краха всего нажитого после войны благополучия.

г. Краснодар

Прощайте, скалистые горы

Слова Н. Букина

Музыка Е. Жарковского

***Прощайте, скалистые горы,
На подвиг Отчизна зовет!
Мы вышли в открытое море,
В суровый и дальний поход.***

***А волны и стонут, и плачут,
И плещут о борт корабля...
Растаял в далеком тумане Рыбачий,
Родимая наша земля.***

***Корабль мой упрямо качает
Крутая морская волна;
Поднимет и снова бросает
В кипящую бездну она.***

***Обратно вернусь я не скоро,
Но хватит для битвы огня!
Я знаю, друзья,
что не жить мне без моря,
Как море мертво без меня.***

***Нелегкой походкой матросской
Иду я навстречу врагам,
А после с победой геройской
К скалистым вернусь берегам.***

***Хоть волны и стонут, и плачут,
И плещут о борт корабля,
Но радостно встретит героев Рыбачий,
Родимая наша земля.***

На сопке Зеленый Мыс звучат позывные

Стихотворение «Не жить мне без моря» поэта-североморца Николая Букина, опубликованное в 1942 году в газете «Краснофлотец», выходящей в годы войны на Северном флоте, привлекло внимание нескольких композиторов. Первым написал музыку на эти стихи В. Кочетов. Политуправление Северного флота в письме от 2 апреля 1943 года рекомендовало эту песню Всесоюзному радиокомитету для исполнения и популяризации «в период краснофлотского радиочаса».

Несколько позже, в 1944 году, музыку к стихам Букина написал другой композитор — Е. Жарковский. Первое исполнение песни с его музыкой состоялось 30 апреля 1944 года в программе ансамбля и джаза ДВМФ Северного флота, и пели ее солисты этого ансамбля Чернобилский и Федоров. А после исполнения «Скалистых гор» по радио В. Бунчиковым и П. Киричком песня эта завоевала большую популярность. Напев ее увековечен в памятнике, который исполински вознесся на месте бывших сражений в честь героических защитников советского Заполярья на сопке Зеленый Мыс, на берегу Кольского залива, где каждые полчаса звучат музыкальные позывные — мелодии песни «Прощайте, скалистые горы».

Юрий БИРЮКОВ

Мурад ЗЯЗИКОВ, президент Республики Ингушетия:

— Впервые услышал эту песню, когда мне было шесть лет. Конечно, мальчишкой, не понимал смысла всех слов песни, но огромное, глубокое впечатление навсегда врезалось в душу. Такая магическая музыка пробуждает в человеке сильнейшие патриотические чувства. Участники войны не раз говорили: когда звучала «Священная война», все вставали, как во время исполнения гимна, а когда отправлялись на фронт, увозили ее в своих сердцах. Позже, в школьные и студенческие годы, я не раз слушал эту песню. И всегда меня переполняло чувство гордости, что я принадлежу к тому народу, которому посвящена эта удивительная и бессмертная песня.

После «Священной войны» было создано немало славных фронтовых песен. Многие из них стали народными. Но «Священная война» всегда будет оставаться главной песней Великой Отечественной войны.

Виктор ШЕРШУНОВ, губернатор Костромской области:

— Моя любимая песня военных лет — «Прощайте, скалистые горы». Сам я служил моряком на флоте, потому эта песня мне близка. Особенно люблю ее в исполнении солиста нашей филармонии Емцова. Сам тоже могу спеть, что частенько бывает, когда мы отмечаем праздник в мужской компании, к примеру, 23 февраля или 9 мая.

Георгий ПОЛТАВЧЕНКО, полпред президента в Центральном Федеральном округе:

— Одна из самых любимых песен военных лет — «Прощайте, скалистые горы, на подвиг Отчизна зовет». Слова сами за себя говорят. Ну а почему именно эта песня? Мой отец был военным моряком, воевал на Великой Отечественной. Друг моего отца, дай Бог ему здоровья, Лев Владимирович Фокин, в свое время начинал юнгой на Северном флоте, участвовал в проводке знаменитых конвоев. Он очень хорошо поет военные песни. И эту — о тех, кто вышел в открытое море.

Лизавета

Слова Е. Долматовского

Музыка Н. Богословского

***Ты ждешь, Лизавета,
От друга привета.
Ты не спишь до рассвета,
Все грустишь обо мне.
Одержим победу,
К тебе я приеду
На горячем боевом коне.***

***Приеду весною,
Ворота открою.
Я с тобой, ты со мною
Неразлучны навек.
В тоске и тревоге
Не стой на пороге!
Я вернусь, когда растает снег!***

***Моя дорогая,
Я жду и мечтаю.
Улыбнись, повстречая,
Был я храбрым в бою.
Эх, как бы дожить бы
До свадьбы-женильбы
И обнять любимую свою!***

Дожить бы до свадьбы-женитьбы

«Лизавета» была написана для кинофильма «Александр Пархоменко». Названа она именем одной из героинь фильма, посвященного легендарному герою Гражданской войны. Снимать картину начали в Киеве накануне Великой Отечественной войны, а заканчивали съемки в Ташкенте, куда была эвакуирована Киевская студия.

Главную роль в этом фильме играл замечательный советский актер Александр Леопольдович Хвыля, к слову сказать, очень хорошо певший. Он-то и спел эту песню в картине вместе с другим, не менее популярным актером советского кино — Петром Алейниковым, игравшим роль Гайворона. Оттого у этой песни двойное название: «Лизавета» («Песня Гайворона»).

Авторы песни — поэт Евгений Долматовский и композитор Никита Богословский очень точно отразили в ней настроение времени не только прошлого, но и того, в которое она создавалась, и, что примечательно, угадали в том далеком сорок втором году, когда, в какую пору года придет долгожданная Победа. Помните?

*Приеду весною,
Ворота открою,
Я с тобой, ты со мною —
Неразлучны навек.
В тоске и тревоге
Не стой на пороге!
Я вернусь, когда растает снег.*

Впервые опубликована Музгизом в 1943 году.

Юрий БИРЮКОВ

Петр СУМИН, губернатор Челябинской области:

— Песни военной поры имеют долгую жизнь. Иначе и быть не может, ведь война прошла черной полосой через каждую семью, через каждый дом...

Я хорошо помню послевоенную южноуральскую деревню, свое родное село. Отношения между людьми тогда были про-

ше, теплее, задушевнее. В нашем доме часто собирались родственники и просто соседи, как и мой отец, бывшие фронтовики. Вспоминали военное лихолетье, поминали погибших и, конечно, пели...

Мой отец, Иван Андреевич, любил в такие минуты негромко запеть:

*Одержим победу,
К тебе я приеду
На горячем боевом коне...*

Помню то яркое впечатление, которое произвела на меня «Темная ночь» в исполнении Марка Бернеса. Полотняный экран сельского клуба, притихшие односельчане, и белокурый офицер, наигрывая на пианино, напевает слова, ставшие символом надежды и верности для миллионов фронтовиков и их семей:

*Ты меня ждешь
И у детской кровати не спишь,
И поэтому, знаю, со мной
Ничего не случится...*

А по вечерам, после работы, у клуба собиралась молодежь, весело звучала гармошка и чей-то юношеский голос задорно частил:

*Мы парни brave, brave, brave,
Но чтоб не сглазили подружки нас кудрявые,
Мы перед вылетом еще
Их поцелуем горячо
И дружно плюнем через левое плечо!..*

Кинофильм «Небесный тихоход» мы, послевоенная детвора, смотрели не по одному разу. Как и десятки других фильмов, песни из которых сразу же становились народными. И я искренне рад, что сегодня они не забыты, их помнит не только старшее поколение, но и молодежь.

Заветный камень

Слова А. Жарова

Музыка Б. Мокроусова

*Холодные волны вздымает лавиной
Широкое Черное море.
Последний матрос Севастополь покинул,
Уходит он, с волнами споря.
И грозный, соленый, бушующий вал
О шлюпку волну за волной разбивал.*

*В туманной дали
Не видно земли,
Ушли далеко корабли.*

*Друзья-моряки подобрали героя,
Кипела вода штормовая.
Он камень сжимал посиневшей рукою
И тихо сказал, умирая:
«Когда покидал я родимый утес,
С собою кусочек гранита унес,*

*Затем чтоб вдали
От крымской земли
О ней мы забыть не могли.*

*Кто камень возьмет, тот пускай поклянется,
Что с честью носить его будет.
Он первым в любимую бухту вернется
И клятвы своей не забудет!
Тот камень заветный и ночью и днем
Матросское сердце сжигает огнем.*

*Пусть свято хранит
Мой камень-гранит,
Он русскою кровью омыт».*

*Сквозь бури и штормы прошел этот камень
И стал он на место достойно.
Знакомая чайка взмахнула крылами,
И сердце забилося спокойно.
Взошел на утес черноморский матрос,
Кто Родине новую славу принес.*

*И в мирной дали
Идут корабли
Под солнцем родимой земли.*

Друзья-моряки подобрали героя

Уже пятый день плыла по Черному морю одинокая шлюпка, держа курс на Туапсе. В шлюпке было четверо: все моряки, севастопольцы. Один из них умирал, трое угрюмо молчали. Верные святой заповеди морской дружбы, они не оставили своего тяжело раненного товарища на берегу, забрали с собой.

Когда его поднимали, сраженного вражеским осколком, там, в Севастополе (это было близ памятника Погибшим кораблям), то не заметили сначала, что в руке он зажал небольшой серый камень, отбитый снарядом от гранитного парапета набережной. Покидая Севастополь, моряк поклялся вернуться в этот город и положить камень на место.

Чувствуя, что ему не суждено это сделать, черноморец передал заветный осколок гранита своим боевым товарищам с наказом: непременно вернуть его на свое место — в Севастополь.

Эту историю, поведенную бывалым боцманом Прохором Матвеевичем Васюковым, рассказал читателям газеты «Крас-

ный флот» писатель Леонид Соловьев.

Летом 1943 года легенду о севастопольском камне прочел Борис Мокроусов.

«Встретились мы с Борисом Андреевичем лишь в 1943 году, — рассказывал впоследствии Александр Алексеевич. — Оба горячо приняли к сердцу эту невыдуманную историю о севастопольском камне. Она воодушевила нас на песню, которую мы так и назвали «Камень Севастополя».

Именно под таким названием песня вместе с нотами была опубликована в газете «Красная звезда» 9 января 1944 года.

Одним из первых «Заветный камень» исполнил Леонид Утесов, надолго сохранивший ее в своем репертуаре.

Горячими поклонниками этой песни были и многие другие исполнители: Борис Гмыря, Мария Максакова, Марк Рейзен.

Юрий БИРЮКОВ

Владимир ЖИРИНОВСКИЙ, вице-спикер Государственной Думы, лидер ЛДПР:

— Мои любимые песни о войне — “Темная ночь” и “День Победы”. Они даже записаны мною на диск: я их исполняю в сопровождении хора МВД. А вот сын мой ничего не поет — только я.

Я после войны родился. Из родственников — мой двоюродный брат участник войны. Он жив еще, живет в Бишкеке, ему сейчас 80 лет. А еще дядя, брат мамы — из Душанбе. Политрук Макаров Петр Павлович: погиб 6 декабря 1941 года.

Минуты жизни

Слова П. Германа

Музыка Б. Фомина

*Дождь проливным потоком
Стучит с утра в окно.
Ты от меня так далеко,
Писем уж нет давно.
Ночью я буду, я знаю,
Думать, когда все уснут.
Разве у вас не бывает
В жизни подобных минут?*

*Пусть тяжелы недели,
Живу мечтой о дне:
Ты в офицерской шинели
Скоро придешь ко мне,
Скажешь, как прежде: «Родная!»
Слезы украдкой блеснут.
Разве у вас не бывает
В жизни подобных минут?*

*Время бежит сурово,
Печаль разлук тая.
Как бы хотелось мне снова
Крепко обнять тебя!
Жду я, и верю, и знаю:
Эти минуты придут.
Разве у вас не бывает
В жизни подобных минут?*

Жду я, и верю, и знаю...

В годы войны я дружил с Володей Артемасовым, отец которого, как и мой отец, с первых дней войны ушел на фронт. Его мать — тетя Шура — работала на заводе, выполнявшем военные заказы. Высокая, красивая, с доброжелательным характером, она, придя с работы и готовя скромную пищу на общей кухне, часто пела песни. Вот тогда-то я впервые услышал песню, о которой мне хочется рассказать и которая на всю жизнь осталась в моей памяти. К сожалению, я не встречал ее в сборниках, издававшихся после войны, а слова запомнил со слов тети Шуры. Эта песня — «Минуты жизни».

Пусть тяжелы недели...

Когда ее пела тетя Шура, я видел, как пыталась она незаметно стереть слезы. И у меня на душе становилось так тяжело, что хотелось плакать вместе с нею.

— Тетя Шура, — успокаивал я ее, — не плачьте... Наши вернуться...

Мой голос срывался, а тетя Шура благодарно начинала улыбаться.

Первым с фронта пришел мой отец, а потом Володин.

К сожалению, моя мать не дождалась отца с фронта. Она не дожила до светлых дней Победы. Спасая нас, четверых детей, от голода, она скорострительно скончалась от чахотки.

Помню солнечный августовский день 45-го года. Я стоял на пороге дома, когда подошел военный с орденскими планками на груди, на плечах погоны со звездочкой майора. Я сразу понял, что это отец Володи. Так похожи они были друг на друга.

А вечером жильцы дома по традиции сидели в большом коридоре в тесном кругу. Взрослые, как и принято, пили вино, а мы, сорванцы, угощались мороженым — этим редким удовольствием в первые дни после войны.

А потом пели песни, и первой песней была «Минуты жизни». Только строку «Скоро придешь ко мне» заменили на «Уже пришел ко мне».

Валентин ЗАЙЦЕВ
г. Ливны, Орловская обл.

Песне этой посвятила добрые, проникновенные строки, вспоминая о своем детстве и юности, опаленных войной, народная артистка СССР Людмила Зыкина.

Вот небольшой фрагмент из ее книги «Путь к песне»:

«Когда удавалось скопить немного денег, я отправлялась в кинотеатр «Ударник». В основном туда ходили не для того, чтобы посмотреть новый фильм, а «на джаз», «на певцов». Фактически в малом зале «Ударника» давали эстрадное представление. Его звездой, украшением программы была Капитолина Лазаренко». В ее исполнении Людмила Георгиевна и услышала впервые «Минуты жизни», и песня сразу и навсегда покорила ее.

Мне думается, не было в ту пору такого кинотеатра, такой концертной площадки и сцены, где бы ее не пели. Вот и попытайтесь представить себе, чем была она для миллионов любящих и влюбленных сердец, разлученных войной и мечтающих о встрече после долгой военной разлуки.

Музыку этой песни написал на стихи Павла Германа композитор Борис Иванович Фомин. Широкую популярность в 20-е и 30-е годы принесли ему романсы и песни: «Дорогой длинною» (слова К. Подревского), «Только раз бывают в жизни встречи», «Часы пока идут» и «Саша» (слова П. Германа), «Родная сторона» (слова Г. Гридова) и другие, переживающие, к слову сказать, в наши дни свою вторую молодость на эстраде и в песенном бытовании.

«Минуты жизни» — одна из последних песен его военного цикла, посвященная женской верности, надежде на обязательную встречу с любимым после Победы.

Юрий БИРЮКОВ

Перелетные птицы

Слова А. Фатьянова

Музыка В. Соловьева-Седого

*Мы, друзья, перелетные птицы,
Только быт наш одним нехорош:
На земле не успеешь жениться,
А на небе жены не найдешь!*

Припев:

*Потому, потому,
 что мы пилоты,
Небо наш... небо
 наш родимый дом.
Первым делом, первым
 делом самолеты.
«Ну, а девушки?» -
 «А девушки потом».*

*Нежный образ в мечтах ты голубишь,
Хочешь сердце навеки отдать;
Нынче встретишь, увидишь, полюбишь,
А на завтра приказ — улетать.*

Припев.

*Чтоб с тоскою в пути не встречаться,
Вспоминая про ласковый взгляд,
Мы решили, друзья, не влюбляться
Даже в самых красивых девчат.*

Припев.

Из пионерлагеря — в детдом

Эдуард ХИЛЬ, народный артист России:

— Наша детдомовская самодеятельность выступала в госпиталиях, — вспоминает он. — Дети семи-восьми лет, мы каждый день слушали радио. Как там Москва? Что делается на фронте? Никто нас не агитировал в детдоме. Господи, какими мы все были тогда сплоченными! Только и жили верой в победу.

Я родился в Смоленске. Помню деда и прадеда — они коренные смоляне. К слову говоря, деду, офицеру, в 1901 году за отличную стрельбу Николай II вручил именные часы. В 30-е годы по этому царскому подарку он сверял время до освобождения на Беломорканале. А детдом — это типичная военная история: спасая детвору от немцев, эвакуировали весь пионерский лагерь... Нашел меня в Башкирии, в городе Раевский, отчим. В сорок четвертом.

Тогда же мы вернулись в Смоленск. В городе оставался один собор, все остальное — развалины. И ведь восстановили...

Валентин ЛЕБЕДЕВ, летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза:

Дети войны и Победы — это сказано о нашем поколении. Любимые песни отцов-фронтовиков становились и нашими любимыми песнями. Мы подпевали, когда они пели про огонь, который бьется в тесной печурке, про небо — родной дом пилотов... Я мечтал быть летчиком и с тех пор эта песня — одна из самых дорогих для меня.

Песня артиллеристов

Слова В. Гусева

Музыка Т. Хренникова

*Горит в сердцах у нас любовь к земле родимой.
Идем мы в смертный бой за честь родной
страны.*

*Пылают города, охваченные дымом,
Гремит в седых лесах суровый бог войны.*

Припев:

*Артиллеристы, Сталин дал приказ,
Артиллеристы, зовет Отчизна нас.
Из тысяч грозных батарей
За слезы наших матерей,
За нашу Родину — огонь! Огонь!*

*Узнай, родная мать, узнай, жена-подруга,
Узнай, далекий дом и вся моя семья,
Что бьет и жжет врага стальная наша вьюга.
Что волю мы несем в родимые края.*

Припев.

*Пробьет победы час, придет конец похода,
Но прежде чем уйти к домам своим родным,
В честь нашего вождя, в честь нашего народа
Мы радостный салют в полночный час дадим.*

Припев.

Артиллеристы, Сталин дал приказ

По дороге в школу с приятелем-одноклассником мы обязательно сворачивали к мосту через Кальмиус. Там, у самого берега, стоял подбитый немецкий танк. Сюда мы убегали с контрольных и играли в свою войну.

Артиллеристы, Сталин дал приказ...

Донецк (тогда Сталино) освободили 8 сентября 1943 года. «Песня артиллеристов» пришла к нам с фильмом «В шесть часов вечера после войны». Он вышел на экраны Союза осенью 1944 года. Значит, тот танк ждал своей очереди на переплавку и в сорок четвертом, и год-два позже, когда хор 9-й мужской школы надрывал глотки: *Артиллеристы, зовет Отчизна нас...*

Прошли годы. И вдруг в один прекрасный день я услышал в любимой с детства песне другие слова: *Артиллеристы, точный дан приказ...*

Это было время расчета с прошлым, конечно же, нужного, но торопливого и неумного. Одним махом сменяли названия городов, рушили памятники и переписывали песни. Казалось, минувшие с тех пор десятилетия нас кое-чему научили. По крайней мере, думал, что сейчас-то песни не переписывают. Увы, ошибся.

Совсем недавно слушаю в одной из телепередач песню «Москва майская».

Утро красит нежным светом

Стены древнего Кремля.

Просыпается с рассветом

Вся российская земля.

Но ведь у Лебедева-Кумача, автора этой песни, сказано: советская! Опять из песни выкинули слово.

Фронтовики, артиллеристы особенно, не приняли переделку. Они пели так, как привыкли со своей огневой юности. Хорошо рассказал об этом адыгейский композитор, народный артист РСФСР и Адыгеи, ветеран Великой Отечественной войны Умар Тхабисимов. Он всю войну прошел со своим оружием:

— Моей любимой остается «Песня артиллеристов» Т. Хрен-

никова на слова В. Гусева. Грозной поступью звучит эта замечательная мелодия, в особенности впечатляет чеканный ритм припева. Эта песня, как никакая другая, перекликалась с чувствами бойцов, рвавшихся в бой, к победе, дыхание которой уже ясно ощущалось. Мы верили в победу, даже в 1941 году на подступах к Ленинграду, под Можайском, Великими Луками, Валдаем. Везде, где мне и моим товарищам довелось воевать. Победу, так же, как и новые виды пушек и танков, приближали песни-шедевры. Ведь мало иметь современную технику, нужно, чтобы этой техникой управляли солдаты с высоким боевым духом.

Вспоминая о фронтовых дорогах, талантливый композитор написал ряд трогательных песен. Одну из них он посвятил своей «второй матери, капитану медицинской службы Зинаиде Семеновне Гордиевской». Фронтовой доктор сотворила невозможное: сделав сложнейшую операцию, вернула израненному солдату жизнь.

Виктор АНДРИЯНОВ

«Песней артиллеристов» открывался фильм «В шесть часов вечера после войны». Она стала как бы своеобразной его музыкально-песенной увертюрой. Между прочим, задумывался этот музыкальный фильм режиссером Иваном Пырьевым, сценаристом и автором песенных текстов Виктором Гусевым задолго до того, как над Москвой прогремели первые победные салюты. Поначалу и название было у него другое — «Дочь Москвы». Но по мере приближения победы пришло и новое название картины.

В музыку фильма композитор вложил накопленный им в годы войны песенный опыт, разнообразие военных впечатлений. Оттого, вероятно, так быстро была подхвачена повсеместно грозная «Песня артиллеристов», ставшая любимой не только у тех, про кого в ней пелось. Песня эта звала в бой, дышала верой в неизбежную, близкую нашу победу, звала на последнюю и решительную битву с ненавистным врагом.

Юрий БИРЮКОВ

Песня о фонарике

Слова М. Светлова

Музыка Д. Шостаковича

*Над родной Москвою,
вдоль Москвы-реки
Самолеты вражеские шли.
И тогда карманные фонарики
На ночном дежурстве мы зажгли.*

*Припев:
Бессменный часовой,
Все ночи до зари,
Мой старый друг,
Фонарик мой,
Гори, гори, гори!*

*Помним время сумрака туманного,
Тех ночей мы помним каждый час.
Узкий луч фонарика карманного
В ночи те ни разу не погас.*

Припев.

*Над родной притихшею столицей
Он светил на каждом чердаке.
Пусть сегодня снова загорится он,
Как бывало, в девичьей руке.*

Припев.

Тот «фонарик» зажег Шостакович...

«Песня о фонарике» была написана Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем в годы Великой Отечественной войны для одной из программ ансамбля песни и пляски НКВД. Программа называлась «Отчизна». В ее создании участвовало целое созвездие замечательных мастеров отечественного искусства. Главным режиссером всех постановок ансамбля военных лет был С. Юткевич. Хоровой группой руководил А. Свешников, танцевальной — А. Мессерер и К. Голейзовский, оркестром — З. Дунаевский и Ю. Силантьев.

Это были не традиционные концерты, а театрализованные представления со сквозным сюжетом, который объединял все вокальные, музыкальные, танцевальные и прочие номера.

Вот, к примеру, как была поставлена «Песня о фонарике».

Гас свет, и зрительный зал погружался в темноту. После небольшой паузы на сцене загорался одиноко мерцающий огонек карманного фонарика, за ним другой, третий, четвертый... их узкие лучи перекрещивались и как бы затевали веселую игру, высвечивали попеременно лица исполнителей, переплетаясь в причудливые узоры. А затем как бы издалека начинала звучать песня в проникновенном исполнении Ивана Шмелева.

Песня заканчивалась, и на последнем ее аккорде вспыхивал свет в зрительном зале.

«Песня о фонарике» нашла путь к сердцам зрителей не только благодаря прекрасной музыке и словам, но также и потому, что в те далекие и тревожные военные ночи карманный фонарик был действительно верным другом и бессменным часовым, служил верой и правдой тысячам людей, всем, кому довелось пробираться ощупью затемненными улицами городов и сел, дежурить на крышах домов во время воздушных тревог. И в этом отношении он стал своеобразным символом времени.

Песню эту полюбили и запомнили не только в Москве, в особенности после того, как ее спел по радио и записал на пластинку другой замечательный певец — Владимир Бунчиков.

Юрий БИРЮКОВ

Про «катюшу»

Слова М. Исаковского

Музыка В. Захарова

*И на море, и на суше,
Эх, по дорогам фронтовым,
Эх, ходит русская «катюша»,
Ходит шагом, скажем, боевым.*

Припев:

Ха, ха, ха, ха, ха!

Ха, ха, ха, ха!

*Эх, ходит грозная «катюша»
Ходит шагом, скажем, боевым.*

Ха, ха, ха, ха, ха!

Ха, ха, ха, ха!

*Подчистую фрицев косит,
Эх, подчистую гадов бьет,
Эх, и фамилии не спросит,
И поплакать, скажем, не дает!*

Припев.

*Налетит «катюша» вихрем,
Эх, чем ее остановить?
Эх, и задумал Гитлер «тигров»
На «катюшу», скажем, натравить.*

Припев.

*Но такие им гостинцы,
Эх, приготовила она,
Эх, что осталось от зверинца
Только, скажем, химия одна.*

Припев.

*Говорят — и после смерти,
Эх, слышат фрицы грозный шквал.
Эх, и что даже на том свете
Лезут, скажем, прятаться в подвал.*

Припев.

«Катюша» на дорогах фронтовых

В книге Михаила Васильевича Исаковского «О поэтах, о стихах, о песнях» есть одна интересная подробность, связанная с историей рождения песни «Про «катюшу».

— В канун нового, 1944 года, — пишет Исаковский, — ко мне в Москву приехали посланцы генерала А. И. Нестеренко, командовавшего крупной гвардейской воинской частью, вооруженной «катюшами».

Генерал Нестеренко просил меня, поскольку новое оружие Красной Армии названо по имени моей песни «Катюша», то, мол, хорошо было бы, если бы я написал новую песню уже о другой «катюше».

Я выполнил просьбу генерала. Уже в начале января была готова песня «Про «катюшу»...

Музыку новой «Катюши» написал В. Г. Захаров. И очень скоро новая «Катюша», исполняемая хором имени Пятницкого, зазвучала по всей стране.

Запись песни в исполнении нашего хора часто звучала после объявления приказов Верховного Главнокомандующего. Прозвучала она и в Георгиевском зале Кремля на концерте в честь участников парада Победы в июне 1945 года.

Юрий БИРЮКОВ

Пора в путь-дорогу

Слова С. Фогельсона

Музыка В. Соловьева-Седого

*Дождливым вечером,
вечером,
вечером,
Когда пилотам,
скажем прямо,
делать нечего,
Мы приземлимся за столом,
Поговорим о том, о сем
И нашу песенку любимую
споем.*

Припев:

*Пора в путь-дорогу,
Дорогу дальнюю,
дальнюю, дальнюю
идем.*

*Над милым порогом
Качну серебряным тебе
крылом.*

*Пусть судьба забросит
нас далеко,
пускай!*

*Ты к сердцу только
никого
не допускай.*

*Следить буду строго,
Мне сверху видно все,
ты так и знай.*

*Нам нынче весело,
весело,*

*весело.
Чего ж ты, милая,
курносый нос
повесила!
Мы выпьем раз и выпьем два
За наши славные У-2,
Но так, чтоб завтра
не болела
голова.*

Припев.

*Мы парни brave,
brave,
brave,
Но чтоб не сглазили
подруги нас кудрявые,
Мы перед вылетом еще
Их поцелуем горячо
И трижды плюнем
через левое
плечо.*

Припев.

Мы парни brave, brave, brave

Это, пожалуй, первая песенная удача Соломона Фогельсона — автора сорока восьми песен, написанных им в содружестве с композитором Василием Соловьевым-Седым.

Как справедливо подметила биограф композитора, музыковед Софья Хентова, Фогельсон, «сотрудничавший с ним тридцать лет, привлекал его поразительной способностью к метким подтекстовкам, скромной готовностью вникать в композиторскую идею, подчиняя ей слово, следуя за капризными изгибами музыкальной фантазии».

Так было и во время работы над песнями к фильму «Небесный тихоход». Снимался он в 1946 году на киностудии «Ленфильм» режиссером С. Тимошенко, в активе которого были уже такие фильмы, снятые в довоенные годы, как «Три товарища» и «Вратарь», музыка и песни к которым были написаны И. О. Дунаевским. И тот очень рассчитывал, что песни из этой новой его картины тоже подхватит и запоеет народ, как когда-то «Каховку» и «Эй, вратарь, готовься к бою!».

Соловьев-Седой постарался, как говорят, не ударить в грязь лицом. Вначале с А. Фатьяновым им была написана песня «Мы, друзья, перелетные птицы», ставшая своеобразной песенной увертюрой картины. Прозвучала она в исполнении трех друзей-летчиков, «убежденных холостяков», роли которых прекрасно сыграли, а песню спели Николай Крючков, Василий Меркурьев и Захар Нешипленко. А затем это же трио киноактеров прекрасно исполнило песню про «бравых парней» на слова С. Фогельсона «Пора в путь дорогу». Спели они и так обыграли ее, что вот уже шесть десятилетий обе эти песни поются, живут и не старятся.

Юрии БИРЮКОВ

Людмила КАСАТКИНА, народная артистка СССР:

— Мне кажется, что ветеранов Великой Отечественной у нас не ценят так, как должны были бы ценить. Мне кажется, вина следующих поколений перед ветеранами очень большая. Мы забываем, что пережили они. И те письма, и стихи, которые были тогда, выше и лучше их не существует. Разве не прекрасны «Журавли» Расула Гамзатова или «Землянка» Алексея Суркова, те песни, которые много лет пели? И когда их поют сейчас, я очень волнуюсь.

Партизанская борода

Слова М. Лапирова

Музыка Л. Бакалова

*То разведка, то засада,
Стричься, бриться мне когда?
Неизбежная досада —
Партизану борода!
Борода ль моя, борода,
До чего ты отросла!
Говорили раньше — щетка,
Говорят теперь — метла.*

Припев:

*Парень я молодой,
А хожу-то с бородой.
Я не беспокоюсь,
Пусть растет до пояса.
Вот когда окончим битву,
Сразу примемся за бритву.
Будем стричься, наряжаться,
С милой целоваться.*

*По врагу стреляю метко,
И зовут меня в строю
То ли «детка», то ли «дедка»
За бородку за мою.
Но повсюду боевому
Бородатому стрелку
И привет, как молодому,
И почет, как старику.*

Припев.

*Мне не горе, не кручина,
Что в отряде говорят:
«Вот так чертушка-детина,
Молодой, а бородат!»
Лишь одна меня печалит
Невеликая беда:
Партизанские медали
Закрывает борода.*

Припев.

Они были похожи на парня из песни

Не так уж много было создано в годы Великой Отечественной войны по-настоящему зажигательных и веселых шуточных песен. По праву следует включить в эту обойму лучших шуточных песен времен Великой Отечественной войны и «Партизанскую бороду» композитора Леонида Бакалова на слова Макса Лапирова.

Автор ее стихов не был профессиональным поэтом, а работал авиаинженером на одном из московских предприятий.

Своим широким распространением и популярностью в народе песня эта во многом обязана самому первому и, прямо скажем, непревзойденному ее исполнителю — народному артисту СССР Л. О. Утесову.

Содержание и строки песни нередко обыгрывались в эпиграммах, к примеру, на одного из партизанских вожakov, генерал-майора, Героя Советского Союза писателя Петра Петровича Вершигору.

*Парень я молодой,
А хожу с бородой,
С бородой да с повестью
«Люди с чистой совестью»...*

Напомним: «Люди с чистой совестью» — популярная книга П. П. Вершигоры, написанная после войны в 1946 году.

Многим, по всей вероятности, запомнился эпизод из ки-

нофильма «Выбор цели», посвященного жизни и научному подвигу выдающегося советского ученого-атомника Игоря Васильевича Курчатова. Сценарист фильма писатель Даниил Гранин и его постановщик Игорь Таланкин не преминули также «обыграть» через эту песню наличие бороды у героя своей картины. Конечно же, весело и по-доброму. В частности, его друзья и соратники по работе поют сочиненные в честь своего шефа куплеты:

*Академик я молодой,
А хожу все с бородой.
Я не беспокоюсь,
Пусть растет до пояса.
Вот как только бомбу сладим,
Буду бриться, как все дяди,
Бриться, бриться, умываться.
Атомными электростанциями в мирных целях заниматься...*

Вспоминаю, с какой гордостью говорил мне об этом эпизоде в картине автор «Партизанской бороды» Леонид Бакалов, не сомневавшийся в том, что его песня нравилась самому Курчатову.

Ну а что касается героев песни — партизан, то они и сегодня, спустя годы, неизменно затягивают ее, наряду с другими славными партизанскими песнями, на своих традиционных встречах, вспоминая былые бои и походы, друзей своих и товарищей, не вернувшихся с той войны и оставшихся в их воспоминаниях вечно молодыми.

Юрий БИРЮКОВ

На полянке

Слова Ю. Цейтлина

Музыка А. Гarrisа

***На полянке возле школы
Встали танки на привал.
И гармошки зов веселый
Всю деревню вмиг собрал.
От полудня до заката
Заливался гармонист.
Разрумянились девчата:
«Хорошо так играет танкист!»***

***А потом гармонь в сторонку
Парень с шумом отложил
И с курносенькой девчонкой
Он, шутя, заговорил:
«Подари мне на прощанье
Взгляд твоих чудесных глаз.
Предстоит нам расставанье —
Мы на запад уходим сейчас.***

***А когда покончим с немцем,
Буду я с войны идти,
И меня потянет сердце
Вновь по этому пути.
Как услышишь ты гармошку, —
Это значит — я иду,
Только выглянешь в окошко,
И тебя я с собою возьму...»***

***Уж давно умчались танки,
Но такое не забыть.
И с тех пор на ту полянку
Ходит девушка грустить.
Часто там она встречает
Утра розовый рассвет,
Речь танкиста вспоминает:
Может, шутит, а может быть, нет.***

Хорошо так играет танкист

— У меня любимая песня «Темная ночь» Богословского, — рассказывает кинорежиссер Петр Тодоровский. — Я услышал ее впервые в Саратовском военно-пехотном училище в конце 1943 года, где проходил краткосрочные лейтенантские курсы.

Я долго пытался выяснить, чья это песня. Однажды на праздничном концерте в честь 9 Мая, после премьеры фильма Гарика Сукачева, где мы с ним пели военные песни, я напел два куплета из этой старой песни и сказал, что больше ничего из нее не помню. А после этого незнакомая женщина прислала мне полный текст этой песни, не указав авторов.

Послевоенная история вообще полна необыкновенных событий. Мой старший брат в 1940 году сразу после 10-го класса ушел служить на границу.

После 22 июня 1941 года мы перестали получать от него какие-либо известия. И тогда, и после войны обращались во все инстанции, но сведений о нем не было.

В списках погибших и пропавших без вести он не значился.

А в конце 2003 года раздался звонок. Молодой голос сказал: «Меня зовут Владимир, я руководитель поисковой группы. Мы откопали ров в Новгородской области, под деревней Волосье.

Среди останков 90 погибших солдат я нашел орден, по которому в архиве Министерства обороны в Подольске наткнулся на фамилию — Тодоровский Илья Ефимович, не ваш ли это брат?» Да, говорю, это он.

Мать, отец, сестра умерли, так ничего и не узнав о брате, мне повезло больше. Конечно, я тут же с этим Володей поехал в Подольск, там в архиве нашел документы за 21 января 1942 года и длинный список погибших, отпечатанный на машинке. А к нему еще была приписка от руки на 19 фамилий, последним в которой значился мой брат.

Ничто не забыто и никто не забыт — не пустые слова. Замечательные молодые ребята по местам боев ищут солдатские могилы и спустя десятилетия воздают почести павшим.

Нелли ПРОТОРСКАЯ

В Государственном архиве звукозаписей СССР мне удалось отыскать грампластинку с записью песни «На полянке» в исполнении Георгия Виноградова и джаз-оркестра Белоруссии под управлением Эдди Рознера. Там значилась и фамилия автора слов — Ю. Цейтлин. Его-то и попросил я рассказать обо всем, что связано с песней «На полянке».

— В середине лета 1944 года, — рассказал Юрий Владимирович, — джаз-оркестр Белоруссии, в котором я участвовал, пригласили в Москву. Предстояло записать на пластинки несколько песен из репертуара нашего коллектива. К сожалению, во время пробной записи выяснилось, что голоса солистов-певцов плохо звучат — выявились дефекты в дикции.

Выручил нас Георгий Павлович Виноградов, неповторимый интерпретатор советской песни.

Не успела отзвучать запись, как в студию вбежали вахтеры с сообщением: «Пленных гитлеровцев по Москве ведут!» Да, это было вскоре после победного завершения Белорусской операции. Так что для меня тот день — 17 июля 1944 года — памятен вдвойне.

А кому же принадлежит музыка? Пластинка об этом умалчивала. Может быть, потому, что Альберт Гаррис, сочинивший мелодию к словам Ю. Цейтлина, к моменту выхода пластинки в джаз-оркестре не играл, а через Иран уехал, кажется, в Англию.

Юрий БИРЮКОВ

Жил в Ростове Витя Черевичкин

Слова и музыка народные

*Жил в Ростове Витя Черевичкин,
В школе он отлично успевал.
И в свободный час он, как обычно,
Голубей любимых выпускал.*

Припев:

*Голуби, мои вы милые,
Улетайте в облачную высь.
Голуби, вы, сизокрылые,
В небо голубое унеслись.*

*Но однажды мимо дома Вити
Шел отряд захватчиков-зверей.
Офицер вдруг крикнул: «Отберите
У мальчишки этих голубей!»*

Припев.

*Долго Витя им сопротивлялся
И зверей-фашистов проклинал.
На полслове голос оборвался,
И убит был Витя наповал.*

Припев.

*Но недолго эти дни тянулись.
И, разбив фашистских черных псов,
Боевые соколы вернулись,
Навсегда свободным стал Ростов.*

Припев.

Голуби, мои вы милые

Витя Черевичкин погиб в Ростове от рук фашистов во время первой оккупации города в 1941 году.

О нем рассказывает изданная в области хрестоматия для школьников младшего возраста. Широко известна проникновенная песня «Жил в Ростове Витя Черевичкин». Поэт Михаил Матусовский и композитор Исаак Дунаевский написали «Балладу о Вите Черевичкине».

Ростовский журналист и краевед, к сожалению, ныне покойный, Аркадий Агафонов издал документальную повесть о Черевичкине.

— Витя Черевичкин отлично учился в ремесленном училище, — рассказывал мне Агафонов, — мечтал стать авиаконструктором. В начале войны в ремесленном его приняли в комсомол. Свой комсомольский билет, когда немцы оккупировали Ростов, он зашил под подкладку телогрейки.

Дальше легенда и быль тесно переплетаются. По одним рассказам, Черевичкин и его друзья были связаны с партизанами. С почтовыми голубями (он был заядлый голубятник) подросток отправлял свои донесения. По другим рассказам, Витя вместе с друзьями-однокашниками Аликом Арнаутским и Эдиком Мелконяном вредил врагу. Ребята прокалывали шины немецких грузовиков, подобранные в местах боев оружие отдавали раненым красноармейцам, которые переправлялись за Дон. Арнаутского и Мелконяна немцы задержали с оружием в руках и расстреляли.

Наряду со многими другими фактами зверств оккупантов о расстреле 15-летнего Вити Черевичкина (так в документе) говорится в ноте наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова от 6 января 1942 г.:

«Немцы взяли его и на углу 28 линии и 2-й Майской улицы расстреляли, гитлеровцы изуродовали до неузнаваемости лицо мальчика ударами каблуков».

Рядом лежали с оторванными головками белые Витины голуби. Когда Ростов освободили, Витю Черевичкина похоронили вместе с погибшими в бою за город красноармейцами.

Хачик ХУТЛУБЯН

Ничего не говорила

Слова А. Фатьянова

Музыка В. Соловьева-Седого

***Ничего не говорила,
Только рядом до речки прошла,
Посмотрела, как будто рублем подарила,
Посмотрела, как будто огнем обожгла.***

***Расставаясь, оглянулась,
На прощанье махнула рукой
И такую улыбкою нам улыбнулась,
Что вовек не забыть нам улыбки такой.***

***Даль сегодня прояснилась,
Ночь хорошие звезды зажгла.
Первой роте ты ночью сегодня приснилась,
А четвертая рота заснуть не могла.***

...А на самом деле так много сказала

«В большинстве случаев сюжеты песен не выдуманы мною, а увидены в самой жизни, — рассказывал о своем песенном творчестве Алексей Фатьянов в одной из радиопередач. — Помню, как по пустынной улице большого села проходили строем солдаты. А рядом шла девушка и внимательно вглядывалась в лица бойцов: может, искала кого из знакомых...

Люди подтянулись, повеселели. Может, вспомнили о своих далеких любимых.

Это послужило темой для песни «Ничего не говорила...»

Стихи эти Фатьянов привез с фронта в конце 1944 года и тогда же вместе со стихотворением «Пришла и к нам на фронт весна» вручил их композитору Василию Павловичу Соловьеву-Седому. За музыкой дело не стало. Обе песни были представлены на конкурс, проводившийся Союзом композиторов СССР, и оказались в числе премированных.

С успехом исполнял эту песню и записал на пластинку замечательный советский певец Владимир Нечаев.

Впервые издана Музфондом в 1944 году.

Юрий БИРЮКОВ

Владимир КОЗЛОВ,

Герой Советского Союза, председатель Краснодарской краевой ассоциации Героев СССР, РФ и полных кавалеров орденов Славы:

— Любимых песен времен войны у меня много, необычайной душевностью пронизано большинство из них. Но все же самой дорогой осталась в памяти «Землянка». Казалось бы, какое отношение к ней имею я, боевой летчик? А так сложилось, что наш летный полк базировался в Карелии (я воевал на Карельском и Белорусском фронтах), рядом с аэродромом мы и обустраивали землянки, в которых жили. Сказать, чтоб много песен было в нашей жизни в те времена — так не скажешь. Это когда приедет концертная бригада...

Смуглянка

Слова Я. Шведова

Музыка А. Новикова

*Как-то летом на рассвете
Заглянул в соседний сад,
Там смуглянка-молдаванка
Собирает виноград.
Я краснею, я бледнею,
Захотелось вдруг сказать:
«Станем над рекою
Зорьки летние встречать!»*

Припев:

*Раскудрявый клен зеленый, лист резной,
Я влюбленный и смущенный пред тобой.
Клен зеленый, да клен кудрявый,
Да раскудрявый, резной!*

*А смуглянка-молдаванка
Отвечала парню в лад:
«Партизанский молдаванский
Собираем мы отряд.
Нынче рано партизаны
Дом покинули родной.
Ждет меня дорога
К партизанам в лес густой».*

Припев.

*И смуглянка-молдаванка
По тропинке в лес ушла.
В том обиду я увидел,
Что с собой не позвала.
О смуглянке-молдаванке
Часто думал по ночам.
Вдруг свою смуглянку
Я в отряде повстречал.*

Припев.

Любимая песня молодых «стариков»

Песня была частью сюиты, написанной композитором А. Новиковым и поэтом Я. Шведовым в 1940 году по заказу ансамбля Киевского Особого военного округа. В ней воспевалась девушка-партизанка времен Гражданской войны. А вся сюита посвящалась Г. И. Котовскому. Однако песня в довоенные годы так и не исполнялась. Клавир ее был потерян. У авторов остались только черновики. Композитор вспомнил об этой песне четыре года спустя, когда ему позвонил художественный руководитель Краснознаменного ансамбля А. В. Александров и попросил показать песни для новой программы этого прославленного художественного коллектива. В числе других Новиков показал и «Смуглянку», которую прихватил на всякий случай. Но именно она и понравилась Александрову, который тут же начал ее разучивать с хором и солистами.

Впервые ансамбль спел песню в Концертном зале имени Чайковского в 1944 году. Запевал ее солист Краснознаменного ансамбля Николай Устинов, которому песня эта в значительной степени обязана своим успехом. Концерт транслировался по радио. «Смуглянку» слышало, таким образом, очень много людей. Ее подхватили в тылу и на фронте. Песня, в которой говорилось о событиях войны Гражданской, была воспринята как песня о тех, кто героически боролся за освобождение многострадальной молдавской земли в войну Отечественную. Вспомним также, как прекрасно вписалась «Смуглянка» в фильм «В бой идут одни старики».

Юрий БИРЮКОВ

Море шумит

Слова и музыка Б. Мокроусова

***Море шумит
Грозной волной.
Чайка летит рядом со мной.
Что ж вы, друзья, приуныли,
Песни морские забыли?
Я вам песню спою,
Песню старенькую.
Нам ее пели у колыбели:
«Баюшки-баю».***

***С ней мы росли
В доме родном
И унесли в сердце своем.
С нами живет она в море,
Недругам нашим на горе.
И в горячем бою мы за землю свою
Недругов с ходу топим под воду:
«Баюшки-бою».***

***В небе моем
Звездочки нет,
В песне моей вырван куплет,
Где на последней странице
И о любви говорится...
Лучше в мирном краю
Кончим песню свою.
Сколько сумели, столько и спели:
«Баюшки-баю».***

Сколько сумели, столько и спели

В 1943 году композитор Борис Мокроусов был командирован Политуправлением ВМФ в блокадный Ленинград, где работал над музыкой к пьесе Всеволода Вишневского «У стен Ленинграда» для театра Краснознаменного Балтийского флота. К этому спектаклю им было написано несколько песен на собственные слова, в том числе «Баюшки-баю» — таково первоначальное название песни «Море шумит».

В 1945 году песня была опубликована Музфондом с указанием на то, что слова ее принадлежат В.Балашову, хотя последний лишь переработал второй куплет песни. Шесть лет спустя, в очередной публикации вместо третьего куплета, принадлежавшего Мокроусову, появился другой, сочиненный неким В.Карповым, фамилия которого (наряду с В.Балашовым) стала приводиться в упомянутом и во всех последующих изданиях, хотя их вмешательство в песню ее отнюдь не улучшило.

Во втором томе посмертного издания произведений композитора Б.Мокроусова песня «Море шумит» опубликована в том виде, в каком была им написана в 1944 году, т.е. с указанием его авторства в словах и музыке. Так же поступаем и мы.

Юрий БИРЮКОВ

Алексей МИТРОФАНОВ, депутат Государственной Думы:

— Песни военной поры со мною с детства. «Эх, дороги!», например. Родители пели известные песни: «Синий платочек», «В землянке»... Мать прекрасно играла на аккордеоне. Она учила в свое время русскому языку в МАИ, а потом в Институте инженеров железнодорожного транспорта китайцев и других иностранцев.

И в моей семье песни войны слушают все с удовольствием, но сами не поют. Мой сын из поколения «пепси»: привержен «караоке», слушает лазерные диски, скачивает музыку из Интернета. Но в том, что современная молодежь любит петь по «караоке», я вижу возвращение к прежней культуре, но на новой технологической основе.

Война и в нашей семье оставила неизгладимый след. Мамина брат, мой дядя, погиб совсем молодым на войне под Новороссийском. Один мой дед воевал и остался жив. Пик его военной карьеры — адъютант командующего фронтом. Кажется, Говорова. Дед по другой линии эвакуировал с Украины, а потом руководил в тылу крупнейшими предприятиями. А позже их же и восстанавливал. В том числе Сталинградский тракторный завод.

Мама моя выехала с Украины в эвакуацию, а дед оставался там разбирать свой завод, и вдруг неожиданно, как в кино, они встретились на дальней сибирской станции, хотя они ничего друг о друге не знали! Один эшелон шел с оборудованием, другой с эвакуированными, и вот дочь и отец встретились. Уникальный случай, но в жизни так бывает.

Владимир МУССАЛИТИН, главный редактор журнала «Форум», секретарь Правления Союза писателей России:

— Каждый раз по приезде на родину, когда сажусь за обеденный стол, сестра ставит передо мной белую фаянсовую чашку. Она основательна, красива и особенно дорога. Эту чашку подарила мама. 9 мая 1964 года. Несмотря на праздник, мы вовсю готовимся к очередной весенней сессии, а мама в это время со своими коллегами, такими же учителями из школ Орловской области, впервые приезжает в Москву. Посмотреть на красавицу-столицу.

В тот майский день мама и подарила мне эту чашку, украшенную украинским орнаментом, с двумя датами по бокам 1814—1964 и словами, звучащими как завещание, как заповедь: «Наша дума, наша пісня не вмре, не загине...» Мама была из славного рода Поддубных, где смешалась русская и украинская кровь, и в минуты особого расположения духа тихо напевала украинские песни. Песни своей молодости, которая, как и у многих людей ее поколения, была закорочена войной... От мамы я услышал «Катюшу», «Темную ночь»... Она знала слова этой песни еще до выхода фильма «Два бойца». Как рассказывала мама, наброски показывал ей в Новосиле поэт Агатов.

Под звездами балканскими

Слова М. Исаковского

Музыка М. Блантера

*Где ж вы, где ж вы, где ж вы, очи карие,
Где ж ты, мой родимый край?
Впереди — страна Болгария,
Позади — река Дунай.*

*Много верст в походах пройдено
По земле и по воде,
Но Советской нашей Родины
Не забыли мы нигде.*

*И под звездами балканскими
Вспоминаем неспроста
Ярославские, рязанские
Да смоленские места.*

*Вспоминаем очи карие,
Тихий говор, звонкий смех...
Хороша страна Болгария,
А Россия — лучше всех!*

Подружились на всю жизнь

Тамара ГОРГИЕВА, пенсионерка:

— Люблю песню «Под звездами балканскими», которую написали М. Исаковский и М. Блантер. И вот почему.

Эта песня подарила мне... мужа. И замечательного мужа! А было так. Я еще в пединституте пела в студенческом хоре. На 9 Мая мы выступали в Обществе советско-болгарской дружбы перед выпускниками московских вузов, уезжавших в братскую Болгарию. И пели эту песню. Потом были танцы. На первый же вальс меня пригласил красивый стройный брюнет. Познакомились. «Васил, — представился парень. — Или просто Вася». Васил заканчивал Первый медицинский институт. Готовился стать хирургом. Мы подружились. Дружба переросла в любовь. И тому уже полвека. У нас с Васильком трое детей и семеро внуков. Когда собираемся за большим семейным столом, обязательно поем «Под звездами балканскими».

Москва

Валерий СЕРДЮКОВ, губернатор Ленинградской области:

— Мне не довелось испытать ужасов войны в той же мере, как родителям, многим родственникам: я родился в ноябре победного, 1945 года. Но воспоминания о Великой Отечественной на всю жизнь остались в памяти жителей небольших деревень Белоруссии, в одной из которых — Хорошевке — я жил до семнадцати лет.

Хорошевка — одна из тысяч и тысяч деревень, которую война не пощадила. Много песен здесь сложено о белорусских партизанах, про отпор врагу. Они истинно народные, очень откровенные и прочувствованные.

Когда слышу «Вставай, страна огромная!», «На безымянной высоте», другие произведения, меня всегда охватывает гордость за страну, людей, армию. На областных встречах ветеранов, слетах поисковых отрядов, активе молодежи в нашем регионе и сегодня звучат песни далеких военных лет. Они — это напоминание о героизме людей в годы войны; такие произведения воспитывают молодежь и напоминают ветеранам о годах их молодости.

У меня нет сомнения, что песни Великой Отечественной войны и Победы обязательно останутся как золотой фонд отечественной культуры. Они честные, правдивые и одновременно — возвышенные, лирические, такие произведения задевают струны души любого человека, для которого понятия — патриотизм, любовь к Родине — не пустой звук.

Дорога на Берлин

Слова Е. Долматовского

Музыка М. Фрадкина

*С боем взяли мы Орел,
Город весь прошли
И последней улицы
Название прочли.
А название такое,
Право слово, боевое:*

*Брянская улица по городу идет,
Значит, нам туда дорога,
Значит, нам туда дорога,
Брянская улица на Запад нас ведет.*

*С боем взяли город Брянск.
Город весь прошли
И последней улицы
Название прочли.
А название такое,
Право слово, боевое:*

*Киевская улица по городу идет,
Значит, нам туда дорога,
Значит, нам туда дорога,
Киевская улица на Запад нас ведет.*

*С боем Киев нами взят.
Город весь прошли
И последней улицы
Название прочли.
А название такое,
Право слово, боевое:*

*Львовская улица по городу идет,
Значит, нам туда дорога,*

*Значит, нам туда дорога,
Львовская улица на Запад нас ведет.*

*С боем город нами взят.
Город весь прошли
И последней улицы
Название прочли.
А название такое,
Право слово, боевое:*

*Берлинская улица по городу идет,
Значит, нам туда дорога,
Значит, нам туда дорога.
Берлинская улица к победе нас ведет.*

Песня по намеченной схеме

Рассказывая историю создания этой песни, поэт Евгений Долматовский писал: «Ни в коем случае не отказываясь от авторства, все же обязан признаться, что в песне «Дорога на Берлин» некоторые строки не то чтоб не мои, но моему перу не принадлежат. Варшава и Берлин вообще не были мною названы в тексте. Положа руку на сердце, скажу, что даже название песни придумано не мною.

И далее речь идет о том, как в ноябре 1943 года в освобожденном от гитлеровцев белорусском городе Гомеле Долматовским было написано немудреное стихотворение всего из нескольких строк, которое он назвал «Улицы-дороги».

«Дальше ничего не было сочинено, — пишет Долматовский, — только в намеченную схему вставлялась строка: во вторую строфу — о вступлении в Брянск, в третью — о Гомеле...

Стихи были опубликованы во фронтовой газете «Красная Армия», потом отправлены композитору Марку Фрадкину в Москву. А тот, написав к ним музыку, предложил их Леониду Утесову, в исполнении которого песня звучала с добавлением новых городов и названий их улиц, по мере их освобождения, до взятия нашими войсками Берлина.

Юрий БИРЮКОВ

Казаки в Берлине

Слова Ц. Солодаря

Музыка Дан. и Дм. Покрасс

*По берлинской мостовой
Кони шли на водопой,
Шли, потряхивая гривой,
Кони-дончаки.
Распевает верховой:
«Эх, ребята, не впервой
Нам поить коней казацких
Из чужой реки...»*

*Припев:
Казаки, казаки,
Едут, едут по Берлину
Наши казаки.*

*Он коней ведет шажком
Видит — девушка с флажком
И с косою под пилоткой
На углу стоит.
С тонким станом, как лоза,
Синевой глядят глаза.
«Не задерживай движенья!» —
Казаку кричит.*

Припев.

*Задержаться он бы рад
Но, поймав сердитый взгляд,
«Ну-ка, рысью!» — с неохотой
Крикнул на скаку.
Лихо конница прошла,
А дивчина расцвела —*

*Нежный взор не по уставу
Дарит казаку.*

Припев.

*По берлинской мостовой
Снова едет верховой —
Про дивчину, про землячку
Говорит друзьям:
«Как вернусь в родимый дом,
Как вернусь на тихий Дон —
Синеглазую казачку
Снова встречу там!»*

Припев.

Нежный взор не по уставу

Песня эта сочинена в победные майские дни весны 1945-го. Сюжет ее навеян был поэту Цезарю Солодарю впечатлениями от всего виденного им в поверженном Берлине.

Возвратившись в Москву и сдав в редакцию материалы, поэт заглянул к композитору Дмитрию Покрассу и познакомил его с набросками своего стихотворения. Оно захватило бывалого первоконника. Дмитрий Яковлевич Покрасс вместе со своим братом Даниилом (ему принадлежат аккомпанемент к звонкой, искрящейся мелодии) написали музыку, в которой так искренне и так непосредственно выражена радость Дня Победы.

Вскоре по радио в исполнении Ивана Шмелева ее услышали миллионы радиослушателей, подхватили и запели по всей стране.

Юрий БИРЮКОВ

Владимир ГРОМОВ, атаман Кубанского казачьего войска:

— По духу ближе всех мне песня «Едут, едут по Берлину наши казаки». О ней мне известна такая история.

9 мая 1945 года на одном из самых оживленных перекрестков немецкой столицы сплошными колоннами шла советская военная техника. И вдруг послышался цокот копыт: это казаки кавалерийской части, начавшей боевой путь в Подмоскovie в декабре 1941 года, гарцевали к рейхстагу. Регулировщица дала «отмашку» танкистам: «Пропустите конницу!» И техника притормозила. А молодые парни в кубанках перешли на рысь и лихо прогарцевали мимо. Эту картину наблюдал поэт и военный корреспондент Цезарь Солодарь. Он и воплотил ее в стихах, а композиторы Дмитрий и Даниил Покрасс, уже создавшие много прекрасных песен («Марш Буденного», «Три танкиста», «Конармейская», «Если завтра война»), что называется, «загорелись» темой, которая и мне близка по понятным причинам. Так могу ли я не любить «Казakov в Берлине»?

Валентин ВАРЕННИКОВ, депутат Госдумы, Герой Советского Союза, генерал армии:

— Пожалуй, самая любима песня военной поры — «Едут, едут по Берлину казаки». Кстати, ее Сталин заказал написать задолго до Победы. И, конечно, меня, всех фронтовиков, очень поддерживали строки из песни «Жди меня». Константин Симонов 2 мая 1945 года, находясь около Бранденбургских ворот, замечательно читал свои стихи, в том числе и «Жди меня». Но самой главной, я бы сказал, генеральной песней была «Вставай, страна огромная!».

Николай ТРОИЦКИЙ, участник Великой Отечественной войны:

— С комсомольской молодости люблю и при случае пою «Казаки в Берлине» Цезаря Солодаря, Дмитрия и Даниила Покрасс. Прекрасная лирическая песня, лихая, задорная, с молодецким посвистом. В ней звучат торжество победителей, радость скорого возвращения домой.

Вспоминаю, как в московском землячестве кемеровчан меня поздравили с юбилеем. Поблагодарил, привел слова из телеграммы старого товарища, бывшего собкора «Социалистической индустрии» по Новосибирску Алексея Ляхова: «80 позади, 100 — впереди. Вперед и с песней!» Сказал, что постараюсь следовать этому девизу, и вдруг, под настроение, запел «Казakov». Припев подхватили все. Песня живет в нас, это наше духовное богатство.

Ехал я из Берлина

Слова Л. Ошанина

Музыка И. Дунаевского

*Ехал я из Берлина
По дороге прямой,
На попутных машинах
Ехал с фронта домой.
Ехал мимо Варшавы,
Ехал мимо Орла —
Там, где русская слава
Все тропинки прошла.*

*Припев:
Эй, встречай,
С победой поздравляй,
Чарочку хмельную
Полнее наливай!*

*Очень дальние дали
Мы с друзьями прошли
И нигде не видали
Лучше нашей земли.
Наше солнышко краше,
И скажу, не тая:
Лучше девушек наших
Нет на свете, друзья.*

Припев.

*За весенние ночи,
За родную страну
Да за карие очи
Я ходил на войну.
Вы цветите пышнее,
Золотые края,
Ты целуй горячее,
Дорогая моя!*

Припев.

Просили: спой, сынок...

Иосиф КОБЗОН, народный артист СССР:

— Впечатления военного детства — это песни, песни самые-самые лучшие, которые я знаю в своей жизни. Они написаны сердцем, кровью, это песни военного времени. Начиная от «Священной войны» Александрова, «Ой, Днепро, Днепро, ты широк, могуч...» фрадкинской. Или, скажем, песни Богословского «Тучи над городом встали», «Темная ночь», Листова «В землянке», «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат» Соловьева-Седого... Фантастические песни.

А когда мы погнали немцев, стали петь другие песни, приближающие Победу, скажем, «Смуглянка». А грянула Победа — песня «Ехал я из Берлина» или победная «Песня фронтового шофера». Я вспоминаю, как собирались фронтовики-инвалиды, контуженные, опаленные войной, психически надломленные — кто потерял семью, кто друзей, — пили и пели, пели и пили. А я всегда хорошо пел, извините за нескромность. Поэтому меня фронтовики всегда с собой таскали по гостям, по встречам: «Сынок, давай». И вот я: «Майскими короткими ночами...» Они плакали, рыдали...

Татьяна ДОРЕНИНА, народная артистка СССР:

— Любимая миллионами и мною в дни великого противостояния под именем Великая Отечественная война была и есть песня «Вставай страна огромная!».

Я не знаю, какую другую песню можно мысленно поставить на равных с тем мощным гудением земли под солдатскими сапогами в соединении с биением солдатских сердец. И это, и еще многое чувствовалось и угадывалось в мелодии и ритме. И боль, и вера: вставай на смертный бой!

В четкости, в кажущейся простоте угадывался Божий приказ и Божий знак: «Война народная» — явление божеское. И трагизм потерь искупается победой над нечистью. И тогда это не песня — это идеологическая программа, изложенная вдохновенно, берущая тебя за сердце и организующая тебя в дни хаоса, голода и потерь.

Я не знаю произведения песенного жанра более талантливое, более угаданного во времени и более нужного для всех. Вечная слава и вечная благодарность создателям песни и тем, кто выстоял, вступив в бой страшный и, казалось бы, неравный.

Американская солдатская песня

Перевод С. Болотина и Т. Сикорской

Слова и музыка Вильяма Хильса

*Нашел я чудный кабачок, (кабачок)
Вино там стоит пятачок, (пятачок)
С бутылкой там сижу я на окне,
Не плачь, милашка, обо мне.*

Припев:

*Будь здорова, дорогая,
Я надолго уезжаю
И когда вернусь — не знаю,
А пока — прощай!
Прощай — и друга не забудь, (не забудь)
Твой друг уходит в дальний путь (в дальний путь),
К тебе я постараюсь завернуть
Как-нибудь, как-нибудь, как-нибудь!*

*Ах нет, я знаю, дорогой, (дорогой)
Что мне изменишь ты с другой (да, с другой).
И ты напрасно врешь, что ты придешь,
И зря так весело поешь.*

Припев.

*Когда солдаты пьют вино (пьют вино),
Подружки ждут их все равно (все равно),
Тебе, конечно, скучно, ну и пусть —
Быть может, я еще вернусь!*

Припев.

*Вернись, попробуй, дорогой (дорогой),
Тебя я встречу кочергой (кочергой),
Пинков таких в дорогу надаю —
Забудешь песенку свою!*

Припев.

«Тебя я встречу кочергой!»...

Перебранку бесшабашного служивого парня и его милашки везде встречали хохотом.

Когда в 1944 году нашу дивизию отвели на очередную формировку, наш 84-й гвардейский Краснознаменный полк, названный впоследствии Галацким, оказался по соседству с полевым аэродромом, с которого взлетали на боевые задания штурмовики и истребители. Мы быстро перезнакомились с летчиками. Начальник дивизионного клуба капитан В. Я. Мереровский установил деловой контакт со своим коллегой из батальона аэродромного обслуживания. Вечерами они поочередно показывали пушкарям и летчикам кинофильмы, а иногда перед ними устраивали короткие концерты.

В тот вечер к нам с самодеятельными артистами явился Мереровский. Начальник клуба, загадочно улыбаясь, заявил перед концертом, что мы сегодня услышим нечто любопытное. К нам, мол, залетела с той стороны, со Второго фронта, песенка, каких мы еще не слыхали. А тем временем перед экраном появился статный гвардеец-сержант, а рядом с ним — наш санинструктор Верочка Пуцилло, храбрая девушка, вынесшая с поля боя не один десяток раненых однополчан.

Начал песенку сержант с присвистом, по-ковбойски лихо:

Зашел я в чудный кабачок, кабачок!

Вино там стоит пятачок, пятачок!..

А дальше в песенке говорилось о расставании надолго. Сержант наказывал: «Прощай — и друга не забудь», и так это небрежно обещал:

К тебе я постараюсь завернуть как-нибудь...

И тут наша Вера дала ему такую отповедь:

Вернись, попробуй, дорогой,

Тебя я встречу кочергой.

Необычный дуэт мы, помнится, встретили оглушительным хохотом и дружными аплодисментами. Своеобразная заморская прощальная всем понравилась. Она, видно, затрагивала какие-то струнки наших душ.

Летчики тоже не остались в долгу. На следующий день их

«артисты» спели нам песенку летчиков Второго фронта, из которой в памяти остались лишь вот эти строчки:

*Мы летим, ковыляя во мгле,
Мы к родной подлетаем земле.
Вот дела! Ночь была.
Все объекты разбомбили мы дотла.
Вся команда цела,
И машина пришла
На честном слове и на одном крыле...*

Может, кто припомнит остальные? Эта песенка стоит того: она тоже воевала с фашистами.

Николай ГОНЧАРОВ,
*разведчик 84-го гвардейского Краснознаменного Галацкого
артполка.*

Первую песню, упоминаемую в этих заметках, нашел в своем архиве наш автор и консультант Юрий Бирюков. Это брошюрка с нотами на шести страничках, изданная на газетной бумаге Центральным Домом Красной Армии имени М. В. Фрунзе тиражом в 500 экземпляров в октябре 1945 года. Из этого издания мы и перепечатываем текст популярной в то время песни.

Сторонка родная

Стихи С. Михалкова

Музыка А. Островского

*С неразлучным своим автоматом
Не в одной побывал я стране.
Но везде и повсюду, ребята,
Я скучал по родной стороне.*

Припев:

*Сторонка, сторонка родная,
Ты солдатскому сердцу мила.
Эх, дорожка моя фронтовая,
Далеко ты меня завела!*

*Батальон наш стоял в Бухаресте,
Бухарест — неплохой городок.
Но, признаться вам, братицы, по чести,
Мне милее родимый Торжок.*

Припев.

*В Будапеште сражались мы долго —
Будапешт на Дунае лежит.
Как мне вспомнится матушка-Волга,
Так слеза на глаза набежит.*

Припев.

*Нас цветами встречала София,
Обнимали у каждых ворот.
Но Болгария все ж не Россия,
Хоть и братский живет в ней народ.*

Припев.

*Я сражался на улицах Вены —
В ней сады и дворцы хороши,
Только Вена, скажу откровенно,
Хороша не для русской души.*

Припев.

*День и ночь все на запад шагая,
До берлинских ворот я дошел,
Но милее родимого края
Я нигде ничего не нашел.*

Припев.

Мне милее родимый Торжок

Музыку к этим стихам Сергея Михалкова, написанным незадолго до победного завершения Великой Отечественной войны, сочинили сразу несколько композиторов, в том числе такие известные, как А. В. Александров и И. О. Дунаевский. Однако самое большое распространение получила песня Аркадия Островского, в ту пору пианиста и аранжировщика в джаз-оркестре Утесова. «Сторонка родная» — одна из первых его песенных удач. Успехом своим и популярностью в народе она в немалой степени также обязана и первому исполнителю — Леониду Утесову.

— Когда Аркадий прочитал мне это стихотворение, — говорил Леонид Осипович в одной из наших давних бесед, — я сразу понял: это именно то, что мы давно искали и чего так недоставало программе, с которой выступали в те незабываемые победные майские дни. Аркадий загорелся идеей сочинить песню. Он созвонился с Сергеем Владимировичем, и вскоре оба они нагрянули ко мне домой и дружным дуэтом попытались спеть то, что у них получилось.

А где же были опубликованы стихи?

Сергей Михалков написал их в Вене. Армейская газета поместила песню в номере за 20 апреля 1945 года.

Юрий БИРЮКОВ

Наш город

Слова А. Фатьянова

Музыка В. Соловьева-Седого

*За заставами ленинградскими
Вновь бушует соловьиная весна.
Где не спали мы в дни солдатские,
Тишина кругом, как прежде, тишина.*

*Припев:
Над Россией
Небо синее,
Небо синее над Невой.
В целом мире нет,
Нет красивее
Ленинграда моего.*

*Нам все помнится: в ночи зимние
Над Россией, над родимой страной,
Весь израненный, в снежном инее,
Гордо высился печальный город мой.*

Припев.

*Славы города, где сражались мы,
Никому ты, как винтовки, не отдашь,
Вместе с солнышком пробуждается
Наша песня, наша слава, город наш!*

Припев.

Над Россией небо синее

Весной 1945 года Алексей Фатьянов, служивший в ту пору в Ансамбле песни и пляски Балтийского флота, сочинил стихи для программы ансамбля, которую готовили к Майским праздникам. Соловьев-Седой написал к ним музыку, а ансамбль с огромным успехом исполнил эту песню в праздничных концертах. С тех пор и до сегодняшнего дня песня эта остается прекрасным и неувядающим гимном великому городу.

Впервые опубликована отдельной листовкой Музфондом Эстонской ССР в 1945 году.

Юрий БИРЮКОВ

Станислав ОЛЕХНОВИЧ, полковник Советской и Польской Армии, участник обороны Ленинграда и взятия Берлина:

— Разные песни пели, многие помню на родном латышском языке. Когда мы выступали из Риги в 41-м году, играла одна мелодия, которую я никогда не забуду. Но она была на испанском языке, и слов я не знаю. В окопах при Ленинграде пели «Темную ночь». Что касается лично меня, я с детства любил музыку и в школе играл на балалайке. А сейчас дома стоит аккордеон, который я взял в качестве трофея в Берлине, где мне тоже удалось повоевать. Теперь, когда дома собираемся с друзьями и родными, всегда играю на нем «Катюшу» и, конечно, «Волховскую застольную», уж очень нравится мне эта песня.

Во время блокады Ленинграда мне довелось охранять участок «Дороги жизни».

Немецкие самолеты часто бомбили ледяную дорогу. На месте разрыва образовывалась воронка, в которую могла попасть машина, если вовремя не сделать объезд. Во время одной из таких бомбежек произошел трагический случай, который сохранится у меня в памяти навсегда. Было темно, небольшая колонна машин отправилась на другой берег. Вдруг снаряд разорвался впереди, и первая машина попала в воронку. Когда машина медленно стала погружаться в воду, мы поняли, что двери заклинило и помочь мы уже ничем не можем. Вдруг со дна реки мы увидели свет от фар. Через некоторое время свет потух, и каждый из нас верил, что ребята подали нам последний знак как надежду и уверенность в победе.

г. Саратов

Ласточка-касаточка

Слова О. Колычева

Музыка Е. Жарковского

*Как с боями шел вперед солдат, да,
Время песне прогреметь, прогреметь!
Много песен можно спеть подряд,
А сколько петь — да всех не спеть,
да всех не спеть!*

Припев:

*Эх ты, ласточка-касатка быстrokрылая,
Ты, родимая сторонка наша милая, да!
Эх ты, ласточка-касаточка моя,
быстrokрылая!*

*Наш солдат не раз бывал в огне, да,
Шел в атаку — не робел, не робел.
Он горел на танковой броне,
Гореть горел — да не сгорел,
да не сгорел!*

Припев.

*Как держал он через речку путь, да,
Свищут пули, он нырнул, он нырнул.
Ранен был и стал в реке тонуть,
Тонуть тонул — не утонул, не утонул!*

Припев.

*А как начал бить врагов солдат, да,
Крепко бить и добивать, добивать,*

*Ох, и сколько их легло тогда,
Считать, считать — не сосчитать,
не сосчитать!*

Припев.

*Как пошел на запад наш солдат, да,
Как пошел да как нажал, как нажал,
Без оглядки враг бежал назад,
Бежать бежал — не убежал,
не убежал!*

Припев.

*Нынче зорко мы глядим вперед, да,
Рубежи свои храним, мы храним.
Будь и впредь спокоен, наш народ:
Вперед глядим — не проглядим,
не проглядим!*

Припев.

Вперед глядим — не проглядим

«Ласточка-касаточка» — одна из первых и, главное, очень удачных попыток освоить в песенном творчестве тему Великой Победы нашего народа, решив ее в традициях озорных солдатских песен прошлого.

Однажды поэт Осип Колычев принес композитору Евгению Жарковскому набросок текста для предполагаемой песни.

«Я слушал эти строки, — вспоминал впоследствии Евгений Эммануилович, — и мне невольно пришел на память залихватский припев старосолдатской песни: «Соловей, соловей, пташечка...» Таким образом, сразу же определилась жанровая разновидность будущей песни, корни, истоки которой уходили, как видим, в XIX столетие.

Когда песня была написана, ее тут же взял в репертуар своего эстрадного оркестра Леонид Утесов.

Премьера «Ласточки-касатки» (так поначалу называли авторы свою песню) состоялась в майские дни 1949 года, о чем свидетельствуют архивные материалы и самого утесовского оркестра, и Всесоюзного агентства по авторским правам, где композитор зарегистрировал ее 20 июня 1949 года.

Вскоре песню включил в свой репертуар и Краснознаменный ансамбль песни и пляски Советской Армии, исполнявший ее лихо, с солдатским шиком. Тогда же, в 1950 году, «Ласточка-касаточка» впервые была опубликована.

Быстрокрылая «Ласточка-касаточка» разлетелась по всей стране, стала одной из любимых строевых песен в армии и на флоте, где, кстати сказать, стали возникать матросские ее варианты.

Первым «переиначил» и записал морской вариант этой песни на радио ансамбль песни и пляски Краснознаменного Балтийского флота, решивший «на флотский лад песню старую пропеть». Свои «Ласточки-касаточки» появились у танкистов, артиллеристов, десантников и воинов других родов войск. Так что живучей оказалась эта звонкая и веселая солдатская песня.

Юрий БИРЮКОВ

Севастопольский вальс

Слова Г. Рублева

Музыка К. Листова

*Тихо плещет волна,
Ярко светит луна,
Мы вдоль берега моря идем
И поем, и поем,
И шумит над головой
Сад осенней листвой.*

*Припев:
Севастопольский вальс,
Золотые деньки,
Мне светили в пути не раз
Ваших глаз огоньки.
Севастопольский вальс
Помнят все моряки.
Разве можно забыть мне вас,
Золотые деньки!*

*На Малахов курган
Опустился туман.
В эту ночь вы на пристань пришли
Проводить корабли.
И с тех пор в краю любом
Вспоминал я милый дом.*

Припев.

*Мы вернулись домой,
В Севастополь родной,
Вновь, как прежде, каштаны в цвету.
И опять я вас жду...
Вдоль бульваров мы идем
И, как в юности, поем.*

Припев.

Помнят все моряки...

«Песня о комиссаре Пожарском», «Махорочка», «Провожала мать сыночка», «Паренек с Байкала», «Эх, Ваня, Ваня» и, конечно же, прежде всего — бессмертная «Землянка», ставшая поистине жемчужиной в ожерелье незабываемых песенных мелодий Великой Отечественной войны, предвоенной и послевоенной поры, написанных Листовым. И все-таки больше всего им было создано песен, посвященных флоту, морскому братству, отваге и доблести славных советских моряков.

«Севастопольский вальс» был написан Листовым в 1954 году. Поначалу была сочинена лишь мелодия. Композитор пришел с ее наброском к своему другу, поэту Георгию Рублеву, с которым когда-то, еще в довоенном 1936 году, сочинил песню «Уходил отряд из Барселоны».

Ко времени, когда к нему обратился Листов, поэт был безнадежно болен и знал, что дни его сочтены. Тем не менее он с готовностью откликнулся на просьбу друга. Попросил проиграть мелодию несколько раз и даже придумал название для будущей песни — «Севастопольский вальс».

Через несколько дней стихи были готовы. Они так удивительно слились с музыкой, что представить их с какой-то другой невозможно.

Первыми исполнили «Севастопольский вальс» на радио и эстраде замечательные советские певцы Владимир Бунчиков и Георг Отс. Каждый из них спел его по-своему, внес в трактовку этого произведения неповторимое обаяние своей личности и таланта.

К сожалению, Георгий Рублев уже не услышал их голосов.

Юрий БИРЮКОВ

Солнце скрылось за горою

Слова А. Коваленкова

Музыка М. Блантера

*Солнце скрылось за горою,
Затуманились речные перекааты,
А дорогою степною
Шли с войны домой советские солдаты.*

*От жары, от злого зноя
Гимнастерки на плечах повыгорали;
Свое знамя боевое
От врагов солдаты сердцем заслоняли.*

*Они жизни не щадили,
Защищая отчий край — страну родную;
Одолели-победили
Всех врагов в боях за Родину святую.*

*Хороша дорога к дому,
Но солдат пойдет на край земли, коль надо.
Верность знамени родному
Сквозь огонь ведет на подвиги солдата.*

*Солнце скрылось за горою,
Затуманились речные перекааты,
А дорогою степною
Шли с войны домой советские солдаты.*

Шли с войны домой советские солдаты

В 1947 году Центральный театр Советской Армии задумал поставить спектакль по пьесе молодого, начинающего и никому тогда не известного драматурга Андрея Кузнецова, написанной им в соавторстве с Георгием Штейном. Пьеса называлась «Призвание». Действие ее, как явствует из авторской ремарки, происходило в пехотном училище близ Ташкента в июне-июле 1945 года, то есть буквально в первые послевоенные недели и месяцы.

В центре внимания авторов пьесы нравственные искания и раздумья, поступки и действия ее героев — молодых офицеров и курсантов, проблемы воинского долга, офицерской чести.

Зрители очень тепло приняли пьесу, полюбили ее героев. Запомнились и песни, которые в ней прозвучали, написанные специально для этого спектакля композитором Матвеем Блантером и поэтом Александром Коваленковым: «Когда душа поет» и «Солнце скрылось за горою». И все-таки не дату премьеры спектакля, которая состоялась в феврале 1948 года, в дни, когда торжественно отмечался 30-летний юбилей Советских Вооруженных Сил, следует считать днем рождения песни «Солнце скрылось за горою». Признание и любовь к ней народа пришли тогда, когда ее исполнил по радио незабываемый и непревзойденный дуэт великолепных певцов — Владимир Бунчиков и Владимир Нечаев. Именно они дали этой песне путевку в большую и долгую жизнь. А закрепилось и стало поистине эталонным в представлении многих из нас исполнение песни «Солнце скрылось за горою» Краснознаменным ансамблем.

«Так и слышу, — пишет в этой связи поэт Константин Ваншенкин, — начинающий под сурдинку хор Краснознаменного ансамбля и все крепнущий, растущий, достигающий наконец предела, а затем снова до неуловимости стихающий...

Меня до сих пор восхищает здесь мастерское соединение музыки со стихами».

Юрий БИРЮКОВ

Песенка фронтовых шоферов

Слова Н. Лабковского и Б. Ласкина

Музыка Б. Мокроусова

*Через реки, горы и долины,
Сквозь туман, пургу
и черный дым
Мы вели машины,
объезжая мины,
По путям-дорожкам фронтовым.*

*Припев:
Эх, путь-дорожка
Фронтвая!
Не страшна нам бомбежка
Любая.
А помирать нам рановато —
Есть у нас еще дома дела.*

*Путь для нас к Берлину,
между прочим,
Был, друзья, не легок
и не скор.
Шли мы дни и ночи,
трудно было очень,
Но баранку не бросал шофер.*

Припев.

*Может быть, отдельным
штатским лицам
Эта песня малость
невдомек.
Мы ж не позабудем,
где мы жить ни будем,
Фронтовых изъезженных дорог.*

Припев.

«Фронтальная дорожка» каяра

Человек кочевья всегда находится в движении. Могучий менурей — олень-двухлетка мчит нарт по тундре, разукрашенной неброским северным разноцветьем. Навстречу незаходящему в этих краях летнему солнцу летит заунывный напев каяра. И вдруг в бескрайнюю до горизонта степь врывается песенка фронтовых шоферов, ядреная, как ягода-морошка в августе.

Ефим Выучейский впервые услышал эту песню, ставшую любимой на многие годы, в Ненецком интернате. Радиорепродуктор в спальном корпусе разбудил бодрим припевом десятилетнего мальчонку, которого родители отдали в интернат, как это обычно случалось в ненецких семьях.

Прошли десятилетия, Ефим Прокопьевич сам стал отцом двух прелестных девчушек — Ани и Сони, унаследовал дело предков, сделавшись оленеводом колхоза имени Выучейского в родном поселке с поэтическим названием Нельмин Нос. А запавшая в душу с детских лет песенка про фронтальную дорожку до сих пор, на пятом уж десятке лет, остается самой-самой.

Есть объяснение этой привязанности пастуха-олeneвода XXI века к песне огненных сороковых. Пожалуй, правильное всего было бы назвать ее генетической памятью. Война не обошла стороной ненецкие села. Оленеводы-тундровики призывались в так называемые оленетранспортные эшелоны, специально созданные для нужд Карельского фронта. Вместе с оленями ненцы — чаще своим ходом — добирались до линии фронта. Помощь их была поистине неоценимой. Солдаты-олeneводы хорошо ориентировались на местности, отлично управляли упряжками и были меткими снайперами. Они подвозили на своих выносливых и неприхотливых животных продовольствие и военные грузы, эвакуировали раненых, проводили рейды по тылам противника.

Оба деда Ефима Прокопьевича — Ефим Алексеевич Выучейский и Афанасий Степанович Апицин — погибли на войне. Их имена — на скромном обелиске в селе Нельмин Нос.

Али НАИБОВ

Галина ХОВАНСКАЯ, депутат Госдумы:

— Мои самые любимые военные песни — «В землянке», «Жди меня». У меня отец, подполковник, любимец полка, погиб за три недели до конца войны под Кенигсбергом. Писал нам регулярно, а тут три недели — нет писем. Оказалось, тяжелейшее ранение в живот, и через сутки он скончался. В МГУ на мемориальной доске есть его фамилия: Самойлов Петр Петрович. Он был старшим преподавателем, перспективным ученым в области экономики и истории. На фронт ушел добровольцем. В 1944, после тяжелого ранения, его посылали в Харьковский военный округ, но он снова попросился на фронт. И уже не вернулся. Мама чувствовала, что с ним что-то случилось. Помню, как в День Победы, 9 Мая 1945 года, когда мы пришли к Большому театру, она обнимала колонну и плакала. Так что моя жизнь связана с войной. Я назвала всего две песни из многих, которые мы знаем и любим в семье... Когда слышу «Вставай, страна огромная!», у меня и до сих пор — мурашки по коже. В нашей семье погибли все совершеннолетние мужчины. Все! Либо в партизанах в белорусских лесах, либо на фронте. Это очень больно. Жизнь мамы была сломана, а я так завидовала своим подругам, у которых вернулись отцы. Пусть без ноги, пусть раненые и тяжело больные, мечтала: мой папа выполняет секретное задание, но вот он вернется, обнимет и скажет: «Девочка моя!»

У меня сейчас взрослая дочь и двое маленьких внуков. И когда меня спрашивают, какая мне корысть так работать, если машину не купила и коттеджа не построила, я отвечаю: пекусь, чтобы внуки мои жили в своей стране и гордились ею, а не называли свою Родину «эта страна». Мне очень хочется, чтобы им и не только им — всем было здесь хорошо.

Александра ЛУГОВСКАЯ

Давно мы дома не были

Слова А. Фатьянова

Музыка В. Соловьева-Седого

*Горит свечи огарочек,
Гремит недалний бой.
Налей, дружок, по чарочке,
По нашей фронтовой!
Не тратьа время попусту,
Поговорим с тобой,
Не тратьа время попусту,
По-дружески, да попросту
Поговорим с тобой.
Давно мы дома не были,
Цветет родная ель,
Как будто в сказке-небыли
За тридевять земель...
На ней иголки новые,
Медовые на ней,
На ней иголки новые,
А шишки все еловые,
Медовые на ней.
Где елки осыпаются,
Где елочки стоят,
Который год красавицы
Гуляют без ребят.
Без нас девчатам кажется,
Что звезды не горят.
Без нас девчатам кажется,
Что месяц сажей мажется,
А звезды не горят.
Зачем им зорьки ранние,
Коль парни на войне —
В Германии, в Германии —*

*Далекой стороне.
Лети, мечта солдатская,
Напомни обо мне!
Лети, мечта солдатская,
К дивчине самой ласковой,
Что помнит обо мне!*

Налей, дружок, по чарочке

Альберт ЛИХАНОВ, писатель:

Я дитя войны, но нам, детям, нравились тогда не такие, как эта, песни. Нам нравились короткие, резкие: «Дан приказ: ему на Запад, ей — в другую сторону». А эта, фатьяновская, пришла позже, в послевоенном отрочестве. Наверное, потому, что и в словах, и в музыке таилось некое волшебство. Гремит недалекий бой, горит свечи огарочек, вот-вот дадут команду к наступлению, и вот в эти минуты, может, самые последние, вспоминает боец о родной ели, о медовых шишках на ней, — но не о том, в самом-то деле, его печаль, а о далеких девочках, тоскующих без ребят, и девочкам этим — верным, ждущим, — «кажется, что месяц сажей мажется, а звезды не горят». И отправляет солдат свою мечту в дальний путь, «к дивчине самой ласковой», чтобы она просто напомнила ей о нем.

Господи, как все зыбко в этой мысли, да и мелодия у нее такая зыбкая и переливчатая, как будто бы и торопливая, — да и то понятно: чарочка перед боем, и пусть не последняя, а вся душа там, дома, и тоскует от этого разрыва — между войной и любовью.

Алексей Фатьянов, кому принадлежат слова этой песни, не просто волшебный кудесник и чудный слагатель их, а и тонко и трагично чувствующий жизнь человек.

Меня эта песня захватывает. Мне славно, но и горько ее слушать и петь, потому что в ней записана неопределенность солдатской судьбы, неясность и вовсе не победность конца: только лети — и долети! — мечта солдатская, и ох как горько, если долетит только прощальным приветом.

Обратите внимание: эта песня конца войны. Уже ясна победа, да и парни-то «в Германии, в Германии — далекой стороне», бой, который скоро начнется, тот самый «недалекий бой» будет не на родной земле. И, может, от того тоска острее, что,

протопав войну и немало горького повидав, так не хочется погибать поблизости от Победы.

Умирать, говорили мне не раз мои старшие современники, так не хотелось. Так было тошно знать и думать, что не дожил до великой радости.

Знаете, мне кажется, эту песню надо послушать несколько раз кряду. И несколько раз самому принять эти слова. Всякий раз, вот увидите, откроется новое чувство, будто из последних месяцев войны, из дней, полных предчувствия Победы, к нам тянется предчувствие беды.

По крайней мере, мне так слышится. Песня называется «Давно мы дома не были». Но разве в этом дело! Разве об этом слова и музыка! Они могли быть дома и совсем недавно, эти солдаты, говорящие друг с другом с чарочкой в руках. И говорят они о том, как рвутся их души.

Ольга ГОЛУБЕВА-ТЕРЕС, капитан в отставке, штурман женского авиаполка ночных бомбардировщиков:

— Любили наши девушки песню. Она была их спутницей по всем фронтовым дорогам. Песня слышалась всюду: в землянках, на аэродроме, в самолетах и на вечерах самодеятельности. Много талантов было в полку.

Герой Советского Союза Татьяна Макарова очень любила песню «Сыграй мне лунную рапсодию, я напою тебе мелодию...». Именно ее она пела перед своим последним полетом.

Песню «Вставай, страна огромная!» Герой Советского Союза Нина Худякова пела даже в полете, даже когда заходила на цель. И мне припомнилось, как я впервые услышала эту песню.

...Опять в военкомате отказали.

— Нечего болтаться без дела, — сказал сердито дежурный, — не отрывайте от работы!

— Возьмите... Я любую работу..

— Там, милая, — перебил он меня, — не работают, а воюют, стреляют, погибают... Раз ты такая охочая до войны, иди работать в школу, да воюй с ребяташками.

Чтобы он не заметил моих слез, я тут же выскочила на улицу. Шла и редела... И вдруг из громкоговорителя: «Пусть ярость благородная...» Слезы вмиг высохли. Эта песня придала мне сил и помогла попасть со временем в действующую армию.

г. Саратов

Вот солдаты идут

Слова М. Львовского

Музыка К. Молчанова

***Вот солдаты идут
По степи опаленной,
Тихо песню поют
Про березки да клены,
Про задумчивый сад,
Про плакучую иву,
Про родные леса,
Про родные леса
Да широкую ниву.***

***Вот солдаты идут —
Звонче песня несется,
И про грозный редут
В этой песне поется,
Про отвагу в бою,
И про смерть ради жизни,
И про верность свою,
И про верность свою
Нашей славной Отчизне.***

***Вот солдаты идут
Стороной незнакомой,
Всех врагов разобьют
И вернутся до дому,
Где задумчивый сад
И плакучая ива,
Где родные леса,
Где родные леса
Да широкая нива.
Вот солдаты идут...***

По степи опаленной звонче песня несется

Всякий раз, когда ее слышу, почему-то не покидает ощущение, что сложена она была в военные годы. Между тем достоверно известно, что композитор Кирилл Молчанов (он мне и сам про это не раз говорил) сочинил «Вот солдаты идут» уже после войны. Что же касается слов, то интуиция меня, как теперь выясняется, не подвела: написаны они были в военные годы. Вот что рассказал мне по этому поводу их автор Михаил Григорьевич Львовский:

«В первые же дни Великой Отечественной войны я в числе других студентов Литературного института имени М. Горького, где учился на третьем курсе, ушел на фронт добровольцем. Меня военная судьба в 1942 году привела в 89-ю отдельную стрелковую бригаду, где я был назначен командиром отделения в батальоне автоматчиков. Здесь я познакомился с Николаем Александровичем, до войны учившимся в ГИТИСе.

Через некоторое время организовали с ним в нашей части небольшой самодеятельный ансамбль.

Однажды гитарист нашего коллектива Кареев (к сожалению, не помню его имени) сыграл и напел мелодию песни, которая понравилась всем участникам ансамбля. Кареев не помнил всех ее слов. А те, что помнил, явно не годились к исполнению в нашем коллективе. Решено было создать новый текст на этот напев, причем обязательно в стиле старых солдатских песен. К этому, как нам казалось, обязывала напетая Кареевым мелодия.

Я написал на нее стихи, которые начинались словами:

Вот солдаты идут

По степи опаленной...

И далее все было так, как в песне, которая известна сегодня. Но был там еще и припев, развернутый и ритмически непростой, при сочинении которого мне пришлось преодолеть особые трудности:

А маньчжурская степь

Их встречает бураном,

Но не кончен поход,

*И солдаты вперед
Все идут на восход.*

Мы объявляли ее как старинную солдатскую. Все думали, что песня сложена была во времена русско-японской войны. Принималась она на ура. Было это в 1943 году. А дальше было вот что.

После войны на эти слова новую мелодию, ставшую широко известной, буквально за час сочинил Кирилл Молчанов, известный композитор, тогда еще студент консерватории.

Как удалось установить по материалам Всесоюзного агентства по авторским правам, композитор зарегистрировал там эту свою песню в ноябре 1947 года.

Юрий БИРЮКОВ

Валентин ОСИПОВ, писатель, лауреат Всероссийской Шолоховской премии:

— Я рос в прииртышской послевоенной деревне. Искалеченный войной школьный военрук, учитель военного дела, был довольнехонек, когда видел, как мы подчинялись его командам и учились маршировать под строевые песни, чтоб каждый бодр был и растворился бы в едином строю.

Раз в неделю, летом, мы, подростки, чтобы посмотреть кино, отправлялись по реке в соседнюю станицу. Хорошо было, когда возвращались. Ночь с загадочной лунной дорожкой впереди, плавно-могучее и безмолвное течение Иртыша. Склады-вали весла и вольно плыли по воле течения.

Разговорам раздолье. Поначалу все об одном: как здорово в фильме наши громили фашистов. Ночная тишь незаметно проникала в глубины взбудораженных душ. И тогда кто-то тихохонько затягивал песню. Непостижимо, но неукротимо дерзкие днем подростки пели грустные песни. Почему-то особенно брали за душу две, и они не могли надоесть. Это «Черный ворон...» И такая же пронзающая «Вот солдаты идут...»

Солдатский вальс

Слова В. Дыховичного

Музыка Н. Богословского

*Давно ты не видел подружку,
Дорогу к знакомым местам.
Налей же в железную кружку
Свои боевые сто грамм!*

*Гитару возьми,
Струну подтяни,
Солдатскую песню запой
О доме родном,
О времени том,
Когда мы вернемся домой.*

*Далеко родные границы,
Берез не встречали мы тут.
Кричат не по-нашему птицы,
Цветы по-другому цветут.*

*За краем земли
Шумят ковыли,
Трава на дороге степной.
Мы камень родной
Омоем слезой,
Когда мы вернемся домой.*

*Ни верность, ни долг не забыли,
Но все же, признаемся, друг,*

*Что мало когда-то любили
Мы наших бесценных подруг.*

*Всю нежность свою,
Что в смертном бою,
Солдат, сберегли мы с тобой,
Мы в сердце своем
Жене принесем,
Когда мы вернемся домой.*

*Домов и дорог у нас много,
Но все-таки путь наш один.
Для всех нас до дому дорога
Лежит через город Берлин.*

*Но рано, браток,
Глядеть на восток,
Походную песню запой.
Под пушечный гром
Берлин мы пройдем,
Тогда мы вернемся домой.*

*Закончив походную службу,
За мирным домашним столом
Припомним солдатскую дружбу,
Солдатскую кружку нальем.*

*И, чуть загрустив,
Солдатский мотив
Припомним мы мирной порой.
Споем о боях,
О старых друзьях,
Когда мы вернемся домой.*

Споём о боях, о старых друзьях

Много лет назад я получил письмо из Пензы, которое всегда остается в моей памяти. «В 1945 году, — писал инженер Ю. М. Тарасов, — с фронта возвращались эшелоны с воинами-победителями. Жили мы тогда в городе Урюпинске.

Однажды после прибытия очередного эшелона с платформы на площадку был выгружен трофейный рояль. К нему подошел совсем юный, интеллигентного вида солдат и почему-то долго смотрел на него, о чем-то думая. Потом сел на ящик из-под снарядов и, открыв крышку рояля, заиграл. Играл он вдохновенно. Поначалу что-то из классики — Чайковского или Моцарта.

И вдруг, под собственный аккомпанемент, он запел песню. Всю ее не запомнил, но были в ней такие слова: «Мы камень родной омоем слезой, когда мы вернемся домой...» Все стояли и слушали его пение, как замороженные. Многие вытирали слезы. А потом, закончив песню, закрыв лицо ладонями, и сам он заплакал...»

Речь в этом письме идет о «Солдатском вальсе», пользовавшемся и в самом деле огромной популярностью среди фронтовиков.

Вот что рассказывал об истории создания «Солдатского вальса» композитор Никита Владимирович Богословский:

— Месяца примерно за три до окончания войны я прочитал в одной из газет корреспонденцию с фронта, где рассказывалось о том, как миллионы советских солдат с нетерпением ждут встречи со ставшим для них далеким домом.

И я счел, что совершенно необходимо написать об этом песню и что лучше всего будет, если стихи для нее напишет поэт-фронтовик Владимир Дыховичный.

Встретившись с ним в тот же день, мы без особых затруднений, быстро, легко, на каком-то едином порыве написали эту песню, и очень скоро Леонид Осипович Утесов исполнил ее по радио, потом записал на грампластинку.

Юрий БИРЮКОВ

Песня о краснодонцах

Слова С. Острового

Музыка В. Соловьева-Седого

***Кто там улицей крадется,
Кто в такую ночь не спит?
На ветру листовка бьется,
Биржа черная горит.***

Припев:

***Это было в Краснодоне
В грозном зареве войны,
Комсомольское подполье
Поднялось за честь страны.***

***Не найдут враги покоя,
Не опомнятся никак, —
Над управой городской
Кто-то поднял красный флаг.***

Припев.

***Сила подвига святого
Молодежь ведет всегда, -
Мы Олега Кошевого
Не забудем никогда.***

Припев.

***И сквозь дали вековые
Эту славу пронесет
Благодарная Россия
И великий наш народ.***

Припев.

Это было в Краснодоне

В одном из скверов Москвы, близ нешумных Миусских улиц, стоит памятник писателю Александру Фадееву и героям его книг. С высокого постамента Александр Александрович смотрит на партизан — дальневосточников и молодогвардейцев. Между молодым всадником и пятеркой краснодонцев гоняют на роликах юнцы XXI века. Ни Фадеева, ни его героев они не знают. И «Разгром», и «Молодую гвардию» новая Россия, как, впрочем, и Украина, давно вычеркнули из школьных программ.

У большинства героев «Молодой гвардии» — их настоящие, а не вымышленные имена: Олег Кошевой и Иван Туркенич, Люба Шевцова и Ульяна Громова, Сережа Тюленин и Иван Земнухов... Писатель не раз говорил, что «Молодая гвардия» — художественное произведение и не следует отождествлять литературных героев и реальных людей. Это действительно так. И все же «Молодая гвардия» рассказывает о реальных событиях в реальном городе, который в несколько дней стал известен всему миру. Еще в годы Великой Отечественной войны роман главу за главой печатала «Комсомольская правда» — эти страницы читали на фронте и в тылу; потом «Молодая гвардия» выходила много раз и на разных языках — у меня сохранилось одно из самых первых изданий, 1947 года, мамин подарок к дню рождения.

Позже, работая в «Комсомольской правде», я не раз бывал в Краснодоне, познакомился с родными молодогвардейцев, бывал дома у Радика Юркина, летал в командировки с Валерией Борц — в одну из них я захватил с собой тот давний томик «Молодой гвардии». На нем Валерия Давыдовна оставила несколько строк, адресованных моему младшему сыну Жене:

«Читай этот роман, люби его героев. Будь мужественным, когда это от тебя потребуется. Пусть жизнь и деятельность моих друзей, описанных в этом романе, будут для тебя примером, достойным подражания!»

Не раз в музее «Молодой гвардии» перебирал письма, школьные сочинения, фотографии ребят... Для меня они и сей-

час как живые. Вот они освобождают из немецкого плена наших солдат... Поднимают над родным городом в ночь на 7 ноября 1942 года красные флаги... Срывают отправку земляков в Германию.

На ветру листовка бьется,
Биржа черная горит.

Фашисты с полициями собирались отправить на каторгу полторы тысячи человек. Но списки с адресами, справками и всеми документами в одну морозную ночь полыхнули вместе с биржей. «Это одно из самых фантастических дел «Молодой гвардии», — пишет Фадеев, — осуществили вместе Сережка Тюленин и Любка Шевцова с помощью Вити Лукьянченко».

Это строки из романа. А вот документ — допрос капитана немецкой жандармерии Эрнста-Эмиля Ренатуса. Да, подтверждает он, пожар на немецкой бирже труда, флаги в день советского праздника 7 ноября, листочки с призывами избегать вербовки в Германию — все это наводило нас на мысль, что в Краснодарском районе действует подпольная организация: «Мы считали, что этими делами руководят коммунисты, и в первую очередь уничтожали их. Однако борьба против нас продолжалась...»

Фашисты казнили молодогвардейцев страшно. После жестоких пыток еще живыми бросали в ствол старой шахты.

Олег Кошевой, Иван Туркенич, Уля Громова, Иван Земнуков, Сережа Тюленин, Люба Шевцова — верилось, что их имена, как имена святых, всегда будут помниться в народе. Переиздавать книги. Показывать старые и снимать новые фильмы о подвигах. Включать в радио- и телепередачи такие песни.

Виктор АНДРИЯНОВ

Враги сожгли родную хату

Слова М. Исаковского,

Музыка М. Блантера

*Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?
Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.*

*Стоит солдат — и словно комья
Застрали в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя-мужа своего.
Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол —
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришел...»*

*Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только теплый летний ветер
Траву могильную качал.
Вздыхнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой:*

*«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой:*

*Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.
Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.*

*Он пил, солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»
Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.*

Плач солдата по погибшей жене

В 1946 году журнал «Знамя» опубликовал стихотворение Михаила Исаковского «Враги сожгли родную хату». А вскоре его друг и соавтор по многим замечательным песням, начиная со знаменитой «Катюши», композитор Матвей Блантер сочинил на эти стихи музыку. Только на этот раз их песенному детищу пришлось преодолеть мучительно тяжелый путь к слушателям. И все потому, что необычен был сюжет песни: плач солдата по погибшей жене. С немногословной и негромогласной силой была передана в ней через образ горького солдатского сиротства, как сказал по этому поводу Александр Твардовский, великая мера страданий и жертв народа-победителя в его правой войне против вражеского нашествия.

У песни сразу же нашлось немало противников.

Вот что рассказывал об этом сам Исаковский:

— В первый раз в зрелые годы я почувствовал крутое сопротивление песне. Редакторы — литературные и музыкальные — не имели оснований обвинять меня в чем-либо. Но они были убеждены и тшились убедить других, что Победа исклю-

чает трагические песни, будто война не принесла народу ужасного горя. Это был какой-то психоз, наваждение.

Я решил, что время для песни придет. Как-то недостойно авторов устраивать шум и крик возле своего сочинения...

О том, что песню «Враги сожгли родную хату» много лет мытарили, не давали ей выхода в эфир, не записывали на грам-пластинки, а ноты ее опубликовали пятнадцать лет спустя после ее написания, можно было бы долго рассказывать Марку Бернесу, который впервые спел ее на эстраде, на каждом концерте поступали записки с просьбами исполнить «Родную хату» или «Прасковью» — такими названиями песню эту окрестили в народе.

Юрий БИРЮКОВ

Яков КАГАН, доктор технических наук, президент ЗАО «Нефтегазтехнология»:

— Песен о войне сложено множество. Но, не задумываясь, не перебирая их в своей памяти, называю одну — «Враги сожгли родную хату», которую впервые исполнил Марк Бернес. В судьбе солдата, его семьи — история всей нашей страны. Горькая правда в этой песне.

Не обошла беда и нашу семью: погиб мой отец, Михаил Григорьевич. Уже спустя много лет меня стал мучить вопрос: а где он похоронен? И я отправился на поиски. По тем неточным данным, что у меня были, я должен был побывать в Орле, Брянске, Калуге. И я побывал, но безрезультатно. Попал в Людиновский райвоенкомат Калужской области, работа которого достойна глубочайшего уважения.

Здесь мне показали карту захоронений и списки лежавших в них солдат. Среди них в одной из деревень оказался и прах моего отца. В братской могиле покоятся более 900 человек разных национальностей, которые сражались за одно общее дело — за Советскую Родину.

Грустные ивы

Слова А. Жарова

Музыка М. Блантера

*Грустные ивы склонились к пруду,
Месяц плывет над водой,
Там, у границы, стоял на посту
Ночью боец молодой.*

*В грозную ночь он не спал, не дремал.
Землю родную берег.
В чаще лесной он шаги услышал
И с автоматом залег.*

*Черные тени в тумане росли,
Туча на небе темна...
Первый снаряд разорвался вдали —
Так начиналась война.*

*Трудно держаться бойцу одному,
Трудно атаку отбить —
Вот и пришлось на рассвете ему
Голову честно сложить.*

*Грустные ивы стоят у пруда,
Месяц глядит с вышины,
Сонному берегу шепчет вода
Имя героя страны...*

*Вместе с Победой спокойные дни
В эти вернулись края —
Ночью на тихой заставе огни
Вновь зажигают друзья.*

Лопатин с 13-й заставы

Когда я слушаю «Грустные ивы», всегда невольно вспоминаю пограничника Алексея Лопатина. В 1960-1970-е годы владимирская областная молодежка «Комсомольская искра», где я тогда работал, не раз о нем писала. И песня написана о таких, как он.

Уроженец Суздальского уезда, выпускник школы ФЗУ, бригадир слесарей-клепальщиков на Ковровском экскаваторном заводе, войну он встретил начальником 13-й погранзаставы Владимиро-Волынского отряда.

Там, как и в Брестской крепости, как на других западных рубежах страны, советские пограничники первыми вступили в противостояние с непрошеными гостями, которые под утро по-воровски перешагнули порог нашего общего дома.

С 22 июня 1941 года личный состав под командованием 26-летнего лейтенанта Лопатина в течение 11 суток сдерживал натиск в десятки раз превосходящих сил немецко-фашистских войск. 29-го числа командир вывел из окружения женщин и детей, а затем с бойцами возвратился на заставу. Пограничники во главе с Алексеем Лопатиным пали 2 июля в неравном бою, когда противник, сделав подкоп, подорвал подвальные помещения здания. После войны Алексею Васильевичу Лопатину посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, заставка стала носить его имя, он был навечно зачислен в списки личного состава части. А в Коврове о герое напоминает улица, названная его именем.

...Грустят плакучие ивы, грустят русские березы по тем, кто не вернулся с войны.

Александр КУЗНЕЦОВ

Песенка о Леньке Королеве

Слова и музыка Б. Окуджавы

*Во дворе, где каждый вечер все играла радиоло,
Где пары танцевали, пыля.
Ребята уважали очень Леньку Королева
И присвоили ему звание Короля.*

*Был Король, как король, всемогущ. И если другу
Станет худо и вообще не повезет,
Он протянет ему свою царственную руку,
Свою верную руку — и спасет.*

*Но однажды, когда «мессершмитты», как
вороны,
Разорвали на рассвете тишину,
Наш Король, как король, он кепчонку, как корону,
Набекрень, и пошел на войну.*

*Вновь играет радиоло, снова солнце в зените,
Да некому оплакать его жизнь,
Потому что тот Король был один (уж
извините),
Королевой не успел обзавестись.*

*Но куда бы я ни шел, пусть какая ни забота
(По делам или так, погулять),
Все мне чудится, что вот за ближайшим
поворотом
Короля повстречаю опять.*

*Потому что на войне, хоть и, правда, стреляют,
Не для Леньки сырая земля,
Потому что (виноват), но я Москвы
не представляю
Без такого, как он, короля.*

Спектакль-концерт — семейная традиция

Валерий ДРАГАНОВ, председатель Комитета Госдумы по экономической политике, генерал-полковник таможенной службы:

— У меня много любимых песен о войне. Из классики, которая всегда с нами, — «Темная ночь», «Синий платочек», «Землянка». Я люблю все песни военных лет в исполнении Утесова. Но две самые потрясающие вещи, которые я и сам пою, — это «День Победы» и «Белорусский вокзал». Дело в том, что я играю на аккордеоне, на баяне и трубе, сам написал попури из 27 военных песен и уже лет тридцать исполняю его для своей семьи, друзей, а теперь и коллег-депутатов.

Для меня День Победы — самый теплый, светлый, искренний и, я бы сказал, самый честный праздник. Мое детство в Измаиле, городе славы русского оружия, проходило еще и на фоне сильнейших традиций советского флота. Там базировалась Дунайская флотилия.

Мой папа в начале войны служил в румынской армии — он болгарин из Бессарабии, оккупированной тогда Румынией. После освобождения его поначалу не призывали в Советскую Армию — из-за службы в румынской и потому что болгарин. Болгария и СССР, как известно, находились в состоянии войны. И лишь в 1944-м его призвали, но использовали в армии на тяжелых работах. Выжил чудом, как и мама, тоже болгарка, но из Запорожской области, которую немцы в 16 лет 22 июля 1941 года угнали с Украины в Германию. Почти год она провела в концлагере, а потом до марта 1945 года гнула спину в карьере. К счастью, вернулась домой, встретила с отцом, родила нас, детей.

И для моих троих сыновей День Победы — праздник святой и понятный. Трое внуков тоже знают этот праздник, потому что каждый год к этой дате — такова семейная традиция — готовят вместе с папами и мамами домашний концерт-спектакль. И к военной форме у них большое уважение и почтение, потому что я, их дед, генерал-полковник таможенной службы, парень служивый и этим все сказано.

Александра ЛУГОВСКАЯ

Вернулся я на Родину

Слова М. Матусовского

Музыка М. Фрадкина

***Вернулся я на Родину.
Шумят березки встречные.
Я много лет без отпуска служил в чужом краю.
И вот иду, как в юности, я улицей Заречною
И нашей тихой улицы совсем не узнаю.***

***Здесь вырос сад над берегом с тенистыми
дорожками,
Окраины застроились, завода — не узнать.
В своей домашней кофточке, в косыночке
горошками
Седая, долгожданная меня встречает мать.***

***Здесь столько нами прожито,
Здесь столько троп исхожено,
Здесь столько испытали мы и радостей, и гроз.
Пусть плакать в час свидания солдату
не положено,
Но я люблю Родinou и не скрываю слез.***

***Вернулся я на Родину.
И у пруда под ивою
Ты ждешь, как в годы давние, прихода моего...
Была бы наша Родина богатой да счастливою,
А выше счастья Родины нет в мире ничего!***

Не довелось Ивану увидеть свои березы

Вышла я замуж в 1934 году. Вскоре родилась старшая дочка Нюра, перед самой войной — Ниночка. А 23 июня 1941 года мой муж ушел на фронт. С войны от него я получила всего один треугольничек... А следом принесли похоронку: «Ваш муж Иван Васильевич Ермаков погиб смертью храбрых в боях за Родину под городом Великие Луки». И осталась я одна с двумя малыми детьми на руках. Не буду описывать, как трудно было. Все солдатики в нашем селе Теньгушево Мордовской АССР, чьи мужья не вернулись с войны, одинаково горе мыкали.

До войны мы с мужем жили ладно, новый дом поставили, посадили у палисадника пару берез и липы. Ваня все мечтал, вот вырастут липы, будем мед качать. Не пришлось...

В нашем большом роду Ермаковых почти все мужчины остались на войне. Одной моей двоюродной сестре Наталье повезло. Ее муж, гвардии майор, танкист, весь израненный, вернулся живым — вся грудь в орденах. Бог уберег, у нее ведь тоже двое детей подрастали, младше моих девчонок. Чтобы поднять детей, я уехала из родного села, осела у родных в Подмоскowie. Работала на торфоразработках, была поваром в детском саду, укладывала асфальт, одна в мужской бригаде, там больше платили.

Однажды я услышала песню. Красивый звучный баритон пел: «Вернулся я на Родину. Шумят березки встречные...» И все в моей душе перевернулось. Почудилось мне — это мой Ваня шлет мне весточку.

С годами слова той песни подзабывать стала, все-таки возраст — мне за 90. На день рождения дети, внуки, правнуки надали подарки, а больше всех порадовал 18-летний правнук, студент Московской юридической академии. Он подарил мне всего одну кассету. Это, говорит тебе, баба Саша, сюрприз. Я попросила поставить ее и услышала: «Вернулся я на Родину...» Эта песня как будто силы в меня влила. И все мне кажется, что мой Ваня живой, молодой и впереди у нас целая жизнь.

Александра ВАСЬКОВА
г. Химки, Московская обл.

Воспоминание об эскадрилье «Нормандия-Неман»

Слова Е. Долматовского

Музыка М. Фрадкина

*Я волнуюсь, заслышав французскую речь,
Вспоминаю далекие годы.
Я с французом дружил, не забыть наших встреч
Там, где Неман несет свои воды.
Там французские летчики в дождь и туман
По врагу наносили удары,
А советские парни в рядах партизан
Воевали в долине Луары.*

Припев:

*В небесах мы летали одних,
Мы теряли друзей боевых.
Ну, а тем, кому выпало жить,
Надо помнить о них и дружить.*

*Что ты делаешь нынче, французский собрат,
Где ты ходишь теперь, где летаешь?
Не тебя ль окликал я: «Бонжур, камарад!»
Отвечал ты мне: «Здравствуй, товарищ!»
Мы из фляги одной согревались зимой,
Охраняли друг друга в полете.
А потом ты в Париж возвратился домой
На подаренном мной самолете.*

Припев.

*Я приеду в Париж, все дома обойду,
Под землю весь город объеду,*

*Из «Нормандии» летчика там я найду,
Мы продолжим былую беседу.
Мы за правое дело дрались, камарад,
Нам война ненавистна иная.
Не поддайся обману, французский собрат,
Верность клятве своей сохраняя.*

Припев.

«В небесах мы летали одних...»

«Я волнуюсь, слышав французскую речь...» — так начинается песня «Воспоминание об эскадрилье «Нормандия-Неман» композитора Марка Фрадкина на слова поэта Евгения Долматовского, написанная в 1957 году. Эта легендарная эскадрилья была сформирована в конце ноября 1942 года по соглашению между правительством СССР и патриотической организацией «Сражающаяся Франция» и вскоре вошла в состав Вооруженных Сил СССР. Французские летчики-добровольцы отважно сражались крыло к крылу с советскими пилотами против фашистов. Первоначально эскадрилью (позже она была переформирована в авиаполк) окрестили «Нормандией» — в честь французской провинции, наиболее пострадавшей от немецких захватчиков. Слово «Неман» добавилось к названию позднее, в 1944 году, после того, как ее пилоты особо отличились в боях за реку Неман. За время боевых действий французские асы сбили и повредили свыше 350 вражеских самолетов, их полк награжден орденами Красного Знамени и Александра Невского, четверо пилотов стали Героями Советского Союза. «Воспоминание об эскадрилье» — это песня не столько о войне, сколько о боевой дружбе, которая навсегда связала французских и русских героев. И не только тех, «кому выпало жить». Одним из самых ярких примеров духа интернационального братства стала история дружбы маркиза Мориса де Сейна с простым парнем из села Покровское Днепропетровской области Володей Белозубом. Он был механиком, и маркиз не раз помогал ему. Общались друзья на смеси двух родных языков. И погибли они вместе. На одном из перелетов механик летел

вместе с пилотом. Вдруг на самолете де Сейна стал течь бензин, и пары горячего лишили летчика зрения. Командир полка отдал распоряжение маркизу — немедленно покинуть самолет. Однако французский дворянин не захотел спасаться, обрекая своего друга на верную гибель. Он пытался посадить свой Як, но истребитель рухнул на землю. В далекой Франции мать Мориса, мадам де Сейн, повесила портреты сына и его друга рядом. «Теперь они оба — мои сыновья», — сказала она.

То же самое сделала и мать Володи Белозуба в украинском селе...

Андрей ИЛЬИН

Дмитрий ЯЗОВ, Маршал Советского Союза:

— Когда меня спрашивают, какая песня из фронтовых моя самая любимая, я называю «Застольную» Волховского фронта. Это вовсе не значит, что в моей душе не звучат другие мелодии военной поры. Просто я воевал на Волховском, и строки этой песни отзываются во мне особенно остро. Первый раз я ее услышал, по-моему, уже после первого ранения, потом пел ее с боевыми друзьями, слушал по радио. Потом, ведь ее переименовывали не раз, она стала «Застольной» Ленинградского фронта, а затем превратилась в застольную других фронтов. Хотя родилась она именно под Волховом в этих Синявинских болотах, и мы ее считали своей. Хотя у нее есть автор — композитор И.Любан.

Среди бойцов ходила такая история, что якобы музыку написал один из лучших советских композиторов. Мы считали, что он руководил ансамблем песни Волховского фронта.

Застольная появилась тогда, когда начались первые победы. А до того были горькие времена: битва под Москвой, блокада Ленинграда, неудачи то там, то здесь. Но и тогда много было таких песен, которые поднимали настроение, боевой дух солдат. Самые трудные месяцы 42-го года у меня ассоциируются с этими строчками: «Ой, Днепро, Днепро, ты широк, могуч, над тобой летят журавли...» Помните? Потом «Землянка», песни Симонова, Суркова и другие. Их пели, их слушали, поднимая настроение себе и боевым товарищам.

Все фронтовые песни одинаково близки тем, кто воевал. С разными песнями у разных людей связаны свои воспоминания. Все зависит от того, где ты зарывался в землю, где стоял до последнего патрона, где терял боевых друзей...

Бухенвальдский набат

Слова А. Соболева

Музыка В. Мурадели

*Люди мира, на минуту встаньте!
Слушайте, слушайте: гудит со всех сторон —
Это раздается в Бухенвальде
Колокольный звон, колокольный звон.
Это возродилась и окрепла
В медном гуле праведная кровь.
Это жертвы ожили из пепла
И восстали вновь, и восстали вновь.
И восстали,
И восстали,
И восстали вновь!*

*Сотни тысяч заживо сожженных
Строятся, строятся в шеренги к ряду ряд,
Интернациональные колонны
С нами говорят, с нами говорят.
Слышите громовые раскаты?
Это не гроза, не ураган.
Это, вихрем атомным объятый,
Стонет океан, Тихий океан.
Это стонет,
Это стонет
Тихий океан!*

*Люди мира, на минуту встаньте!
Слушайте, слушайте: гудит со всех сторон —
Это раздается в Бухенвальде
Колокольный звон, колокольный звон.
Звон плывет, плывет над всей землею,*

И гудит взволнованно эфир:

*Люди мира, будьте зорче вдвое,
Берегите мир, берегите мир!
Берегите,
Берегите,
Берегите мир!*

Люди мира, будьте зорче вдвое!

«...Я много слышал и читал о нацистских лагерях смерти, — писал композитор Вано Мурадели, — видел не раз страшные обличающие фотодокументы».

Но ничто не могло сравниться с тем, что предстало перед его глазами в Освенциме. «Вся земля невиданного мертвенно-серого цвета... Я спросил: «Почему она такая?» — и услышал в ответ: «Это — не земля, это — человеческий пепел!»

Возвратившись в Москву, Мурадели стал искать стихи для песни, которая напомнила бы о трагедии миллионов узников фашистских концлагерей.

14 сентября 1958 года на горе Этеерсберг, близ Веймара, в Германской Демократической Республике (ныне ФРГ) был открыт памятник узникам Бухенвальда, еще одного гитлеровского концлагеря. Семь лет отдал работе над монументом немецкий скульптор Фриц Кремер.

Сообщение о предстоящем открытии памятника услышал в радиопередаче фронтовик, журналист А. Соболев.

— Передача Берлинского радио взволновала меня, — вспоминал Александр Владимирович. — Захотелось написать стихи о жертвах и героях Бухенвальда и других фашистских лагерей смерти.

Стихотворение было опубликовано в «Труде» 27 сентября 1958 года, а через короткое время Соболевым позвонили:

— Здравствуйте! С вами говорит Вано Мурадели, — прозвучал в трубке густой баритон. — Вы написали то, что я так долго искал... Спасибо огромное!..

Впервые песня прозвучала на VII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Вене в 1959 году в исполнении студенческого хора из Свердловска и сразу разлетелась по странам и континентам. «Бухенвальдский набат» пели многие знаменитости — Б. Гмыря, Г. Отс, А. Беседин, М. Магомаев.

Юрий БИРЮКОВ

Горячий снег

Слова М. Львова

Музыка А. Пахмутовой

*Клубились яростно метели
По сталинградской по земле.
Дымились потные шинели,
И шли солдаты по золе.
И танк в сугробе — как в болоте,
И бьют снаряды по броне.
Снежинки таяли в полете.
Как ветки с листьями в огне.*

*И падал в битве человек
В горячий снег, в кровавый снег.*

*Смертельной битвы этой ветер,
Как бы расплавленный металл.
И жег, и плавил все на свете.
Что даже снег горячим стал.
И за чертой — последней, страшной —
Случалось, танк и человек
Встречались в схватке рукопашной,
И превращался в пепел снег...*

*Хватал руками человек
Горячий снег, кровавый снег...*

*...Опали белые метели,
Цветами стали по весне.
Большие годы пролетели,*

*А я все сердцем — на войне.
Где отпевали нас метели.
Где в землю многие легли.
А дома мамы поседели...
У дома вишни зацвели.*

*А у меня в глазах навек —
Горячий снег, кровавый снег.*

Поклонимся за тот великий бой

О том времени, когда от ожесточенных схваток с захватчиками у волжских берегов плавился «горячий снег, кровавый снег» и «кипела волжская вода», Александра Николаевна Пахмутова знает не понаслышке. На Волге, в поселке у Сталинграда она родилась, и здесь в ее детство вторглась война.

Несомненно, впечатления и переживания той поры не могли не наложить отпечаток на музыку Пахмутовой. Например, к двум песням на стихи Михаила Львова, посвященным Сталинградской битве. Страстно, печально и прекрасно прозвучал впервые в 1974 году ее «Горячий снег» в незабываемом исполнении народного артиста СССР Юрия Гуляева. Как ода живым защитникам Отечества и как реквием по погибшим звучит написанная в 1983-м песня «Поклонимся великим тем годам», хорошо известная нам в исполнении Людмилы Зыкиной и Иосифа Кобзона. Эти две песни — в нашей книге.

В песенную летопись Великой Отечественной войны композитор Александра Пахмутова вписала немало и других ярких страниц. Это «Голос Родины, голос России» и «Если отец герой» (стихи Сергея Гребенникова и Николая Добронравова), «Голос друга» (стихи Бориса Слуцкого), «Ты — моя надежда, ты — моя отрада» на стихи Н. Добронравова, посвященной битве за Москву. А «Белоруссия» на слова этого же поэта? Разве это не песня о войне, где отчетливо звучит тема партизан и тема многострадальной Хатыни?

Александр КУЗНЕЦОВ

Борис ПАСТУХОВ, первый секретарь ЦК ВЛКСМ (1977-1982 г.г.)

— Меня всегда поражала высокая героика песни «Ой, Днепро, Днепро, ты широк, могуч»... И — «Шумел сурово брянский лес», эта песня стала гимном Брянской области. В одном ряду с ними стоят, на мой взгляд, пахмутовские «Поклонимся великим тем годам» и «Горячий снег».

На нас, малых детей в годы войны, «Землянка» не производила такого впечатления, как на солдат. Только повзрослев, мы могли представить, как воспринимали ее бойцы, фронтовики. Но отец мне об этом рассказать не мог, он погиб на Волховском фронте. Много там поколотили народу. Сейчас я бы назвал «Землянку» — вещь выдающаяся. А вообще я поклонник Симонова, стихотворения «Жди меня», музыку к которому писали многие композиторы.

Березы

Слова В. Лазарева

Музыка М. Фрадкина

*Я трогаю русые косы,
Ловлю твой задумчивый взгляд.
Над нами весь вечер березы
О чем-то чуть слышно шумят.*

*Припев:
Березы, березы,
Родные березы не спят.*

*Быть может, они напевают
Знакомую песню весны,
Быть может, они вспоминают
Суровые годы войны.*

Припев.

*Неужто свинцовой метелью
Земля запыляет окрест
И снова в солдатских шинелях
Ребята уйдут от невест?*

Припев.

*Я трогаю русые косы,
Ловлю твой задумчивый взгляд...
Не спят под Москвою березы,
В Париже каштаны не спят.*

Припев.

Родные березы не спят

— В тульском парке (я тогда, в 1958 году, жил в Туле), — вспоминает Владимир Яковлевич, — много светящихся стройных берез. Немало березовых рощ и в Ясной Поляне, с которой, по счастью, меня связывает многое: в деревне Ясная Поляна на улице Красной стоял наш дом. На территории толстовской усадьбы есть места сплошь березовые, как бы излучающие серебряный свет. Яснополянские рощи продиктовали мне в молодые годы строки стихов, которые начинались словами: «Я трогаю русые косы, ловлю твой задумчивый взгляд...»

Стихотворение молодого поэта, работавшего в ту пору инженером на Тульском оружейном заводе, попало к композитору Марку Фрадкину. Марк Григорьевич завершил тогда работу над музыкой к кинофильму «Первый день мира». Стихи о березах так захватили его, что он тотчас сочинил мелодию. Вечером того же дня напел новую песню режиссеру картины Якову Сегелю.

— Должен сказать, что это была наша первая совместная работа с Фрадкиным, — вспоминал об этом времени Яков Александрович. — Потом мы работали над фильмом «Течет Волга», «Прощайте, голуби» и другими. В каждом из них была песня, которая становилась своеобразным камертоном картины. Так случилось и с «Березами». Песня покорила меня, и я стал придумывать для нее сцену или эпизод, которого в сценарии Иосифа Ольшанского и Нины Рудневой не было.

Возможно, читатели помнят этот эпизод: погибает главный герой, смертельно раненный из-за угла в первый день мира. Что вспоминается ему в этот миг вдали от Родины? О чем думает старый доктор, только что сделавший ему сложную операцию, выйдя в парк, где его обступают чужие деревья? Конечно же, о родных и заветных русских березах...

В картине песню исполнял дуэт известных актеров театра и кино Владимира Трошина и Олега Анофриева.

Юрий БИРЮКОВ

Братские могилы

Слова и музыка В. Высоцкого

***На братских могилах не ставят крестов,
И вдовы на них не рыдают —
К ним кто-то приносит букеты цветов,
И Вечный огонь зажигают.***

***Здесь раньше вставала земля на дыбы,
А нынче — гранитные плиты.
Здесь нет ни одной персональной судьбы —
Все судьбы в единую слиты.***

***А в Вечном огне — видишь вспыхнувший танк,
Горящие русские хаты,
Горящий Смоленск и горящий рейхстаг,
Горящее сердце солдата.***

***У братских могил нет заплаканных вдов —
Сюда ходят люди покрепче,
На братских могилах не ставят крестов...
Но разве от этого легче?!***

Мы победим, если есть такие песни...

Владимир ШАИНСКИЙ, композитор:

— Из всех песен о войне на первое место я поставил бы «Священную войну» Александра Александрова. В начале войны, когда я был школьником, эта песня произвела на меня ошеломляющее впечатление. Где-то под Ставрополем, отправляясь в эвакуацию, мы услышали из картонного репродуктора «Священную войну». Как сейчас вижу перед собой стоящую на дороге женщину с ребенком на руках, как мне показалось, жену офицера, которая плакала, когда звучала эта песня. Тогда наши войска отступали. Но женщина громко сказала: «Мы обязательно победим. Если есть такие песни, мы не можем погибнуть». Таким образом, «Священная война» и мне дала уверенность, что мы прогоним фашистов со своей земли, выстоим и победим.

Лариса ГОЛУБКИНА, народная артистка России:

— Я с двух лет пела весь репертуар Клавдии Ивановны Шульженко. Особенно мне нравилась песня «За околицей девица». В 60-х годах на концертах я часто исполняла «Землянку». Поскольку я профессиональная актриса, то не разделяю музыкальные произведения на любимые и не любимые. Тем не менее запали в душу именно песни в исполнении Шульженко.

Москвичи

(Сережка с Малой Бронной...)

Слова Е. Винокурова

Музыка А. Эшпая

*В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Сережка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.
А где-то в людном мире
Который год подряд
Одни в пустой квартире
Их матери не спят.*

*Свет лампы воспаленной
Пылает над Москвой
В окне на Малой Бронной,
В окне на Моховой.
Друзьям не встать. В округе
Без них идет кино.
Девчонки, их подруги,
Все замужем давно.*

*В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Сережка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.
Но помнит мир спасенный,
Мир вечный, мир живой,
Сережку с Малой Бронной
И Витьку с Моховой.*

Помнит мир спасенный...

Каждая гениальная песня от рождения становится частью судьбы нескольких поколений. У такой песни как минимум три равновеликих биографии, счастливо дополняющих друг друга, — ее авторов, первого исполнителя, и того, в чьем сердце эта песня поселилась. Навсегда.

Я рос далеко от Москвы, но песню (а точнее, балладу) «Москвичи» композитора Андрея Эшпая и поэта Евгения Винокурова пели все мальчишки нашего и соседних дворов, мои одноклассники, родившиеся через много лет после войны, родители моих одноклассников и мои родители за скромным праздничным столом. Третья, максимум четвертая рюмка поднимала со дна души на крыльях простенькой мелодии незамысловатые слова:

*В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Сережка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.*

Мир знает этот шедевр по очень личной строчке («Сережка с Малой Бронной»), хотя в песенниках иное название — официальное, а значит, безликое — «Москвичи». Я был уверен, что эта песня обо мне, хотя 40 лет назад даже не знал, что есть такая улица — Моховая. Более того! Мальчишкам во дворе (кто помладше) я доказывал, что эта песня обо мне. И они верили, потому что любили меня и готовы были поверить в любую нелепицу, лишь бы меня не обидеть. А мальчишкам постарше (чтобы набить себе цену) я доказывал, что эта песня посвящена моему дяде, дяде Сереже, так лихо исполняющему ее под гитару. И, похоже, кое-кто из них тоже этому верил. Потому что в это верил я сам!

На самом деле поэт-фронтовик Евгений Винокуров «списал» Сережку с Малой Бронной и Витьку с Моховой с 17-летнего Сашки Волкова, своего товарища, жившего в одном из переулков Арбата. Саша Волков с войны не вернулся.

Песня «Москвичи» («Сережка с Малой Бронной») — музыкальный репортаж, снайперски попавший в судьбу другого фронтовика — композитора Андрея Эшпая. Эшпай родился и жил на Бронной, правда, не на Малой Бронной, а на Большой. (Так он сам рассказал историку военной песни Юрию Бирюкову.) С Бронной Эшпай ушел на фронт. На Бронную же вер-

нулся. К счастью, живой и невредимый. (А вот брат Эшпая Валентин погиб у местечка Сольцы.)

Стихи Винокурова, напечатанные в журнале «Новый мир» (1955 г.), Эшпаю принес Марк Бернес. Эшпай жил на Большой Бронной в небольшой полуподвальной квартирке, из окна которой были видны лишь ноги прохожих. (Чаще — одиноких послевоенных женщин.) К весело жившему Эшпаю гости (в любое время суток) вваливались прямо с Большой Бронной в низкое окно. И Бернес доставил Эшпаю стихи Винокурова таким же мальчишеским способом. Эшпай поставил журнал на пюпитр рояля и... Почти тут же наиграл «зерно» (так говорят музыканты) мелодии. (Что с композитором Эшпаем никогда не бывало.) Так зацепили стихи. Он представил мать, ожидавшую с фронта сначала старшего сына Валью, а потом и его самого — младшего Андриюшу. Овдовевших женщин, спешащих мимо окна...

*А где-то в людном мире
Который год подряд
Одни в пустой квартире
Их матери не спят.*

И где-то под сердцем родилась песня. И стала чьей-то судьбой. Я до сих пор верю, что она и обо мне тоже...

Сергей РЫКОВ

Михаил НОЖКИН, актер, композитор:

— Когда слышу аккорды «Вставай, страна огромная», и сегодня хочется слушать песню стоя... На берегу Яузы, во дворе госпиталя, расположенного в бывшем Голицынском дворце, было несколько жилых корпусов. В одном из них ютилась наша семья. Ежедневно в госпиталь с передовой доставляли тяжелораненых. Мы видели ужасы войны через их страдания... Однажды по радио грянула эта песня. Помню, мы, мальчишки военного поколения, слушали ее, стоя вокруг репродукторов, затаив дыхание. В тот миг что-то произошло в душе каждого ребенка и каждого солдата. Сплотились воедино боль, гнев, вера в Победу. Простыми словами, могучей мелодией авторы угадали тревогу, вызванную тяжким испытанием. Песня стала не просто воспоминанием — памятью сердца. В сборниках моих стихов есть даже авторское посвящение — четверостишие о «Священной войне».

На безымянной высоте

Слова М. Матусовского

Музыка В. Баснера

*Дымилась роща под горою,
И вместе с ней горел закат...
Нас оставалось только трое
Из восемнадцати ребят.
Как много их, друзей хороших,
Лежать осталось в темноте —
У незнакомого поселка
На безымянной высоте.*

*Светилась, падая, ракета,
Как догоревшая звезда...
Кто хоть однажды видел это,
Тот не забудет никогда.
Он не забудет, не забудет
Атаки яростные те —
У незнакомого поселка
На безымянной высоте.*

*Над нами «мессеры» кружили,
И было видно, словно днем...
Но только крепче мы дружили
Под перекрестным артогнем.
И как бы трудно ни бывало,
Ты верен был своей мечте —
У незнакомого поселка
На безымянной высоте.*

*Мне часто снятся все ребята,
Друзья моих военных дней.
Землянка наша в три наката,
Сосна, сгоревшая над ней.
Как будто вновь я вместе с ними
Стою на огненной черте —
У незнакомого поселка
На безымянной высоте.*

Они возвращаются только в сны

Популярная песня «На безымянной высоте» на 20 лет моложе Победы. Написали ее композитор Вениамин Баснер и поэт Михаил Матусовский к кинофильму режиссера Владимира Басова «Тишина» по одноименному роману Юрия Бондарева.

Фильм Басова вышел на экраны страны в 1964 году. Герой «Тишины» пел голосом популярного тогда Льва Барашкова. «Высота» вмиг стала народной, ибо написана без излишнего пафоса, просто, как правда. Это — музыкально-поэтический слепок с конкретного боя на высоте 224,1 — у села Рубежанка под Смоленском. От взвода в живых осталось двое — Герасим Лапин и Константин Власов. Оба бойцы 718-го стрелкового полка 139-й стрелковой дивизии. Их командир, отчаянно храбрый лейтенант Евгений Порошин, вместе с 15 «смертниками» остался на «огненной черте». Герасима Лапина контузило разрывом снаряда, засыпало землей.

Лапин отлежался до темноты и ползком добрался до наших редутов. Израненный Константин Власов попал в плен. Бежал. Воевал в партизанском отряде.

О подвиге горстки «святых безумцев» написала газета 2-го Белорусского фронта.

Ее бывший редактор Николай Чайка показал заметку уже признанному поэту-песеннику Михаилу Матусовскому. Матусовский поспешил к композитору Баснеру..

Вскоре после выхода фильма «Тишина» на экраны на высоте 224,1, в землянке «в три наката», под молодой сосной, выросшей на месте сгоревшей, встретились авторы песни и двое уже немолодых солдат — Герасим Ильич Лапин и Константин Николаевич Власов. Они встретились на открытии памятника 18 храбрецам, закрывшим собой страну.

60 лет мимо этого места мчатся машины. И обязательно притормаживают и гудят. Как корабли.

Сергей РЫКОВ

Юрий БОНДАРЕВ, писатель, Герой Социалистического Труда, участник Великой Отечественной войны:

— На фронте постоянно пели «Темную ночь» и «Землянку». А еще была одна: «Южный ветер дует, развезло дороги. И на Южном фронте оттепель опять...» Не помню, как она называется. Знаю, что это песня композитора Модеста Табачникова. До середины 50-х она часто звучала по радио.

...Очень люблю песню из моего фильма «Тишина» — «На безымянной высоте». В ней есть не придуманная, а настоящая атмосфера боя, сам воздух фронта. В фильме «Тишина» ее великолепно исполнил Лев Барашков. Он поет ее не как профессиональный певец, а как солдат, потерявший всех своих друзей. Эта песня вызывает у меня большое чувство. После выхода картины она часто звучала в радио- и телеэфире, в концертах. Я слышал ее в разных уголках страны, где довелось побывать, и всюду она вызывала очень сильные эмоции.

Нелли ПРОТОРСКАЯ

Штрафные батальоны

Слова и музыка В. Высоцкого

*Всего лишь час дают на артобстрел —
Всего лишь час пехоте передышки,
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому — до ордена, ну а кому — до «вышки».*

*За этот час не пишем ни строки —
Молись богам войны артиллеристам!
Ведь мы ж не просто так — мы штрафники,
Нам не писать: «...считайте коммунистом»*

*Перед атакой — водку, — вот мура!
Свое отпили мы еще в гражданку,
Поэтому мы не кричим «ура».
Со смертью мы играемся в молчанку.*

*У штрафников один закон, один конец:
Коли, руби фашистского бродягу!
И если не поймаешь в грудь свинец —
Медаль на грудь поймаешь за отвагу.*

*Ты бей штыком, а лучше — бей рукой:
Оно надежней, да оно и тише,
И ежели останешься живой —
Гуляй, рванина, от рубля и выше!*

*Считает враг: морально мы слабы,
За ним и лес, и города сожжѐны.
Вы лучше лес рубите на гробы —
В прорыв идут штрафные батальоны!*

*Вот шесть ноль-ноль — и вот сейчас обстрел,
Ну, бог войны, давай без передышки!
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому до ордена, а большинству — до «вышки»...*

Кому — до ордена, кому — до «вышки»

Лекан Егор из крохотной деревеньки Лунь на берегу реки Вишеры войну начал в 1941 году. До этого Лекан никогда не покидал родных мест. По-русски он тогда говорил плохо. Но и это не спасло от дотошного политрука. Однажды, когда политрук начал воспитательную беседу с бойцами со слов, что к зиме Красная Армия будет брать Берлин, Лекан стал возражать ему: «Война, однако, долгой будет». Последовал приказ замолчать, но упрямый Егор все доказывал свою правоту. В конце концов он оказался в штрафбате. Именно здесь, уверяет солдат, он впервые услышал песню «Штрафные батальоны».

Лекан Егор в этом убеждении не один. Я не раз встречал фронтовиков в таежной глубинке, утверждавших то же самое. Аргумент всегда был один и тот же: не мог человек, не побывавший на фронте, написать такую песню. Впрочем, такая судьба у многих «военных» песен Владимира Высоцкого.

Однако для Коми «Штрафные батальоны» стоят особняком. Накануне войны на одном из крупнейших островов ГУЛАГовского архипелага в шести исправительно-трудовых лагерях содержалось 138 тысяч заключенных. Эта цифра сопоставима с тогдашним населением республики.

О начале войны в лагерях узнали в тот же день: в зонах транслировали по радио речь Молотова. Но через несколько дней в ИТЛ отключили радио, сняли репродукторы и перерезали провода трансляции. Изоляция рождала слухи о неблагополучии на фронте и усиливала тревогу. В лагерях резко ужесточился режим. В соответствии с директивой № 221 НКВД СССР и Прокуратуры СССР от 22 июня 1941 г. прекратилось освобождение из лагерей, тюрем и колоний «контрреволюционеров, бандитов, рецидивистов и других опасных преступников». Было запрещено бесконвойное использование заключенных на работах. Остановлена «всякая переписка заключенных... с волей». Но так продолжалось недолго. Тяжелые потери первых месяцев войны заставили советское правительство начать досрочно освобождать заключенных и «передавать их в Красную Армию».

— По Указам Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля и 24 ноября 1941 года «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений», — говорит председатель отделения «Мемориал» в Республике Коми Михаил Рогачев, — в начале войны было освобождено 420 тысяч человек. А всего в годы войны в армию были призваны 975 тысяч бывших зэков.

В другой своей песне Владимир Высоцкий пел:

*Все срока уже закончены,
А у лагерных ворот,
Что крест на крест заколочены,
Надпись: «Все ушли на фронт».*

И вот реальное подтверждение этой картины. Из Северо-Печорского ИТЛ за десять месяцев 1943 года из 57 460 заключенных было «передано в РККА» 34 084 человека. Практически все досрочно освобожденные направлялись в штрафные батальоны и роты, где им предстояло кровью заслужить место в обычных формированиях Красной Армии.

Из Коми первая партия штрафников была отправлена на фронт 13 декабря 1941 года.

Десятилетиями во время празднования Победы в Коми во время праздничных рапортов звучала цифра — республика направила на фронт 169 тысяч человек. Но никогда не сообщалось о том, что около 120 тысяч из них — это люди, взятые в штрафбаты из лагерей. Многие из них заслужили ордена и медали. А бывшие заключенные И.М. Воротынцев и Н.С. Бойков стали Героями Советского Союза, Г.С. Ореховский награжден тремя орденами Славы. Судьба большинства лагерников-штрафников не установлена до сих пор.

Долгое время об этой трагической странице Великой Отечественной войны ничего не говорилось. Песня Высоцкого, написанная в 1964 году, стала настоящим прорывом в информационном вакууме, который тогда окружал «идушие в прорыв» штрафные роты и батальоны.

Владимир ОВЧИННИКОВ

Он не вернулся из боя

Слова и музыка В. Высоцкого

*Почему все не так? Вроде — все как всегда:
То же небо — опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух и та же вода...
Только — он не вернулся из боя.*

*Мне теперь не понять, кто же прав был из нас
В наших спорах без сна и покоя.
Мне не стало хватать его только сейчас —
Когда он не вернулся из боя.*

*Он молчал невпопад и не в такт подпевал,
Он всегда говорил про другое,
Он мне спать не давал, он с восходом вставал,
А вчера не вернулся из боя.*

*То, что пусто теперь, — не про то разговор:
Вдруг заметил я — нас было двое...
Для меня — будто ветром задуло костер,
Когда он не вернулся из боя.*

*Нынче вырвалась, словно из плена, весна.
По ошибке окликнул его я:
«Друг, оставь покурить!» — а в ответ — тишина...
Он вчера не вернулся из боя.*

*Наши мертвые нас не оставят в беде,
Наши павшие — как часовые...
Отражается небо в лесу, как в воде,
И деревья стоят голубые.*

*Нам и места в землянке хватало вполне,
Нам и время текло — для обоих...
Все теперь — одному, только кажется мне —
Это я не вернулся из боя.*

Будто ветром задуло костер

Александр ЧЕРНОГОРОВ, губернатор Ставропольского края:

— Сказать, что я люблю песни Великой Отечественной — это слишком мало! Если при звуках «Священной войны» и сейчас, спустя больше шестидесятилет, народ встает, как при гимне, это нечто большее, чем любовь. Это как клятва! При первых словах песни «Враги сожгли родную хату» у меня на глазах до сих пор наворачивается слеза.

Ни за что не пропущу «Темную ночь», «Безымянную высоту», «Сережку с Малой Бронной», «Землянку» и множество других замечательных песен. Обязательно подпою и подыграю.

Кажется, мы все еще не вполне оценили военные песни Владимира Высоцкого. Беден духом тот, кто не прикоснулся к пронзительному «Яку-истребителю», «Штрафным батальонам», «Разведке боем», «Эй ты, недостреленный», «Он не вернулся из боя».

Валерий ВАСИЛЬЕВ, двукратный олимпийский чемпион по хоккею с шайбой:

— Мне очень нравится песня Владимира Высоцкого «Он не вернулся из боя». 27 сентября 1949 года, всего через 55 дней после моего рождения, мама получила похоронку на отца, капитана Васильева Ивана Александровича. Он прошел всю войну, а смерть настигла его в скоротечном бою с военными преступниками, которые попытались вырваться на свободу во время конвоирования. Надо ли говорить, что для меня, как пел Владимир Семенович, будто ветром задуло костер, когда отец не вернулся из боя?

Большой спорт, а тем более жизнь после завершения спортивной карьеры — это тоже арена величайших сражений. Саднит сердце при воспоминании о Валерии Харламове. Я потерял друга. И опять, как у Высоцкого: «Все теперь — одному, только кажется мне — это я не вернулся из боя»...

Алеша

Слова К. Ваншенкина

Музыка Э. Колмановского

*Белеет ли в поле пороша,
Пороша, пороша,
Белеет ли в поле пороша
Иль гулкие ливни шумят,
Стоит над горою Алеша,
Алеша, Алеша,
Стоит над горою Алеша —
В Болгарии русский солдат.*

*И сердцу по-прежнему горько,
По-прежнему горько,
И сердцу по-прежнему горько,
Что после свинцовой пурги
Из камня его гимнастерка,
Его гимнастерка,
Из камня его гимнастерка,
Из камня его сапоги.*

*Немало под страшною ношей,
Под страшною ношей,
Немало под страшною ношей
Легло безымянных парней,
Но то, что вот этот — Алеша,
Алеша, Алеша,
Но то, что вот этот — Алеша,
Известно Болгарии всей.*

*К долинам, покоем объатым,
Покоем объатым,
К долинам, покоем объатым,
Ему не сойти с высоты.*

*Цветов он не дарит девочкам,
Девчатам, девочтам,
Цветов он не дарит девочтам,
Они ему дарят цветы.*

*Привычный, как солнце, как ветер,
Как солнце и ветер,
Привычный, как солнце и ветер,
Как в небе вечернем звезда,
Стоит он над городом этим,
Над городом этим,
Как будто над городом этим
Вот так и стоял он всегда.*

*Белеет ли в поле пороша,
Пороша, пороша,
Белеет ли в поле пороша
Иль гулкие ливни шумят,
Стоит над горою Алеша,
Алеша, Алеша,
Стоит над горою Алеша —
В Болгарии русский солдат.*

Из камня его гимнастерка...

Яркая достопримечательность, без которой представить Пловдив невозможно, — это величественный Холм освободителей. Венчает его восемнадцатиметровая фигура советского воина в плащ-палатке, с автоматом и букетом роз в руках, высеченная из гранита. Этого русского солдата в Болгарии любовно называли Алеша. Памятник был открыт в 1957 году.

Осенью 1962 года в Пловдиве побывал композитор Эдуард Колмановский. Приехав домой, композитор поделился своими впечатлениями о том, что видел и слышал в Болгарии, с поэтом Константином Ваншенкиным, творческое содружество с которым началось с песни «Я люблю тебя, жизнь».

«Эдуард Савельевич привез из Болгарии фотографию памятника «Алеша», — вспоминал впоследствии поэт. — Его рассказ о том, как бережно болгары хранят память о советских воинах, проливших кровь за освобождение от фашизма, взволновал меня. Я прошел войну, воевал в Венгрии, Австрии, Чехословакии, потерял много боевых друзей, товарищей по оружию, мог погибнуть сам. Тема войны для поэта-фронтовика всегда кровоточит. Вот почему стихи родились быстро.

Впервые песня «Алеша» была опубликована в 1966 году в журнале «Старшина — сержант». Вскоре ее включил в свой репертуар Краснознаменный ансамбль песни и пляски Советской Армии. В 1967 году краснознаменцы привезли песню в Болгарию. В Пловдиве, у подножия памятника «Алеша», в присутствии многотысячной аудитории состоялось ее первое исполнение.

Юрий БИРЮКОВ

Николай ТРОИЦКИЙ, рядовой артбатареи 888-го стрелкового полка:

— Среди моих любимых песен — «Алеша». Приехав в Болгарию в командировку, я непременно решил побывать у Алеши — после чуда-песни он воспринимался как родной, близкий человек. Подъезжая к Пловдиву, я пою про себя и не перестаю удивляться и восхищаться, насколько душевно авторы сумели передать и впечатление от величественного памятника, и чувства глубокого уважения и любви братского народа к советскому воину-освободителю. И вот поднимаемся по ступеням торжественной лестницы. Наши цветы среди множества других ложатся к подножию монумента.

На выходные дни гостеприимные хозяева повезли меня в дом отдыха на берегу Черного моря. Там в это время отдыхали ветераны. Знакомства, беседы. Собрались у пианино. Что споем?

Право выбора — за гостем. Дошел ли сюда наш песенный Алеша? Первые аккорды показали: да, конечно! Запели негромко, с чувством, кто по-русски, кто по-болгарски, взявшись за руки, чуть покачивались в такт чарующей мелодии.

У деревни Крюково

Слова С. Острового

Музыка М. Фрадкина

*Шел в атаку яростный
Сорок первый год.
У деревни Крюково
Погибает взвод.
Все патроны кончились,
Больше нет гранат...
Их в живых осталось только семеро,
Молодых солдат...*

*Будут плакать матери
Ночи напролет:
У деревни Крюково
Погибает взвод.
Он не сдаст позиции,
Не уйдет назад.
Их в живых осталось только семеро,
Молодых солдат.*

*Лейтенант израненный
Прокричал: «Вперед!»
У деревни Крюково
Погибает взвод.
Но штыки горячие
Бьют не наугад...
Их в живых осталось только семеро,
Молодых солдат.*

*Отпылал пожарами
Тот далекий год.
У деревни Крюково
Шел стрелковый взвод...
Отдавая почести,
В тишине стоят
В карауле у холма печального
Семеро ребят.*

*Так судьбой назначено,
Чтобы в эти дни
У деревни Крюково
Встретились они.
Там, где пал со славою
Тот бессмертный взвод,
Там шумит, шумит сосна высокая,
Птица гнезда вьет.*

Их осталось семеро молодых солдат

До сих пор перед глазами картинка: в нашем подмосковном доме собираются ветераны, однополчане моего деда. Приезжали даже из других городов. Ведь Борис Васильевич Тагунов был командиром партизанского отряда, потом командовал истребительным батальоном. Сколько судеб сплелось с его судьбой! Вспоминали, как вмерзали в снега под селом Теряево, как брали немецкий штаб у Волоколамска, как вязли в боях с не сдавшимися гитлеровскими частями... А потом доставали баян, и ветераны затягивали песни.

Своей, военной, они считали и песню «У деревни Крюково». А ведь поэт Сергей Островой и композитор Марк Фрадкин написали ее в 1974 году, почти через три десятка лет после Победы. И отдали ансамблю «Самоцветы». Все уверены, что это — про реальный бой реального взвода, когда «в живых осталось только семеро молодых солдат». Что же за взвод обесмертил Островой?

Из воспоминаний маршала Рокоссовского: «Боуржан Момыш-Улы разорвал карту: «Дальше нам карта не нужна, мы не отступим».

Вот подразделение полковой разведки из двенадцати человек полностью погибает под огнем гитлеровцев. Бог мой, да сколько ж таких взводов, рот, батальонов и полков полегли у станции Крюково, в 41 километре от Москвы?!»

Как-то не хочется, чтобы все они были неизвестными, хочется каждого солдата назвать по имени... Под Зеленоградом и Крюково, там, где стоит мемориал, известный под названием «Штыки», спят вечным сном 473 его защитника.

Борис ГОЛКИН

За того парня...

Слова Р. Рождественского

Музыка М. Фрадкина

*Я сегодня до зари встану,
По широкому пройду полю, —
Что-то с памятью моей стало,
Все, что было не со мной, помню.*

*Бьют дождинки по щекам впалым;
Для Вселенной двадцать лет — мало.
Даже не был я знаком с парнем,
Обещавшим: «Я вернусь, мама...»*

Припев:

*А степная трава пахнет горечью,
Молодые ветра зелены.
Просыпаемся мы — и грохочет над полночью
То ли гроза, то ли эхо прошедшей войны.*

*Обещает быть весна долгой,
Ждет отборного зерна пашня...
И живу я на земле доброй
За себя и за того парня.*

*Я от тяжести такой горблюсь,
Но иначе жить нельзя, если
Все зовет меня его голос,
Все звучит во мне его песня.*

Припев.

Все звучит во мне его песня

Николай КОНДРАТЕНКО, депутат Государственной Думы:

— Моя любимая песня о войне — «Мальчишки». Помните, «мальчишки, вы первыми ринулись в бой, мальчишки-мальчишки, страну заслонили собой!».

Многие тогда ушли на фронт безусыми и погибли, так и не познав лучшего, что дано Богом. Сложили головы юными, защищая свою землю, Отечество, нас с вами. Мне с возрастом все больше становится жаль этих пацанов до боли. О том же песня «За того парня».

В нашей семье очень многое связано с войной. Мой отец погиб в 1942 году, но только недавно, когда был уже главой администрации Краснодарского края, я нашел его могилку в Керчи. Поехал в Крым на празднование юбилея освобождения от немецко-фашистских захватчиков и сказал об этом, выступая перед людьми. Там подняли «черные книги» военных госпиталей, и оказалось, отец похоронен в 200 метрах от входа в Аджимушкайские каменоломни. Я не раз бывал в этих катакомбах, но не знал, что могила отца совсем рядом.

Еще два моих дяди, мамины братья, погибли, когда немцы наступали, в прикубанских плавнях. Дядя Алексей, мой крестный, прошел всю войну, но в самом конце, в апреле 1945 года, после ранения, вместо того чтобы вернуться из госпиталя домой, запросился на фронт и умер от гангрены в Германии.

Дядя Алексей ушел на фронт неженатым, а у него в станице как-то неожиданно родился сын Иван, мой двоюродный брат. Тут же «шу-шу-шу» на ухо пошло, и вскоре все знали уже, чей у Райки ребенок — Алексея. А казаки не терпели безотцовщины! Дед Егор бабу Марию за руку: «Ну, пишлы до Райки». И сразу к люльке. Посмотрел и говорит: наш, забираем! Потом, когда наши войска отступали, дядя Алексей забежал домой — и его тут же в сельсовет регистрироваться.

Дед мой Егор, когда началось наступление, пошел на фронт в санитарный поезд. Израненный весь вернулся, прожил полтора года и умер. Поэтому к празднику Победы у нас в семье особое почтение. Для меня он и сейчас со слезами на глазах, а когда смотрю фильмы той поры — комок подкатывает. И так больно, что сейчас накачивается космополитизм, пренебрежение к Отечеству, к земле, к нации и ко всему русскому.

Последний бой

Слова и музыка М. Ножкина

*Мы так давно, мы так давно не отдыхали.
Нам было просто не до отдыха с тобой.
Мы пол-Европы по-пластунски пропахали,
И завтра, завтра наконец последний бой.*

Припев:

*Еще немного, еще чуть-чуть,
Последний бой, он трудный самый.
А я в Россию, домой хочу,
Я так давно не видел маму!*

*Четвертый год нам нет житья от этих фрицев,
Четвертый год соленый пот и кровь рекой.
А мне б в девчоночку в хорошую влюбиться,
А мне б до Родины дотронуться рукой.*

Припев.

*Последний раз сойдемся завтра в рукопашной,
Последний раз России сможем послужить,
А за нее и помереть совсем не страшно,
Хоть каждый все-таки надеется дожить!*

Припев.

А я в Россию, домой хочу

Песню «Последний бой» известный актер Михаил Ножкин написал через много лет после Великой Победы. Но ветераны сразу поставили ее вровень с теми эпохальными произведениями, которые помогали им побеждать в годы Великой Отечественной. Песню полюбили не только убежденные седины герои — сегодня «Последний бой» поют и школьники на торжественных линейках, и футбольные болельщики в надежде поднять боевой дух команды. Ее исполняют симфонические оркестры и поют в задушевных компаниях у костра. Поют пожилые люди во время застолья и молодые эстрадные и оперные звезды на знаменитых сценах. Недавно Дмитрий Хворостовский включил ее в свой концертный репертуар, и в канун 60-летия Победы «Последний бой» с новой силой грянул с лучших сценических площадок страны...

— Песню «Последний бой» я написал в 1969 году по просьбе Юрия Озерова, режиссера фильма «Освобождение», где я сыграл роль молодого советского лейтенанта, отчаянно воюющего с гитлеровцами, — рассказывает «Трибуне» автор музыки и слов Михаил Ножкин. — Премьера песни состоялась одновременно с выходом фильма на большой экран. Песня, что звучит в фильме, — ее третий вариант. Первый не прошел: военно-художественный совет во главе с генералами, военачальниками не утвердил слова «Много дров наломала война и солдат погубила немало...». Но эта история — отдельный большой рассказ, тратить на него внимание читателей сейчас не будем.

Я написал второй вариант. Хорошая получилась песня, она даже записана у меня на одном из CD. В ней есть такие строки: «Все на свете на рассвете началось». Но и тот вариант заставили переделать — он оказался длинноват и немного перерос контекст фильма, опережая события, о которых говорится в «Освобождении». Я написал третий вариант песни. Это и есть нынешний «Последний бой».

— Создание песни заняло немного времени — меньше месяца, — продолжает мой собеседник. — Но когда меня спрашивают, как я уложился в такой короткий срок, всегда вспо-

минаю Михаила Светлова. «Неужели правда, что «Каховку» вы написали всего за 40 минут?» — с недоумением спрашивали его. «Правда, — отвечал Светлов, — 40 минут, и вся жизнь».

Детство Михаила Ножкина прошло во дворе военного госпиталя в центре Москвы. На глазах ребят с фронта везли окровавленных бойцов. О чем говорили тяжелораненные? О доме, матери, о любимой женщине, но только не о войне...

— Я потерял детские впечатления своей души, и песня сложилась сама собой, — говорит он. — Мною написано много военных песен, но «Последний бой» особенно дорог. Тем, что в нем угадан дух того времени. Фронтовики приняли песню так, словно она написана в годы войны. Любовь и признание слушателей — высшая для меня награда.

И еще очень дорогая деталь, Клавдия Ивановна Шульженко в 1970-х годах, прощаясь с большой сценой, обратилась к Ножкину с просьбой: «Михаил, разрешите исполнить песню «Последний бой» на моем юбилейном, финальном концерте».

— Вместе с ней выступали многие знаменитые музыканты, в том числе пианист Давид Ашкенази, — вспоминает композитор, поэт, актер. — Концерт проходил в Колонном зале Дома союзов. Есть телезапись того выступления Клавдии Шульженко. И есть такие кадры: в тот вечер «Последний бой» весь зал слушал стоя...

Татьяна НАУМОВА

Нам нужна одна победа

Слова и музыка Б. Окуджавы

*Здесь птицы не поют,
Деревья не растут,
И только мы плечом к плечу
Врастаем в землю тут.
Горит и кружится планета,
Над нашей Родиной дым,
И значит, нам нужна одна победа,
Одна на всех — мы за ценой не постоим,
Одна на всех — мы за ценой не постоим.*

*Припев:
Нас ждет огонь смертельный,
И все ж бессилён он.
Сомненья прочь, уходит в ночь отдельный
Десятый наш десантный батальон,
Десятый наш десантный батальон.*

*Едва огонь угас —
Звучит другой приказ,
И почтальон сойдет с ума,
Разыскивая нас.
Взлетает красная ракета,
Бьет пулемет, не утомим...
И значит, нам нужна одна победа,
Одна на всех — мы за ценой не постоим,
Одна на всех — мы за ценой не постоим.*

Припев.

*От Курска и Орла
Война нас довела
До самых вражеских ворот —
Такие, брат, дела...*

*Когда-нибудь мы вспомним это —
И не поверится самим...
А нынче нам нужна одна победа,
Одна на всех — мы за ценой не постоим,
Одна на всех — мы за ценой не постоим.*

Припев.

*Нас ждет огонь смертельный,
И все ж бессилён он.
Сомненья прочь, уходит в ночь отдельный
Десятый наш десантный батальон,
Десятый наш десантный батальон.*

Песня «непромокаемого» батальона

Картину «Белорусский вокзал», где впервые прозвучала песня, справедливо относят к фильмам о Великой Отечественной войне, хотя нет в ней ни единого военного кадра. Четверо фронтовых друзей встречаются много лет спустя после войны по горестному поводу — на похоронах своего бывшего однополчанина. Они не виделись четверть века. В этот насыщенный событиями, оказавшийся очень значительным для них день держит экзамен на прочность их фронтовая дружба, проверяются сила и крепость их боевого солдатского братства. И оказывается, что они верны им по-прежнему, готовы прийти на помощь друг другу, постоять за правду.

Кульминационным в фильме стал эпизод, когда четверо друзей, роли которых исполнили Алексей Глазырин, Анатолий Папанов, Всеволод Сафонов и Евгений Леонов, приходят в гости к бывшей медсестре своего десантного батальона. Помянув боевого товарища и припомнив былые бои, друзья-однополчане просят хозяйку: «Спой, Рая. Нашу, десятого непромокаемого батальона любимую!»

И героиня картины, роль которой сыграла актриса Нина Ургант, потихоньку запекает, а остальные подхватывают.

Самой песни в сценарии поначалу не было — была только ремарка о ее необходимости.

Шло время. Уже была отснята половина будущего фильма,

а песню все никак не могли подобрать. И тогда решили обратиться к поэту-фронтовику Булату Окуджаве. Булат Шалвович стал отказываться.

Сопровитлялся он долго. Еле уговорили. И очень скоро Окуджава принес стихи, к которым сам же сочинил и мелодию.

Сначала песня не произвела впечатления ни на режиссера, ни на киностудию. Все это происходило в присутствии композитора Шнитке, писавшего музыку к «Белорусскому вокзалу». И вдруг именно он, один-единственный, сказал:

— Послушайте, а ведь это очень интересно.

Тут же воспроизвел песню сам, он и Окуджава начали петь дуэтом. И тогда запела вся группа. «По-моему, в фильме она исполнена именно так, как и должна была прозвучать: без особого умения, на нерве», — говорил Булат Шалвович.

Юрий БИРЮКОВ

Тихон ХРЕННИКОВ, композитор, Герой Социалистического Труда:

— Песен о войне написано-переписано большое количество. И плохих, и хороших. Я даже не рискну выделить какую-нибудь из них, но сразу вспоминается «Нам нужна одна победа!» из кинофильма «Белорусский вокзал».

Я всегда относился с неким недоверием к творчеству самодеятельных авторов, но тут я должен отдать должное Булату Окуджаве, который написал, на мой взгляд, эпохальную песню. Как композитор знаю, сочетать музыку со словами бывает очень трудно. Окуджаве это удалось. Свою «изюминку» добавила и непревзойденная Нина Ургант. Она спела ее столь эмоционально, что, боюсь, никто из артистов не сможет повторить ее трагизм, хотя, следует заметить, она далеко не профессиональная певица.

Мария ПОРОШИНА, актриса:

— Мне очень нравится песня из кинофильма «Белорусский вокзал». От нее всегда хочется плакать... Когда я была маленькой, по телевизору часто показывали эту картину. И я откладывала все дела, чтобы ее посмотреть. Меня всегда поражало то, как под песню объединялись все герои кинокартины, как они сливались с ней в одно единое целое. Теперь я сама с большим удовольствием пою эту песню в спектаклях.

Вечный огонь

(Песня из кинофильма «Офицеры»)

Слова Е. Аграновича

Музыка Р. Хозака

*От героев былых времен
Не осталось порой имен.
Те, что приняли смертный бой,
Стали просто землей и травой...
Только грозная доблесть их
Поселилась в сердцах живых.
Этот вечный огонь, нам завещанный одним,
Мы в груди храним.*

*Погляди на моих бойцов —
Целый свет помнит их в лицо.
Вот застыл батальон в строю,
Многих старых друзей узнаю.
Хоть им нет двадцати пяти,
Трудный путь им пришлось пройти.
Это те, кто в штыки поднимался как один,
Те, кто брал Берлин!*

*Нет в России семьи такой,
Где не памятен свой герой.
И глаза молодых солдат
С фотографий увядших глядят.
Этот взгляд — словно высший суд
Для ребят, что сейчас растут.
И мальчишкам нельзя ни солгать, ни обмануть,
Ни с пути свернуть.*

Терять сыновей — нет ничего страшнее

Константин ПУЛИКОВСКИЙ, полномочный представитель президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе:

— Нашу семью завораживают слова и мелодия песни из кинофильма «Офицеры». То, о чем поется в ней, мы пережили сами. Дед мой воевал в Первую мировую войну, отец — участник Великой Отечественной. Их уже нет в живых, а я помню их слова: мы воевали для того, чтобы не гибли на войне наши дети и внуки.

Помните, как поется:

*Хоть им нет двадцати пяти,
Трудный путь им пришлось пройти...*

Когда погиб в Чеченской войне мой сын, Алешка, отец сказал: «Значит, плохо мы воевали, если продолжают гибнуть наши внуки». Не дай Бог, кому-либо испытать то, что пережил я тогда в 1995 году. Потерять сына — нет ничего страшнее в жизни. Когда меня сейчас спрашивают, что вас страшит в работе, чего вы боитесь, я отвечаю: самое страшное в жизни я уже пережил.

*И глаза молодых солдат
С фотографий увядших глядят...»*

Погиб сын, а я подумал, что и моя жизнь остановится. Меня спасла его дочка, Сонечка. На второй день после похорон она (ей было чуть больше года) сказала моей супруге Вере Ивановне: «Бабушка, хочу молока». И я понял, что жизнь продолжается. Что у нас есть внучка, о которой надо заботиться, которую надо ставить на ноги, ведь она потеряла отца. Я собрался и пошел за молоком. Через 40 дней горя мне не позволили замкнуться в своей трагедии мои командиры. Командующий войсками Северо-Кавказского военного округа Анатолий Васильевич Квашнин позвонил мне и приказал вновь отправиться в командировку в Чечню. Я ему благодарен за это. Мне уже надо было думать не о личной трагедии, а об уничтожении бандитов, об улучшении жизни мирных жителей, думать о тысячах своих подчиненных.

*Этот вечный огонь, нам завещан одним,
Мы в груди храним.*

Александр КУЗНЕЦОВ, ветеран Великой Отечественной войны:

— Из всех военных песен я выбираю «Землянку» — по-моему, это одно из самых правдивых сочинений войны. «До тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага» — именно так все и было эти четыре долгие годы самой страшной и кровопролитной в истории человечества войны.

А мое самое первое впечатление о ней сохранилось не с первого боя, и даже не с ранения, а с такой вот картинки. Мы пришли на рассвете вместе с батальонной кухней в распадок, где солдатам стали раздавать обед. Впрочем, это был и завтрак, и обед одновременно. Тут же лицом вниз лежал солдат, погибший от осколка мины. Один боец, получив в котелок кулеш, сел рядом, между лопаток погибшего пристроил котелок и стал спокойно есть. Я не мог оторвать взгляда от этой картины, меня это ошарашило.

Такое же острое чувство испытал и тогда, когда впервые услышал «Землянку». Сразу же подумалось: это про нас. Про таких, как я... И сейчас не могу эту песню слушать без слез...

Виталий ПЫРХ
г. Красноярск

Девичья песня

Слова М. Исаковского

Музыка В. Соловьева-Седого

*Не тревожь ты себя, не тревожь,
Обо мне ничего не загадывай
И, когда по деревне идешь,
На окошко мое не поглядывай.*

*Зря записок ко мне не пиши,
Фотографий своих не раздаривай:
Голубые глаза хороши,
Только мне полюбилися карие.*

*Полюбились любовью такой,
Что вовек никогда не кончается...
Вот вернется он с фронта домой
И под вечер со мной повстречается.*

*Я прижму его к сердцу, прижму
Молодыми руками горячими,
И скажу я в тот вечер ему,
Что самую судьбой предназначено.*

*А тебя об одном попрошу —
Понапрасну меня не испытывай.
Я на свадьбу тебя приглашу,
А на большее ты не рассчитывай.*

Песни о личном, о сокровенном...

Дмитрий ХАРАТЬЯН, актер:

— Мои любимые песни о войне — «Темная ночь» и «Землянка». Они настоящие, подлинные. В них нет ложного пафоса, героики, патетики. И вместе с тем в этих тихих песнях так передано величие духа, человеческого подвига — ну просто мороз по коже. И, что важно, с годами это ощущение не тускнеет.

Гарик СУКАЧЕВ, музыкант:

— Для меня главные песни войны — «Синий платочек» и «Темная ночь». Они нежные, грустные, в них тихие человеческие чувства. Почему они дороги каждому? Потому что они очень личные. Каждый, для кого что-то значат любовь, расставание, семья, дети, найдет в этих песнях свое. Народ всегда их будет петь. Еще и потому, что это песни надежды.

Григорий ГЛАДКОВ, композитор:

— Из фронтовых песен мне очень нравится «Землянка» за простые строчки: «До тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага». Трогает за душу песня «Огонек».

Однажды в телепередаче «В нашу гавань заходили корабли» я исполнил когда-то популярную, а сегодня забытую песню «Обыкновенный русский человек». В ней поется о том, что обыкновенные, простые люди победили в этой войне, вынесли все на своих плечах. Музыку восстановил со старой записи очень плохого качества. А потом эту песню уже пела Людмила Гурченко.

На всю оставшуюся жизнь...

Слова Б. Вахтина и П. Фоменко

Музыка В. Баснера

*Сестра, ты помнишь, как из боя
Меня ты вынесла в санбат?
Остались живы мы с тобою
В тот раз, товарищ мой и брат.*

*На всю оставшуюся жизнь
Нам хватит подвигов и славы,
Победы над врагом кровавым, —
На всю оставшуюся жизнь.*

*Горели Днепр, Нева и Волга,
Горели небо и поля...
Одна беда, одна тревога,
Одна судьба, одна земля...*

*На всю оставшуюся жизнь
Нам хватит горя и печали.
Где те, кого мы потеряли
На всю оставшуюся жизнь?*

*Сестра и брат... Взаимной верой
Мы были сильными вдвойне.
Мы шли к любви и милосердию
В немилосердной той войне.*

*На всю оставшуюся жизнь
Запомним братство фронтовое,
Как завещание святое,
На всю оставшуюся жизнь.*

День памяти и год забвения

Отзвучала проникновенная «Россияночка», растаяли последние такты песни-исповеди «Я не могу иначе». Растроганные слушатели просили «Сережу» и «Деревенскую»...

— Я не могу отказать вам, — сказала Валентина Толкунова.
— С радостью спою для вас эти песни...

И она пела. Искренне, сердечно.

А потом радушные хозяева пригласили гостей на небольшой теплоход, чтобы показать Дон. Едва отплыли от причала, как ударил — к счастью! — крупный дождь. Опустили жалюзи, уселись потеснее вокруг щедрого стола. Дождь оборвался так же внезапно, как начался. Промытый воздух овевал палубу, открытую ветру.

Все реже мигали огоньки на берегу. Самые смелые голоса на дальнем конце стола, ободренные первыми тостами, уже затянули песню про Дон, по которому гуляет казак молодой, про тех, кто уходил в поход в далекие края, о фронтовиках...

— Ветераны у меня вызывают слезы, — тихо сказала Валентина Васильевна. — Они теперь такие беспомощные, один раз в году радуются, в праздник Победы, когда надевают медали и ордена. Один радостный день в году. Не потому, что им дали бутерброд или добавили жалкие гроши к пенсии, а потому, что чувствуют, как нужны людям, за которых пролили кровь. Но нужны всего на один день. На несколько часов. К ним подходят дети, дарят цветы. Один раз в году дети почтительны...

— Один день памяти и год забвения... Иногда говорят, что такой праздник больше не нужен. Кошунство! Сейчас это единственный общенародный праздник, который сближает все наши поколения, все нации, живущие в России, возвращает нам гордость и надежду. Ветеранам я посвятила пластинку, двойной альбом «Если б не было войны».

Сергей ДНЕПРОВ

Журавли

Слова Р. Гамзатова, перевод Н. Гребнева

Музыка Я. Френкеля

*Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.
Они до сей поры с времен тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса?*

*Летит, летит по небу клин усталый,
Летит в тумане на исходе дня,
И в том строю есть промежуток малый,
Быть может, это место для меня.
Настанет день, и с журавлиной стаяй
Я поплыву в такой же сизой мгле,
Из-под небес по-птичьи окликая
Всех вас, кого оставил на земле.*

*Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.*

Птицы на все времена

Есть песни вне времени и пространства. Относящиеся, разумеется, ко времени, когда они созданы, и ко времени, которому они посвящены, эти песни все равно поднимаются выше и движутся дальше, как перелетные птицы: с севера на юг или с юга на север. Эти песням неважно, о какой войне в них поется, — о Гражданской ли, Отечественной ли, об афганской или о чеченской. А может быть, вообще — о сражении на поле Куликовом?

Под эту песню даже медленно кружились пары. В кружении их было нечто журавлиное — задумчивое, немного отрешенное и возвышенное. Казалось бы, песня — не для танца, пусть даже медленного. А получилось, что и для танца.

Позвонил своему старинному знакомому — участнику битвы на Курской дуге Василию Николаевичу Пьянкову. Он считает «Журавлей» своими. Говорит:

— Понятное дело, что во время войны мы пели другие песни. «Журавли», которые стали известны благодаря исполнению Марка Бернеса, написаны намного позже окончания войны. Но песня что надо! Когда я ее слушаю, вспоминаю не только однополчан, которых потерял в бою (впрочем, сейчас они почти все потихоньку с земного счета списались — мне уже за 80!), но и сына своего, исчезнувшего бесследно уже в наши дни. У меня свой «промежуток малый»...

Пьянков подтвердил мои мысли относительно этой песни: на все она времена, на всех людей и, кстати, не только — солдатская. Это — как с песней «Ты жива еще, моя старушка...» на стихи Сергея Есенина, которая и для академиков, и для заключенных. Впрочем, в России они часто менялись местами — академики и заключенные.

Родня, одним словом...

Юрий БЕЛИКОВ

Александр ТКАЧЕВ, губернатор Краснодарского края:

— Я родился в семье, где о Великой Отечественной войне знают не понаслышке — воевали и мой дед, и мой отец. Ко-

нечно, их рассказы, воспоминания оказали на меня большое влияние... Отсюда и любимая песня, она у нас с отцом одна — «Журавли» на стихи Расула Гамзатова. Мне кажется, что, слушая эту песню, можно понять, чем для нас всех была эта война.

Когда мы всей семьей собираемся за одним столом, отец обязательно вспоминает что-либо о войне, просит меня «наиграть «Журавлей», а сам в это время потихоньку вполголоса напевает.

ЮЛИАН, певец, заслуженный артист России:

— Песня «Журавли» в исполнении Марка Бернеса всегда была мне дорога. Это любимая песня моего дедушки, прошедшего через все тяготы войны. Именно эта песня всегда звучала в нашем доме на День Победы. Так и повелось, что с самого раннего детства «Журавли» всегда у меня ассоциировались с этим праздником, с домашним торжеством и, конечно же, дедушкой и его историями о войне.

Когда я стал взрослее и стал заниматься музыкой, я всегда пел эту песню в День Победы нашим гостям. А к 60-летнему юбилею Победы решил записать «Журавлей» в своем исполнении, включить ее в свою программу и радовать ею всех тех, для кого память о Великой Отечественной войне жива и сегодня.

Баллада о матери

(Алешенька)

Слова А. Дементьева

Музыка Е. Мартынова

*Постарела мать за много лет,
А вестей от сына нет и нет.
Но она все продолжает ждать,
Потому что верит, потому что мать.
И на что надеется она?
Много лет, как кончилась война.
Много лет, как все пришли назад,
Кроме мертвых, что в земле лежат.
Сколько их в то дальнее село,
Мальчиков безусых не пришло.*

*...Раз в село прислали по весне
Фильм документальный о войне.
Все пришли в кино — и стар, и мал,
Кто познал войну и кто не знал.
Перед горькой памятью людской
Разливалась ненависть рекой.
Трудно было это вспоминать.
Вдруг с экрана сын взглянул на мать.
Мать узнала сына в тот же миг,
И пронесся материнский крик:
— Алексей! Алешенька! Сынок! —
Словно сын ее услышать мог.
Он рванулся из траншеи в бой.
Встала мать прикрыть его собой.
Все боялась — вдруг он упадет,
Но сквозь годы мчался сын вперед.
— Алексей! — кричали земляки.
— Алексей! — просили, — добеги!..*

*Кадр сменился. Сын остался жить.
Просит мать о сыне повторить.
И опять в атаку он бежит,
Жив-здоров, не ранен, не убит.
— Алексей! Алешенька! Сынок! —
Словно сын ее услышать мог...
Дома все ей чудилось кино...
Все ждала, вот-вот сейчас в окно
Посреди тревожной тишины
Постучится сын ее с войны.*

Алексей, Алешенька, сынок

Песня «Баллада о матери» Евгения Мартынова и Андрея Дементьева, пожалуй, стала первым моим соприкосновением с темой войны. Помню, совсем еще крохотной смотрела «Голубой огонек», и там красивый, русоволосый дяденька пел-рассказывал историю матери, потерявшей на войне сына и снова его обретшей на экране кинохроники.

Хотелось тут же броситься к собственной маме, прижаться и почувствовать, ощутить эту неразрывную связь с самым родным человеком на свете. А потом я выросла и узнала, что «красивого, русоволосого дяденьку» зовут Евгений Мартынов и что он написал еще очень много теплых, пронзительных песен.

А вскоре «Балладу» запела со сцены София Ротару, и страдания матери теперь уже обрели зримые женские черты. Сколько слышала эту песню, столько и плакала. В повзрослевшем воображении уже рисовался душный кинозал, забитый уставшими людьми, экран с потрескавшейся пленкой и глаза женщины — сначала мертвые, потом подернутые испугом, а потом — озаренные надеждой...

Песня «Баллада о матери» вмиг прославила Евгения Мартынова, простого донбасского паренька. В 1974 году она была признана песней года. А позднее выяснилось, что в истории создания баллады — много личного.

Родители Мартынова — Григорий Иванович и Нина Трофимовна — прошли всю войну, познакомились в прифронто-

вом госпитале в освобожденной Венгрии. Пережили боль утрат и много рассказывали об этом сыну.

Прошло более тридцати лет со времени создания «Баллады о матери». Нет уже с нами Евгения Мартынова, а песня живет и будит в нас сильные чувства, воскрешает давние воспоминания или, как в моем случае, первые детские переживания... Настоящая песня.

Илона ЕГИАЗАРОВА

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ, автор стихов к «Балладе о матери»:

— Много лет назад, отдыхая на Кавказе, услышал по радио скороговорочную информацию о том, что в одном горном селе мать-грузинка, спустя почти целую жизнь, увидела на экране документального военного фильма своего пропавшего без вести сына. И все. Ни комментариев, ни подробностей. Но история меня взволновала. Эмоциональные подробности я дообразил и понял, что эта песня потрясет. Музыка Мартынова, драматическое исполнение усилили слова.

Юрий МАРТЫНОВ, композитор, брат Евгения:

— Я помню, как в донецкий период своего творчества Женья, погрузившись в поэтические сборники, пытался найти стихи, созвучные его песенным замыслам. И вот однажды, в 1971 году, в его руки попало стихотворение Андрея Дементьева, потрясшее молодого композитора своим острым и глубоким сюжетом, простым и точным языком, эмоциональной открытостью и публицистично-репортажной динамичностью, свойственной больше не поэтическим формам, а газетной хронике военных лет... Песня «Баллада о матери» — это, без преувеличения, шедевр советской песенной классики.

София РОТАРУ, исполнительница «Баллады о матери»:

— Исполняя песню, все время из последних сил пыталась сдерживать слезы. А мой маленький сын, видя, как я мучаюсь и страдаю, однажды не выдержал и расплакался: «Мама, почему ты кричишь: «Алексей, Алешенька, сынок!»?! Я ведь твой сынок, и зовут меня Руслан»...

Махнем не глядя...

Слова М. Матусовского

Музыка В. Баснера

*Прожектор шарит осторожно по пригорку,
И ночь поэтому нам кажется темней...
Который месяц не снимал я гимнастерку,
Который месяц не расстегивал ремней!
Есть у меня в запасе гильза от снаряда,
В кисете вышитом — душистый самосад...
Солдату лишнего имущества не надо,
Махнем не глядя, как на фронте говорят...*

*Солдат хранит в кармане выцветшей шинели
Письмо от матери да горсть родной земли.
Мы для победы ничего не пожалели,
Мы даже сердце, как НЗ, не берегли.
Что пожелать тебе сегодня перед боем?
Ведь мы в огонь и дым идем не для наград.
Давай с тобою поменяемся судьбою,
Махнем не глядя, как на фронте говорят...*

*Мы научились под огнем ходить не горбясь,
С жильем случайным расставаться не скорбя.
Вот потому-то, наш родной гвардейский корпус,
Сто грамм с прицепом надо выпить за тебя!
Покуда тучи над землей еще теснятся,
Для нас покоя нет и нет пути назад.
Так чем с тобой мне на прощанье обменяться?
Махнем не глядя, как на фронте говорят...*

В памяти на всю оставшуюся жизнь

В школе учитель-фронтовик Николай Руфович предложил разучить песни и пойти к раненым. Несколько репетиций, и мы идем в ближайший госпиталь. Пели мы первой любимую нашу:

*Пришли четыре фрица
В июльский день к реке
Немного освежиться,
Погреться на песке.
Плывут четыре фрица
На берег на другой,
Хотят в кустах укрыться:
Кустарник там густой.
В кустах засели ловко
Три парня молодых.
Велят поднять им руки, но...
Нет трусов на них!
Вся рота веселится,
От смеха полегла:
Пришли четыре фрица
В чем мама родила!..*

Раненые взрывались хохотом. Слышим: «Еще спойте! Еще!»
Потом мы поем еще одну любимую песню:

*Провожала мать сыночка,
Крепко-крепко обняла,
Не утерла глаз платочком,
Горьких слез не пролила.
— Я дарю тебе платочек.
Вытирай им пот и кровь.
В тот платочек в узелочек
Завязала я любовь...*

Прошли годы, вместе с мужем, бывшим летчиком, под гитару мы поем песни, запомнившиеся со школьных лет.

Тамара НОСКОВА (КОВАЛЕВА)

г. Волгоград

Бери шинель, пошли домой

Слова Б. Окуджавы

Музыка В. Левашова

*А мы с тобой, брат, из пехоты,
А летом лучше, чем зимой,
С войной покончили мы счеты —
Бери шинель, пошли домой!*

*Война насгнула и косила,
Пришел конец и ей самой.
Четыре года мать без сына —
Бери шинель, пошли домой.*

*К золе и к пеплу наших улиц
Опять, опять, товарищ мой,
Скворцы пропавшие вернулись —
Бери шинель, пошли домой.*

*А ты с закрытыми очами
Спишь под фанерною звездой.
Вставай, вставай, однополчанин, —
Бери шинель, пошли домой.*

*Что я скажу твоим домашним,
Как встану я перед вдовой?
Неужто клясться днем вчерашним —
Бери шинель, пошли домой.*

*Мы все — войны шальные дети —
И генерал, и рядовой.
Опять весна на белом свете —
Бери шинель, пошли домой!*

Вставай, вставай, однополчанин...

Песня «Бери шинель, пошли домой» пришла к нам из фильма «От зари до зари». Вышел он на экраны в год 30-летия Победы. Но речь в нем шла не о войне, а о жизни и людях современной деревни.

Главный герой картины — колхозный бригадир Федор Рожнов, роль которого прекрасно сыграл актер Николай Пастухов. Так вот, в фильме прослеживался всего один день, прожитый Рожновым, как говорится, от зари до зари. День этот заполнен трудом и заботами, радостями и огорчениями. А завершается он волнующей встречей главного героя с фронтовыми друзьями. Волнующим отзвуком этих воспоминаний и становится в фильме «Песня о погибшем друге» — так поначалу была она названа ее авторами — поэтом-фронтовиком Булатом Окуджавой и композитором Валентином Левашовым.

Многие связывают рождение песни «Бери шинель...» и первую встречу с ней с другим фильмом.

— Вскоре после выхода на экран картины «От зари до зари» у меня в квартире раздался неожиданный звонок из Киева. Звонил мой друг, известный киноартист и режиссер Леонид Быков, с которым судьба счастливо свела меня когда-то в работе над фильмом «Ссора в Лукашах», — рассказывал Левашов.

Л. Быков в это время работал над фильмом «Аты-баты, шли солдаты». Как выяснилось из дальнейшего разговора, он по радио слышал мою песню «Бери шинель, пошли домой» и под нее уже снял сотни метров пленки.

Когда я ему сказал, что песня «Бери шинель...» уже звучит в фильме «От зари до зари», то просто сердцем почувствовал, как он побледнел. Ну а если точнее, то он просто лишился дара речи.

Минут пять продолжалось молчание, а потом он сказал: «Я позвоню дня через два...»

Звонок состоялся. Левашов посоветовал пригласить в качестве композитора другого автора, а песню «Бери шинель» оставить, указав в титрах ее авторов. Быков так и поступил.

Юрий БИРЮКОВ

Где же вы теперь, друзья-однополчане?

Слова А. Фатьянова

Музыка В. Соловьева-Седого

*Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои.
Где же вы теперь, друзья-однополчане,
Боевые спутники мои?*

*Я хожу в хороший час заката
У сосновых новеньких ворот;
Может, к нам сюда знакомого солдата
Ветерок попутный занесет.*

*Мы бы с ним припомнили, как жили,
Как теряли трудным верстам счет.
За победу мы б по полной осушили,
За друзей добавили б еще.*

*Если ты случайно не женатый,
Ты, дружок, нисколько не тужи,
Здесь у нас в районе, песнями богатым,
Девушки уж больно хороши.*

*Мы тебе колхозом дом построим,
Чтобы видно было по всему:
Здесь живет семья русского героя,
Грудью защищавшего страну.*

*Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои.
Где же вы теперь, друзья-однополчане,
Боевые спутники мои?*

За победу мы б по полной осушили...

«Отгремели залпы победных салютов. Ушел в историю май 1945 года. А мне все снились военные дороги. И в песню нет-нет, да и стучались военные друзья... — вспоминал композитор Василий Павлович Соловьев-Седой в книге «Пути-дороги» и далее рассказывал о том, как встретился однажды во время поездки на большую сибирскую стройку с бывшими воинами-фронтовиками, долго беседовал с ними, недавними солдатами, которых раскидало, разметало по всей стране. «Возвращаясь в Ленинград, я все думал о них, — писал композитор, — и мне вдруг в голову пришла фраза: «Где же вы теперь, друзья-однополчане?» Я стал варьировать эту фразу, искать для нее мелодическое и ритмическое решение. Потом наиграл мелодию своему другу — поэту Алексею Фатьянову. Тот долго, внимательно вслушивался и через несколько дней показал мне стихи. Это было не совсем то, что я задумал. Перебрав несколько других вариантов, я сочинил песню. Первый исполнитель Ефрем Флакс ее, однако, раскритиковал: написанная в минорной тональности, песня получилась какой-то тоскливой, однообразной. Вроде как и не рад солдат возвращению к мирному труду. Флакс посоветовал переделать вторую половину куплета с отклонением в параллельный мажор. Попробовал — вышло. Вот так у песни этой, получившей большое распространение в послевоенные годы, оказалось три автора. Кроме меня, еще Фатьянов и Флакс».

К рассказанному Василием Павловичем хотелось бы добавить, что своей популярностью и широким распространением в народе песня «Где же вы теперь, друзья-однополчане?» во многом обязана прославленному художественному коллективу — дважды Краснознаменному ордену Красной Звезды академическому ансамблю песни и пляски Советской Армии имени А. Александрова. У многих осталось в памяти и проникновенное исполнение «Однополчан» солистом ансамбля Георгием Виноградовым.

Юрий БИРЮКОВ

Письмо отца

Слова А. Дементьева и Д. Усманова

Музыка Е. Мартынова

*Я читаю письмо,
Что уже пожелтело с годами.
На конверте в углу
Номер почты стоит полевой.
Это в сорок втором
Мой отец написал моей маме
Перед тем, как идти
В свой последний, решительный бой.*

Припев:

*— Дорогая моя,
На переднем у нас передышка.
Спят в окопах друзья.
Тишина на крутом берегу...
Дорогая моя,
Поцелуй ты крепче сынишку.
Знай, что вас от беды
Я всегда берегу.*

*Я читаю письмо
И как будто все ближе и ближе
Тот тревожный рассвет
И биенье солдатских сердец.
Я читаю письмо.
И сквозь годы отчетливо слышу
Я сейчас те слова,
Что сказал перед боем отец.*

Припев.

*Я читаю письмо.
А за окнами солнце смеется.
Начинается день.
И сердца продолжают любить.
Я читаю письмо.
И уверен, что если придется,
Все, что сделал отец,
Я сумею всегда повторить.*

Припев.

В солдатских треугольниках — дума о доме и Родине

Передо мной письма с фронта, шесть солдатских треугольников, написанных карандашом, потертых и пожелтевших от времени. Простемпелеванных полевой почтой и отмеченных штампом «Просмотрено военной цензурой». Это семейная реликвия, это весточки отца моей жены, которая в силу своего малолетства не успела запомнить его по-настоящему и для которой это единственная о нем память.

О чем писал солдат? Прочитаем письма ноября—декабря 1943 года в том виде, как они были написаны, пусть и с неверно построенными фразами. Не будем их редактировать — иначе это будут уже не документы своего времени.

В каждом из них обращение к жене, а то и к дочкам: «жалей деточек»; «как я соскучился, хочется увидаться, посмотреть на деточек»; «если постигнет моя судьба смерти, то живи и жалей деток. И пока до свидания. Целую вас, наверно, навсегда»; «...а как будет папа жив, победит врага, тогда придет домой, а мама скажет, что дочки слухали маму, не баловали».

Но тому, что он вернется, не суждено было сбыться. Из письма от 22 января 1944 года: «...скоро еще пойду в бой гроить врага до самой румынской границы, чтобы не упустить ни одного немецкого солдата с нашей земли, чтобы он никог-

да не воевал с русским народом. В бой за Родину, за Сталина!» Из того боя он не вернулся.

И рядом с этими письмами лежит на моем столе песня «Письмо отца». Как поразительно они совпадают — по содержанию, по настроению, по смыслу. Поистине слились в правду жизни и правду поэзии. Ведь это было так типично, естественно и понятно: солдат тосковал по дому, его волновала разлука с родными, он беспокоился о детях.

Свои неповторимые краски внес в «Письмо отца» Евгений Мартынов. Он положил текст на музыку в 1974 году, когда страна готовилась к 30-летию Победы. Песню можно назвать перекличкой поколений — как монолог из настоящего времени выросшего без отца сына и монолог из прошлого не вернувшегося с войны отца. По-мужски сдержанно выразительная и легко запоминающаяся мелодия зазвучала в исполнении то автора, то Иосифа Кобзона, то Вадима Мулермана и стала так же широко известна, как и мартыновская «Баллада о матери».

Неисправимый лирик, готовый бесконечно сочинять и петь мелодии любви, Евгений Мартынов, отец и мать которого прошли дорогами войны, родившийся через три года после Победы, конечно, не мог обойти стороной тему страданий и подвигов народных. В одном из радиоинтервью он говорил: «Меня давно волнует тема фронтовиков, которых все меньше и меньше становится. А их надо ценить, они сделали все, чтобы мы учились, чтобы мы работали хорошо».

В знак признательности ветеранам вместе с поэтом Робертом Рождественским композитор написал еще две и ныне звучащие песни: «Марш-воспоминание» («Вот он настал миг прощанья, любить и ждать обещаю мне») и «Встреча друзей» («Посидим по-хорошему, пусть виски запорошены, на земле жили-прожили мы не зря»).

Так точно, не зря прожили вы, дорогие ветераны.

Александр КУЗНЕЦОВ

Фронтовики, наденьте ордена

Слова В. Сергеева

Музыка О. Фельцмана

*Была война, но мы пришли живыми,
Чтоб новой жизни сеять семена.
Во имя павших и живых во имя,
Фронтовики, наденьте ордена!*

*Мои друзья лежат в могилах братских,—
Нам не забыть родные имена...
Во имя вдов и матерей солдатских,
Фронтовики, наденьте ордена!*

*Солдат в атаку шел не за награду,
Но велика награды той цена...
Во имя чести воинской и правды,
Фронтовики, наденьте ордена!*

*Чтоб не пылать земному шару снова,—
Солдатской крови пролито сполна...
Чтоб помнил враг урок войны суровой,
Фронтовики, наденьте ордена!*

О престиже добытых в бою наград

Такая песня, как «Фронтовики, наденьте ордена», была очень нужна. Чтобы понять, почему нужна, достаточно перечитать стихи замечательного поэта-фронтовика Бориса Слуцкого, многие годы, кстати, не публиковавшиеся:

*Ордена теперь никто не носит.
Планки носят только дураки.
И они, наверно, скоро бросят,*

*Сберегая пиджаки.
В самом деле, никакая льгота
Этим тихим людям не дана,
Хоть война была четыре года,
Длинная была война...*

Это все правда. Немало людей, вернувшихся с фронта, инвалидов и калек, не могли найти свое место в жизни, за боевые награды получали копейки, потому и играли мальчишки на улицах с отцовскими орденами и медалями. Да и 9 мая стало нерабочим днем только к 20-летию Победы.

Надо было возрождать уважение к тем, кто воевал, поднимать престиж добытых в боях наград. К этому и призывает песня.

Кстати, цена орденов и медалей (имею в виду рыночную цену) резко сейчас возросла. За ними сейчас идет настоящая охота не честных на руку скупщиков, чтобы перепродать их за большие деньги коллекционерам. Так что к месту еще один призыв: «Фронтовики, храните, берегите ордена!»

Александр КУЗНЕЦОВ

Виктор ШАЛИМОВ, чемпион Олимпийских игр-1976 по хоккею с шайбой, член администрации Мытищинского района Московской области:

— Отправляясь на международные турниры, наша команда непременно брала с собой коробку кассет с записями песен о войне. Традиция появилась во времена руководства сборной страны Анатолием Тарасовым и Аркадием Чернышевым, которые потом передали ее по эстафете нашим тренерам Всеволоду Боброву, Борису Кулагину, Константину Локтеву. О той страшной войне наставники знали не понаслышке. Они очень трепетно относились к таким понятиям, как патриотизм, любовь к Родине. И нас, ребят послевоенной поры, воспитывали в том же духе, заряжая на победу не глупыми «буги-вуги», а глубокими, проникновенными песнями героических лет. Признаюсь, нам такой подход очень нравился.

В то время я открыл для себя песню «Фронтовики, наденьте ордена». С удовольствием слушаю ее сегодня и вспоминаю отца-фронтовика, который закончил войну в освобожденной от фашистов Праге. Дух захватывало, когда отец исполнял эту песню, встретившись с ветеранами в День Победы!

Победа

Слова М. Танича

Музыка А. Федоркова

*В том сорок пятом по весне
Запахло воздухом победы,
И молодые наши деды,
И молодые наши деды
Впервые брились на войне.*

Припев:

Победа!

Рядом с нами была с малолетства!

Победа!

Наши танки в дыму и в пыли!

Победа!

Нам Победа досталась в наследство,

Слава Богу, мы ее сберегли.

*И тот солдат весну встречает,
Еще ни разу не влюблен,
И петь по-русски обучает,
И петь по-русски обучает
Трофейный свой аккордеон.
Победа!*

Припев.

*Ах, в этом мае сорок пятом
Я так хотел бы побывать
Вот тем молоденьким солдатом,
Вот тем молоденьким солдатом
И никогда не воевать!
Победа!*

Припев.

Победа досталась в наследство

Михаил ТАНИЧ, поэт:

— Так, на вздержку, не могу выделить какую-то одну военную песню. Хороших песен было очень много: «Землянка» К. Листова на слова А. Суркова, «Прощайте, скалистые горы» Е. Жарковского на слова Н. Букина, «Где же вы теперь, друзья-однополчане» В. Соловьева-Седова на слова А. Фатьянова. Нравилась мне «Давай закурим» М. Табачникова на слова Ильи Френкеля.

Но особенно ранила мое воображение песня «Огонек» — «На позицию девушка провожала бойца» на стихи М. Исаковского (музыка народная). Она, пожалуй, была для меня самая дорогая. Под нее мы, молодые фронтовики, мечтали о любви, тосковали по оставшимся в тылу любимым девушкам, хотя многие ушли на фронт, так и не успев влюбиться.

Недавно я написал песню, она называется «Победа», там есть такие слова: «И тот солдат весну встречает, еще ни разу не влюблен. И петь по-русски обучает, и петь по-русски обучает трофейный свой аккордеон». Я попросил, чтобы в аранжировке сделали цитату из моей любимой песни «Огонек». Ее записал Иосиф Кобзон, а группа «Лесоповал» выпустит с ней диск к 60-летию Победы.

«Огонек» услышал на фронте в 1944 году. Я воевал очень тяжело, стоял на передовой с противотанковой пушкой и, дождавшись, подрывал немецкие танки. Там мне было, конечно, не до песен. Но когда мы перебазировались, все-таки время для песен находилось. Я воевал на 1-м Белорусском фронте, брал Берлин, а чуть раньше воевал на 1-м Прибалтийском под командованием маршала Баграмяна. Освобождая Латвию, мы положили там много своих солдат. Я сам должен был там лежать, но Бог миловал меня прийти живым с войны. Всегда, когда еду из Москвы в Ригу, проезжая Дубосеково, выхожу в тамбур. Там стоит скульптурная группа из 6 солдат работы скульптора Вучетича. Я всегда встречаюсь с ними, гранитны-

ми, когда еду туда вечером, оттуда — утром. Стою в тамбуре и, как молитву, читаю, как будто этот памятник и мне, старшему сержанту, командиру противотанкового орудия Михаилу Таничу, чудом уцелевшему в той войне.

Конечно, мы были поколением, зомбированным сталинским временем, но мы выстояли ту войну, спасли мир от страшной фашистской чумы, как бы кто сейчас ни хотел принизить подвиг нашего народа. Сталин был мудрый политик, когда сказал, что русский народ выстоял в той войне и победил. Я счастлив, что хлебал с ним из одного котелка, ел один хлеб, впитывал сочный народный язык, которым написаны все мои мирные песни.

Нелли ПРОТОРСКАЯ

Александр ФЕДОРКОВ, композитор:

— Текст песни «Победа» мне принес Михаил Танич, с которым мы давно сотрудничаем, создавая репертуар для группы «Лесоповал», — написали уже 70 совместных композиций. Поначалу я испугался: во-первых, мне 40 лет, я из поколения, не заставшего Великую Отечественную — разве имею моральное право высказываться на эту тему? Во-вторых, как можно писать песню о Победе после известного шедевра Давида Тухманова?

Но когда страх отступил, я вчитался в стихи и понял, что найду музыкальные чувства, эмоции для того, чтобы донести строчки Танича до слушателя. Прежде чем приступить к сочинению, долго прослушивал лучшие песни советской поры, особенно Яна Френкеля. Мне очень хотелось добиться той же мелодичности и ощущения эпохи. По-моему, получилось. Первым исполнителем песни стал Иосиф Кобзон.

Поклонимся великим тем годам

Слова М. Львова

Музыка А. Пахмутовой

*Не забывай те грозные года,
Когда кипела волжская вода.
Земля тонула в ярости огня,
И не было ни ночи и ни дня.
Сражались мы у волжских берегов,
На Волгу шли дивизии врагов,
Но выстоял великий наш солдат,
Но выстоял бессмертный Сталинград!*

Припев:

*Поклонимся великим тем годам,
Тем славным командирам и бойцам,
И маршалам страны, и рядовым,
Поклонимся и мертвым, и живым, —
Всем тем, которых забывать нельзя,
Поклонимся, поклонимся, друзья.
Всем миром, всем народом, всей землей —
Поклонимся за тот великий бой.*

*За годом год... Из боя — снова в бой...
Взлетали вновь салюты над Москвой,
И, завершив Победою войну,
Планете всей вернули мы весну.
Окончен тот великий смертный бой, —
Синеет мирно небо над тобой,
Над вечной нашей матушкой-рекой,
Над славною солдатской головой.*

Припев.

На Красной площади — песни войны и Победы

Дмитрий Хворостовский, народный артист России, известный на весь мир баритон, живет в Лондоне и поет в лучших оперных театрах и концертных залах мира. И вдруг — программа «Песни военных лет».

Он вырос в доме бабушки. В Великую Отечественную она потеряла мужа, деда Дмитрия. Его убили в первом же бою под Москвой. От бабушки Дима услышал много военных песен. Особенно почему-то трогали мальчишечью душу слова: «...ты, любимая, знаю, не спишь, и у детской кровати тайком ты слезу утираешь...»

— По-моему, это совершенно естественная мысль вспомнить военные песни, — говорит Дмитрий Александрович. — Если кто-то сегодня полагает, что эти песни устарели, он, безусловно, неправ. Они — неотъемлемая часть культуры. Их пела моя бабушка, пели мои родители, теперь пою я. Это и есть традиции, уклад, преемственность.

Идею военных песен подсказал Константин Орбелян — руководитель Государственного камерного оркестра России, мой постоянный партнер на протяжении уже нескольких лет. Как только он поделился со мной замыслом, я взял листок бумаги и стал составлять список песен, которые хотелось бы спеть. Тут же набралось 25 названий: «Темная ночь», «Случайный вальс», «Где же вы теперь, друзья-однополчане?» Костя сделал оригинальные аранжировки.

Первый концерт песен военных лет прошел на Красной площади — огромное пространство, лиц слушателей почти не видно. Но Дмитрию потом говорили, что люди плакали. Слышался тихий звон орденов на груди у многих слушателей: почти половина аудитории получила льготные билеты — это были ветераны Великой Отечественной. Да Дмитрий и сам плакал — на концерте и потом, когда писал программу в студии...

Евгения УЛЬЧЕНКО

Майский вальс

Слова М. Ясеня

Музыка И. Лученка

*Весна сорок пятого года,
Так ждал тебя синий Дунай!
Народам Европы свободу
Принес жаркий, солнечный май.
На площади Вены спасенной
Собрался народ стар и млад —
На старой, израненной в битвах гармонии
Вальс русский играл наш солдат.*

Припев:

*Помнит Вена, помнят Альпы и Дунай
Тот цветущий и поющий яркий май.
Вихри венцев
В русском вальсе
Сквозь года
Помнит сердце,
Не забудет
Никогда.*

*Легко, вдохновенно и смело
Солдатский вальс этот звучал.
И Вена кружилась и пела,
Как будто сам Штраус играл.
А парень с улыбкой счастливой
Гармонь свою к сердцу прижал,
Как будто он волжские видел разливы,
Как будто Россию обнял.*

Припев.

*Над Веной седой и прекрасной
Плыл вальс, полон грез и огня,
Звучал он то нежно, то страстно,
И всех опьяняла весна.
Весна сорок пятого года,
Так долго Дунай тебя ждал!
Вальс русский на площади Вены свободной
Солдат на гармонии играл.*

Припев.

Помнит Вена, помнят Альпы...

Все началось со стихов, которые в канун 40-летия Победы написал белорусский поэт-фронтовик Михаил Ясень. Принес их как-то к Игорю Лученку, поэту другу-композитору, с которым до этого было написано немало песен. А вечером Игорь по телефону вместе с друзьями спел мне нашу песню. Так ушел «в полет» «Майский вальс».

Незабываемым для авторов стало исполнение «Майского вальса» в дни празднования 40-летия Победы ансамблем песни и пляски Краснознаменного Белорусского военного округа.

Юрий БИРЮКОВ

Владимир САМОХИН, ветеран войны и труда:

— В марте-апреле 1945 года в составе 62-й гвардейской стрелковой дивизии 57-й армии 3-го Украинского фронта я принимал участие в Венской наступательной операции. Уже после войны была написана песня «Майский вальс». Я запомнил только несколько строк из припева: «Помнит Вена, помнят Альпы и Дунай тот цветущий и поющий яркий май...» Давайте вспомним эту песню. Думаю, что это будет отличный подарок еще живущим солдатам и офицерам — участникам Венской наступательной операции и взятия Вены.

*пос. Глазуновка,
Орловская обл.*

День Победы

Слова В. Харитонова

Музыка Д. Тухманова

*День Победы, как он был от нас далек,
Как в костре потухшем таял уголек.
Были версты, обгорелые, в пыли, —
Этот день мы приближали как могли.*

Припев:

*Этот День Победы
Порохом пропах,
Это праздник
С сединою на висках.
Это радость
Со слезами на глазах.
День Победы!
День Победы!
День Победы!*

*Дни и ночи у мартеновских печей
Не смыкала наша Родина очей.
Дни и ночи битву трудную вели —
Этот день мы приближали как могли.*

Припев.

*Здравствуй, мама, возвратились мы не все...
Босиком бы пробежаться по росе!..
Пол-Европы прошагали, полземли,
Этот день мы приближали как могли.*

Припев.

Этот день мы приближали как могли

— Я шел к этой песне тридцать лет — от победных залпов в 45-м. Плюс еще пять — с довоенного сорокового, когда меня призвали в армию и одели в военную форму, — сказал мне однажды в одной из наших бесед поэт Владимир Харитонов. — Моя служба началась в Московском пехотном училище имени Верховного Совета РСФСР. Год спустя вместе с курсантами-кремлевцами принял первый бой.

Потом был Сталинград. Контузия. Госпиталь. Снова фронт. И там на моих глазах погибали фронтовые друзья-однополчане. До сих пор удивляюсь, как сам-то я уцелел, дожил до Победы. Обо всем этом и мечталось рассказать в песне.

И вот однажды — звонок из музыкальной редакции радио:

— Владимир Гаврилович, нужна песня к Дню Победы. Только, пожалуйста, чтобы веселая, радостная. Слез и грусти не надо.

— Хорошо, подумаю...

Начал думать. Хожу по комнате, а слова редакторши из головы не выходят. И вдруг вырвалось, как вздох, как озарение какое-то: «Это радость со слезами на глазах». Та самая строчка, та главная мысль, от которой пошла вся песня.

Не менее важной для всего строя песни поэт считал еще одну строчку, которая родилась несколько позже: «Этот день мы приближали как могли». Вот что говорил он по этому поводу в одном из газетных интервью:

«Эта мысль для меня очень важна: ведь именно так было с каждым моим соотечественником в каждый из почти полутора тысяч тех жестоких дней — приближали Победу как могли. Это и про мою маму, которая все четыре года работала медсестрой в госпитале. И про отца, заслужившего в ту пору орден Ленина. И про мою жену, которая, тогда еще совсем девчонка, на крыше вот этого самого дома на улице Горького тушила зажигательные бомбы. И про ее отца, члена партии с восемнадцатого года, сложившего голову в рядах народного ополчения...»

Как бы то ни было, стихи сложились, и поэт отдал их свое-

му молодому соавтору — композитору Давиду Тухманову. С ним к тому времени Харитонов написал несколько песен, подхваченных молодежью: «Вечное движение», «Как прекрасен этот мир», «Мой адрес — Советский Союз».

«Получил от Владимира Гавриловича стихи, — вспоминает композитор, — и захотелось написать песню в жанре старинного русского марша. Именно такую музыку разносили духовные оркестры, когда в сорок первом провожали на вокзальных перронах бойцов, а потом, в сорок пятом, встречали их, вернувшихся с войны. Наверное, по всей стране звучали тогда старинные марши, вальсы...

Сам я по возрасту не мог быть ни свидетелем, ни тем более участником тех событий. Но рано приобщившись к музыке, я воспитывался в атмосфере мелодий, которые постоянно звучали в первые послевоенные годы. Вероятно, эмоционально где-то внутри это отложилось».

Впервые песня прозвучала в праздничной передаче телевизионного «Голубого огонька», посвященной 30-летию Победы в исполнении Леонида Сметанникова, отмеченном искренностью и свежестью. И все же многие ее тогда не заметили. Было у песни поначалу и немало противников, особенно в композиторской среде. Но спустя полгода на традиционном концерте, посвященном Дню советской милиции, который транслировался по первой программе Центрального телевидения, «День Победы» в сопровождении эстрадно-симфонического оркестра под управлением Юрия Силантьева спел Лев Лещенко. Спел так, что были сняты все вопросы и сомнения.

Юрий БИРЮКОВ

Если бы Давид Тухманов сочинил только одну песню «День Победы», он все равно вошел бы в историю. Бодрая, местами бравурная мелодия, напоминающая марш, — и одновременно лиричные, трепетные строки, в которых 9 Мая предстает одушевленным живым существом, «с сединами на висках», пропахшим порохом...

Как уже сказано, у песни, без которой не представляется сегодня ни один военный парад, весьма непростая судьба.

Давид Тухманов, вдохновившись стихами, написал мелодию, которую сегодня знают все. Сам он вспоминает, что для

создания «нужного» настроения смотрел военную хронику. И тем не менее «День Победы» был встречен в штыки. Песня заявлялась на внутренний конкурс, объявленный Союзом композиторов. Но спецкомиссия не впечатлилась композицией.

Пошел резонанс: если союз не принял — значит, песню нельзя давать в эфир. Более того, одна из центральных газет отказалась печатать текст слов и ноты «Дня Победы», хотя до того публиковала весьма сомнительные шлягеры.

Сегодня Давид Тухманов — известный и всеми любимый композитор — думает, что всему «виной» был его возраст: на момент написания «Дня Победы» ему было 36 лет. Почему-то чиновникам казалось, что подобные песни должны писать более зрелые люди, не понаслышке знающие о войне.

Илона ЕГИАЗАРОВА

*Лев ЛЕЩЕНКО,
народный артист России:*

— До меня почти год «День Победы» пытались исполнить разные певцы, но музыкальные критики называли эту песню «чужим фокстротом»! И запрещали ее выход на большую сцену.

А я пошел на риск. Вопреки цензуре 10 ноября 1975 года на концерте, посвященном Дню милиции (он проходил под девизом 30-летия Победы), исполнил песню. Она произвела фурор! Зал аплодировал стоя, и это увидела вся страна — ведь концерт шел в прямом телеэфире. С тех пор эта великая песня стала гимном героям войны. Для меня она — личная боль и радость. Я родился под грохот бомбежек 1942-го, рос в военном гарнизоне, а мой отец прошел всю войну и вернулся с Победой домой.

Эта песня — гимн и ему.

Содержание

Предисловие	3
Священная война	4
До свиданья, города и хаты	8
Прощание	10
Двадцать второго июня, ровно в четыре часа...	12
Песня о Днепре	15
Два Максима	18
В землянке	21
Моя Москва	24
Вася-Василек	27
Играй, мой баян	30
Вечер на рейде	32
Только на фронте	34
Ты одессит, Мишка!	36
В лесу прифронтовом	39
На солнечной поляночке	42
Шумел сурово Брянский лес	44
Донские казаки	47
Ой, туманы мои, растуманы	50
Синий платочек	52
Парень с Васильевского острова	55
Волховская застольная	57
Вася Крючкин	60
Стальная эскадрилья	62
Давай закурим	64
Темная ночь	67

Казак уходил на войну	70
Моя любимая	72
Где ж ты, мой сад?	74
Корреспондентская застольная	76
Случайный вальс	79
Ленинградская песенка	82
Фляга	84
Песня о двух друзьях	86
Эх, дороги!	89
Ростов-город	92
Жди меня	94
Огонек	98
Прощайте, скалистые горы	101
Лизавета	104
Заветный камень	107
Минуты жизни	110
Перелетные птицы	113
Песня артиллеристов	115
Песня о фонарике	118
Про “катюшу”	120
Пора в путь-дорогу	122
Партизанская борода	125
На полянке	128
Жил в Ростове Витя Черевичкин	131
Ничего не говорила	133
Смуглянка	135
Море шумит	137
Под звездами балканскими	140
Дорога на Берлин	142
Казаки в Берлине	144

Ехал я из Берлина	147
Американская солдатская песня	149
Сторонка родная	152
Наш город	154
Ласточка-касаточка	156
Севастопольский вальс	159
Солнце скрылось за горою	161
Песенка фронтовых шоферов	163
Давно мы дома не были	166
Вот солдаты идут	169
Солдатский вальс	172
Песня о краснодонцах	175
Враги сожгли родную хату	178
Грустные ивы	181
Песенка о Леньке Королеве	183
Вернулся я на Родину	185
Воспоминание об эскадрилье “Нормандия-Неман”	187
Бухенвальдский набат	190
Горячий снег	192
Березы	195
Братские могилы	197
Москвичи	199
На безымянной высоте	202
Штрафные батальоны	205
Он не вернулся из боя	208
Алеша	210
У деревни Крюково	213
За того парня...	215
Последний бой	217
Нам нужна одна победа	220

Вечный огонь	223
Девичья песня	226
На всю оставшуюся жизнь...	228
Журавли	230
Баллада о матери (Алешенька)	233
Махнем не глядя...	236
Бери шинель, пошли домой	238
Где же вы теперь, друзья-однополчане?	240
Письмо отца	242
Фронтовики, наденьте ордена	245
Победа	247
Поклонимся великим тем годам	250
Майский вальс	252
День Победы	254

С 23 Песни войны и Победы. — М.: Трибуна, Голос-Пресс, 2005. — 264 с. Илл.

ISBN 5-7117-0077-4

Книга «Песни войны и Победы» была заложена в ре...

ПЕСНИ ВОЙНЫ И ПОБЕДЫ

Ответственный за выпуск книги Слухай В.И.
Сдано в набор 01.09.04 г. Подписано в печать 12.01.05 г.
Формат 70х100/16. Гарнитура «Таймс».
Тираж 3000 экз. Заказ 573

Редакция газеты «Трибуна»
125993, г. Москва, ул. «Правды», д. 24
тел.: (095) 257-59-13

Издательство «Голос-Пресс»
115184, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 52, стр. 1
тел./факс: (095) 953-02-25

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6

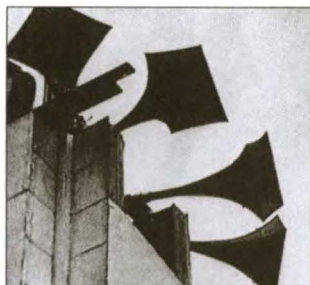
22 июня 1941 г. Так начиналась война

Фашистские стервятники

Эти дети уже узнали, что такое война

*22 июня 1941 года.
Работают все радиостанции Советского Союза.
Звучит сообщение о вероломном нападении
фашистской Германии на Советский Союз*

Слушает Москва

Слушает страна

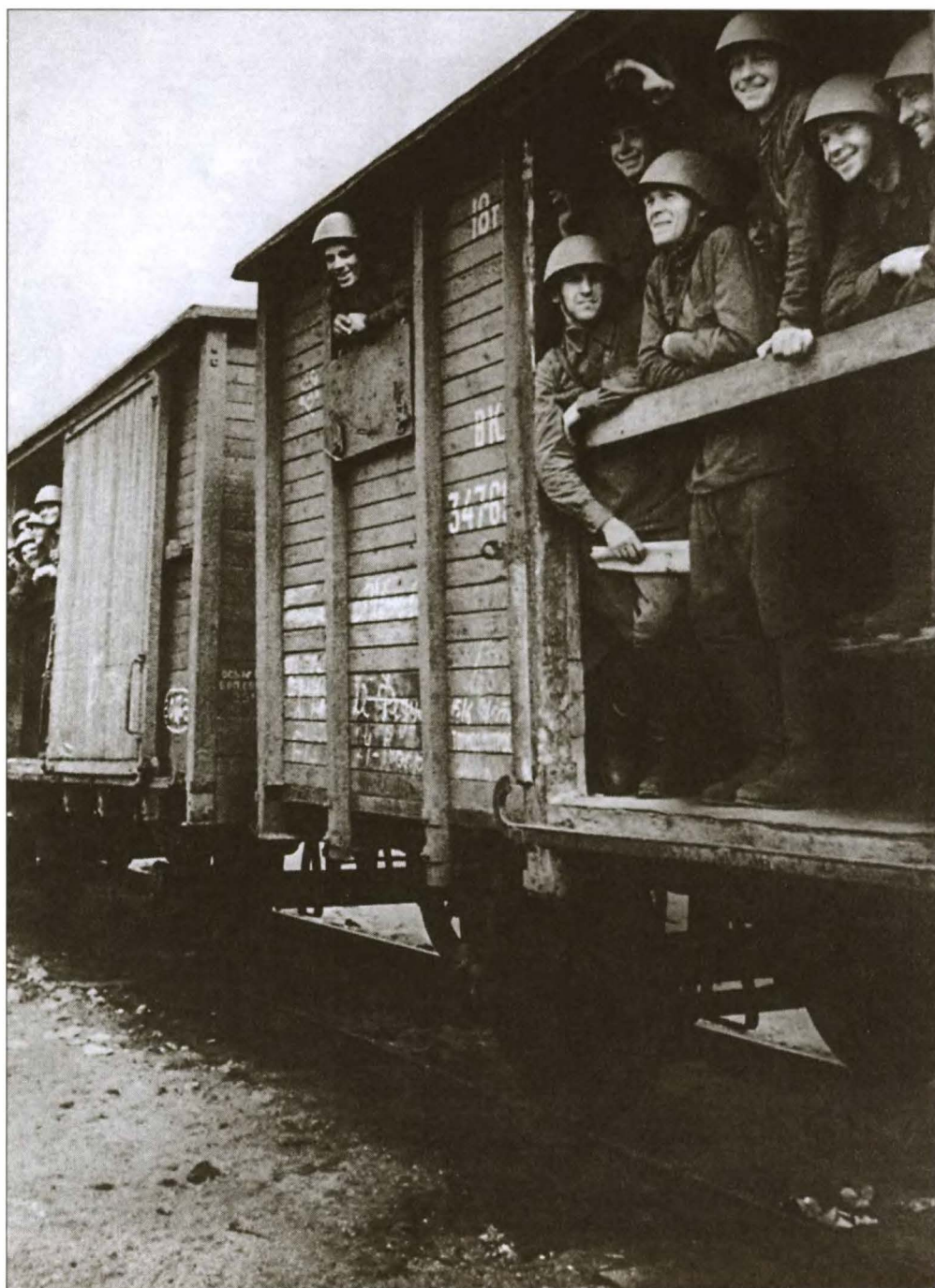

«Русский должен умереть, чтобы мы жили...»

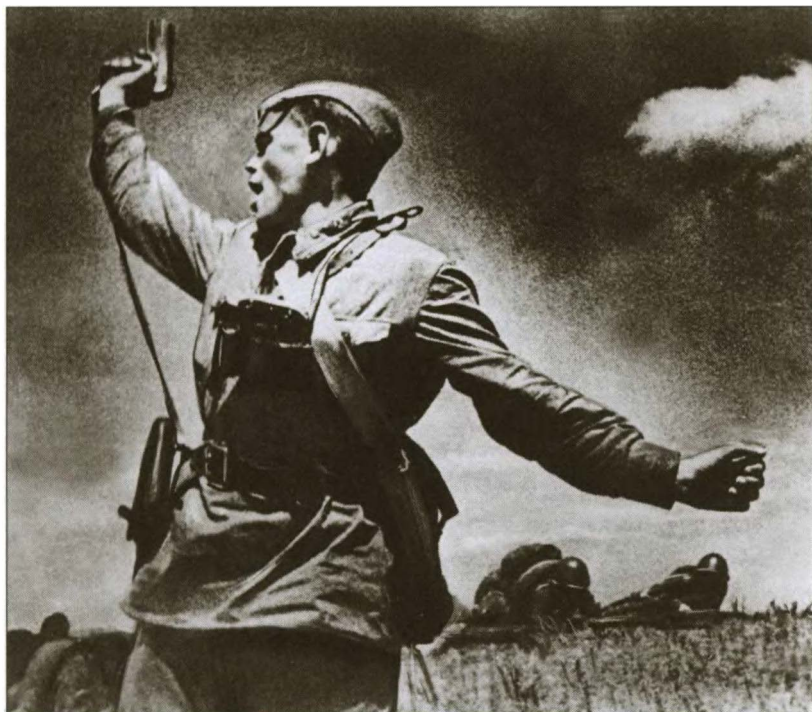
Они не стеснялись фотографироваться на фоне бесчеловечного лозунга

*Петрицево, Московская область, 29 ноября 1941 года.
Казнь комсомолки-партизанки Зои Космодемьянской*

На фронт, на борьбу с захватчиками

Политрук идет в атаку первым

Так строили линию обороны

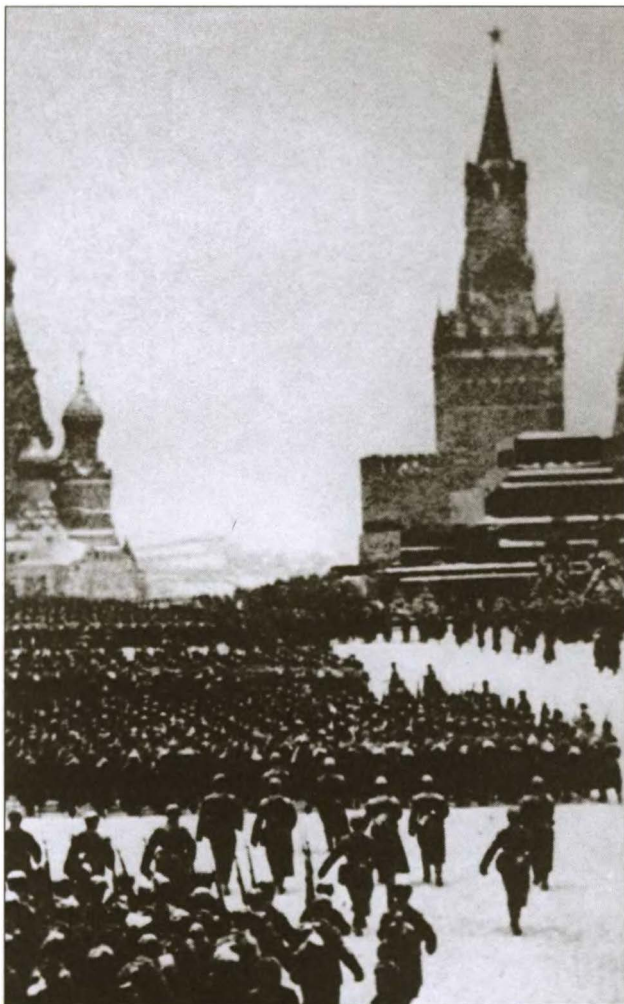
Белоруссия. Этим детей и женщин фашисты заразили тифом и погнали к линии фронта, чтобы они заразили наших солдат

Наша соотечественница — рабыня рейха с опознавательным знаком вроде инвентарной бирки

*И. В. Сталин выступает
на параде 7 ноября 1941 года*

*Парад на Красной площади
7 ноября 1941 года*

С парада — в бой, на защиту столицы

Прорвемся!

После боя под Звенигородом

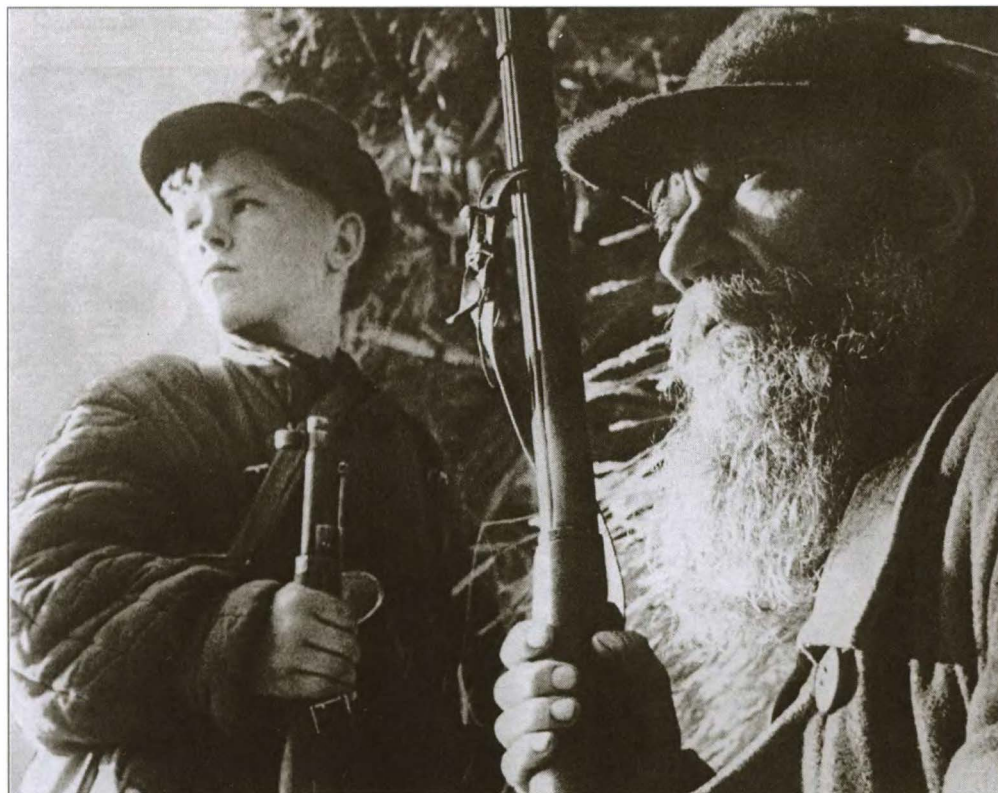
В белоснежных полях под Москвой. Контратака с дымовой завесой

Улыбнись, партизан

*1943 год. Руководители партизанского движения С. А. Ковпак
и А. Ф. Федоров*

И стар и млад в партизанах

Ночь коротка, спят облака....

Зажигательная пляска

Гитару возьми, струну подтяни...

Играй, мой баян...

Полководцы

Сталинград, февраль 1943 года. Битва на Волге завершена

*Пленен фельдмаршал
Паулюс*

*Пленены
его солдаты*

Пехотинцы под прикрытием танков

Морская пехота на огневом рубеже

Ленинград, Невский проспект. Так добывали воду блокадники

*На улицах блокадного
Ленинграда*

*Освобождение.
Радость со слезами на глазах*

Здравствуйте, дорогие!

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин вручает орден Ленина командиру Чехословацкой воинской части полковнику Людвигу Свободе

Советские и французские летчики из эскадрильи «Нормандия» делятся впечатлениями о воздушном бое. Сформированная в СССР в конце ноября 1942 года, эскадрилья спустя время была преобразована в полк

*Солдаты дивизии имени
Т. Костышко,
сформированной в 1943 году
под Рязанью из добровольцев-
поляков, проживавших
в СССР, читают газету
«Свободная Польша»*

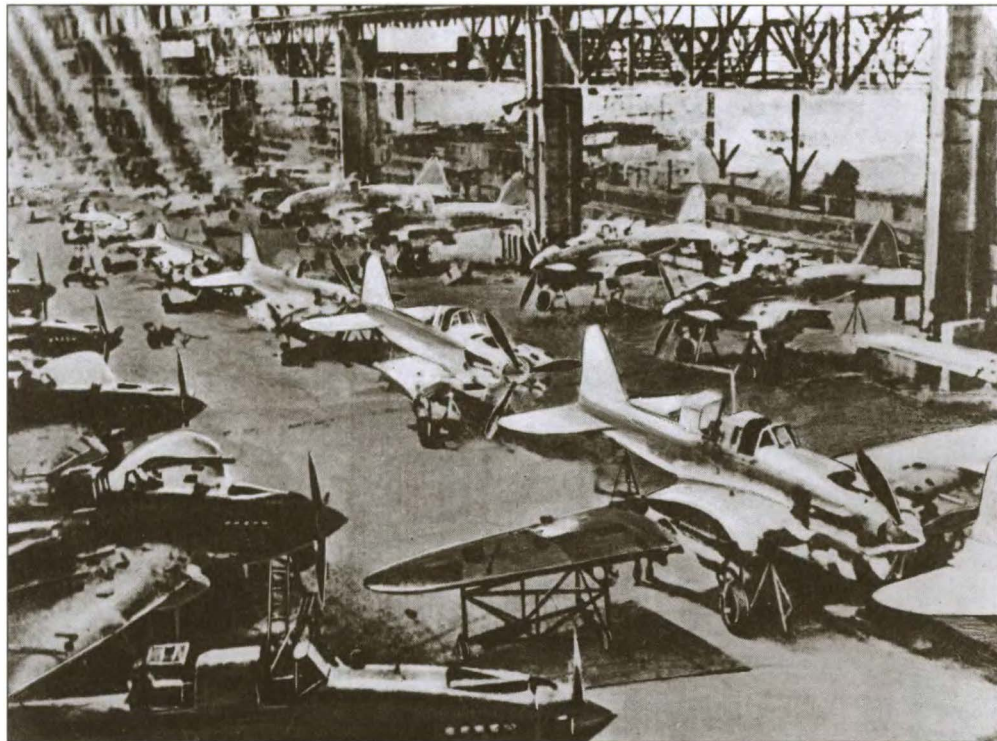

В первой декаде ноября 1944 года государственная граница СССР была полностью восстановлена

*Дети у станков заменили ушедших
на фронт отцов*

Здесь тоже ковали победу. Идет сборка военных самолетов

Апрель 1945 года. Освободив от фашистов Вену, наши воины пришли к памятнику королю вальса, композитору Иоганну Штраусу

Наши войска освобождают австрийский город Санкт-Пельтена

*Сына полка тепло
принимали
чешские девушки*

На улицах Праги 9 мая 1945 года каждый стремился пожать руку советскому солдату

Перед трудной дорогой к столице третьего рейха

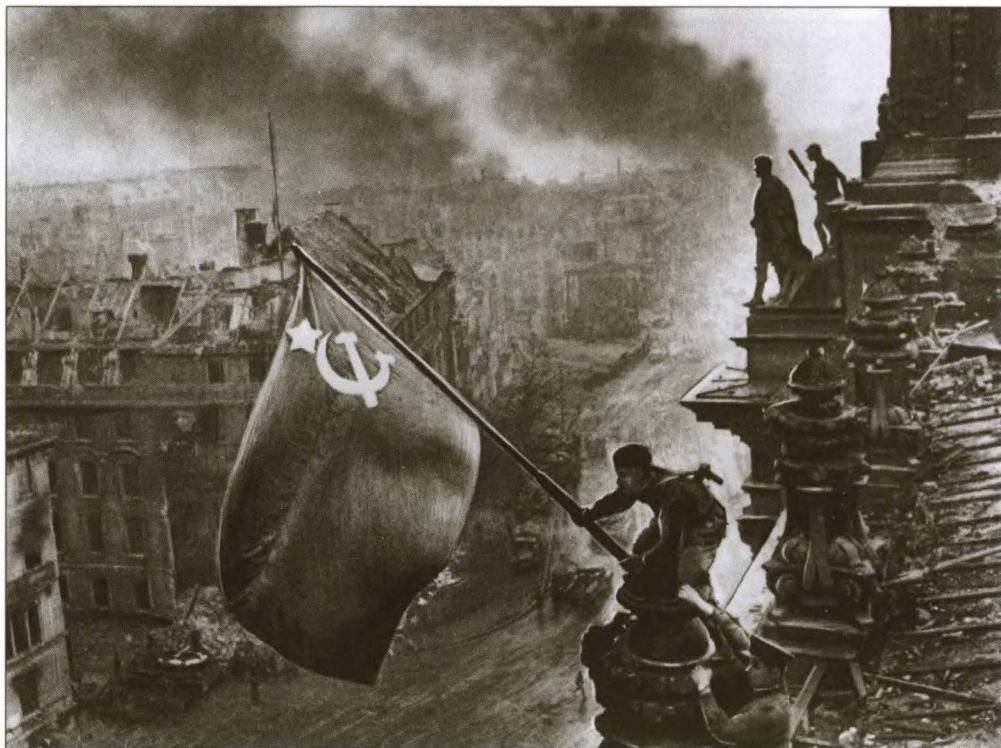
Огонь!

*Над Берлином —
советская авиация*

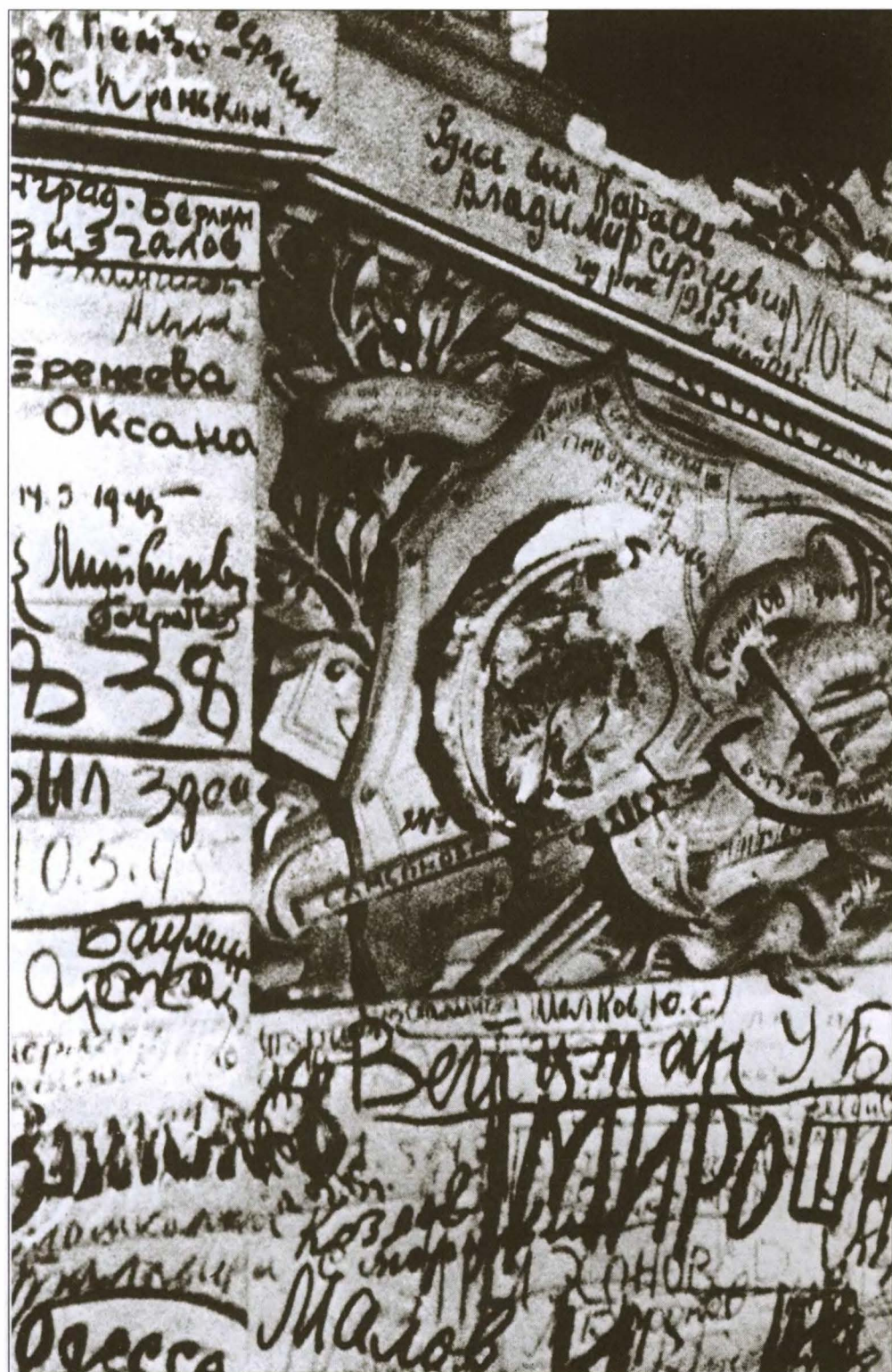
До рейхстага остаются считанные метры

Вот он, желанный миг: Знамя Победы реет над рейхстагом!

Окончена война. Можно и перекурить у рейхсканцелярии

Каждый стремился оставить свой автограф на здании рейхстага

9 мая 1945 года. Салютует Москва

Пражская весна 1945 г.

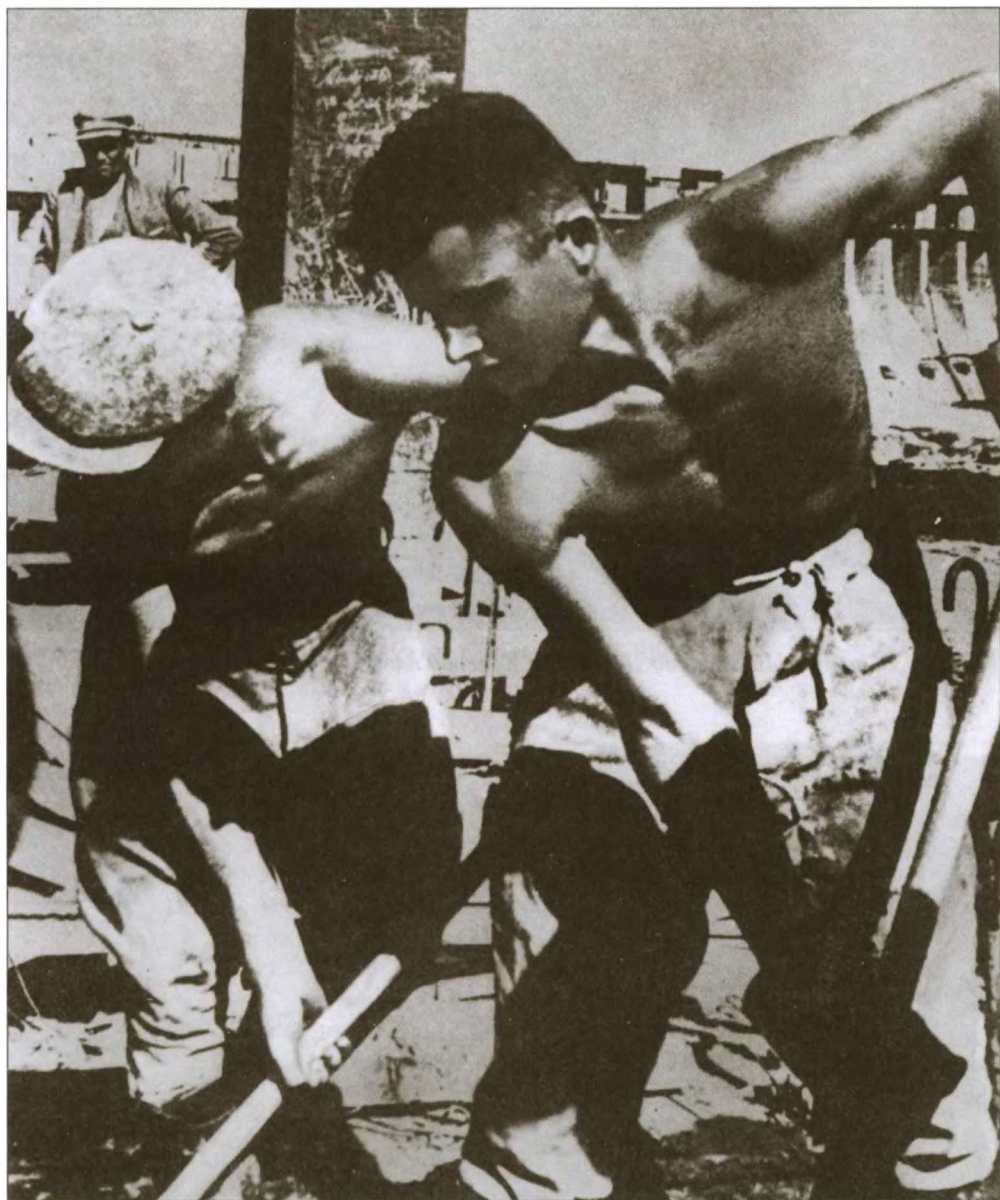
Домой!

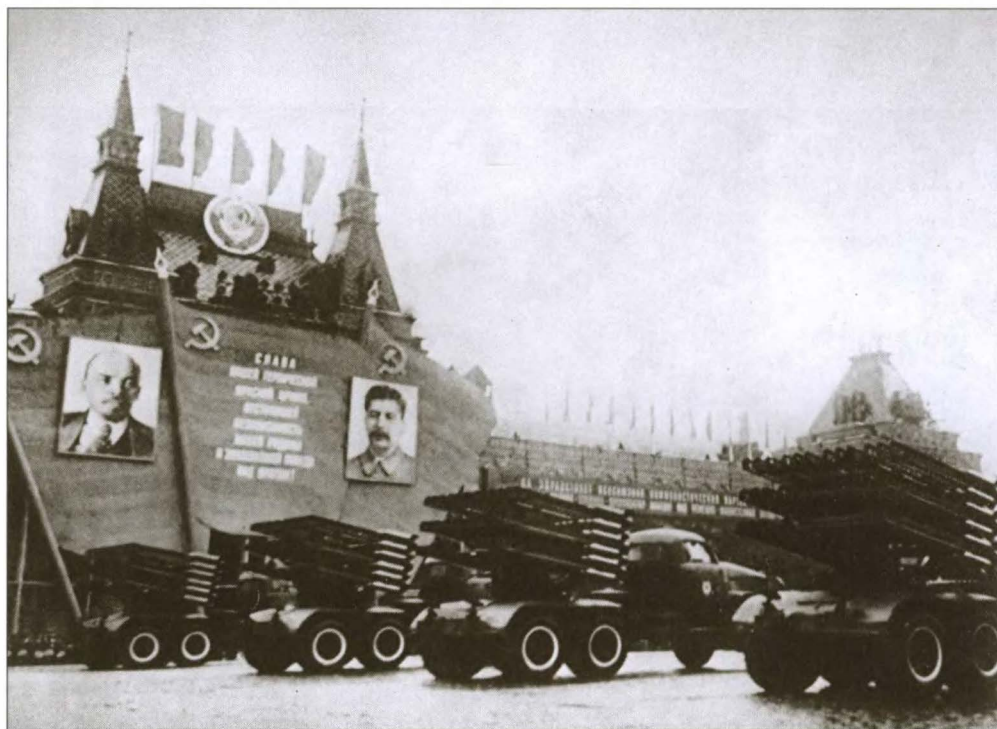
Я вернулся, сынок

Славные ребята славу добыли в бою, а с нею - и ордена Славы

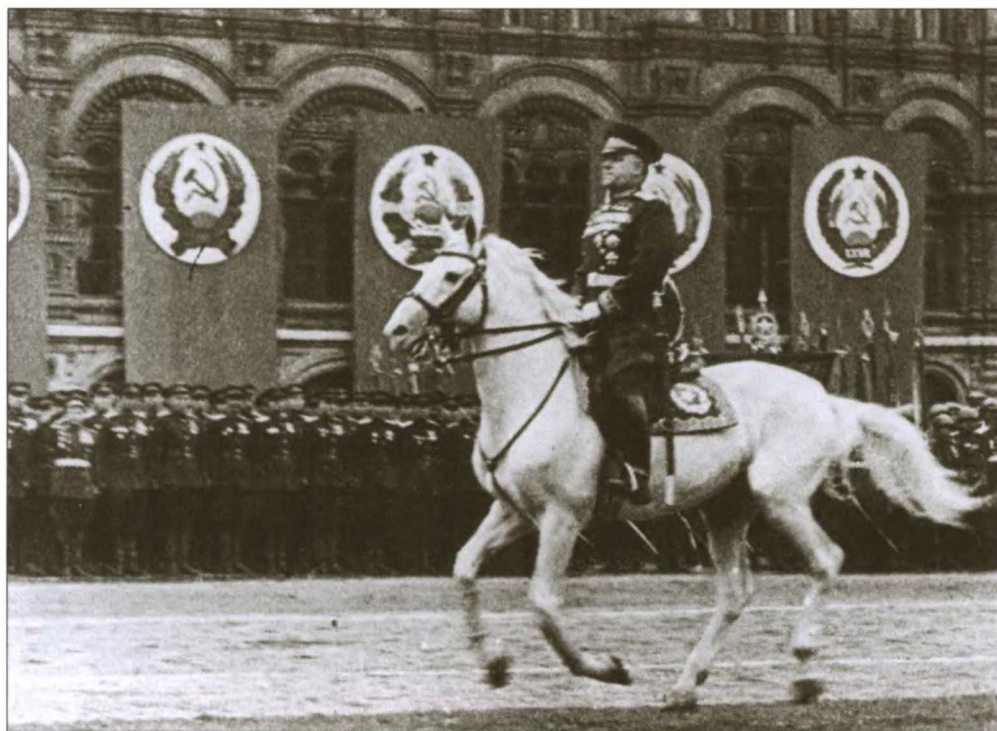
Все разрушенное - восстановим!

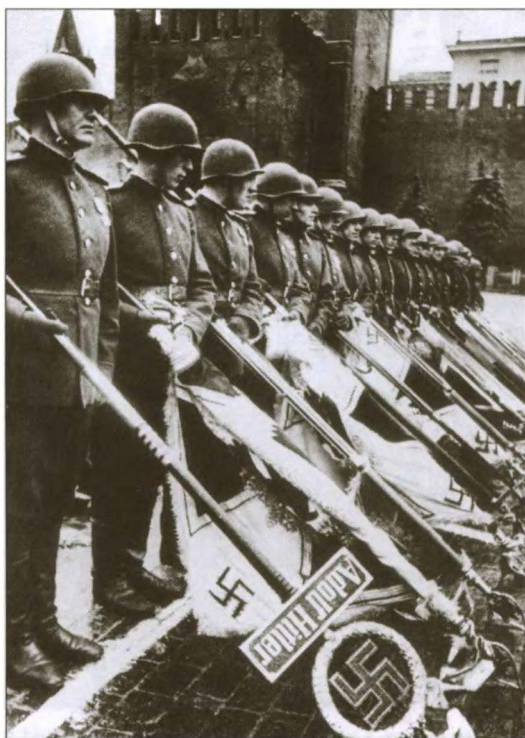
Москва, 24 июня 1945 г. Парад Победы на Красной площади. Идет военная техника

На Красную площадь выходит сводный полк Военно-Морского Флота

Парад принимает Маршал Советского Союза Георгий Жуков

*Участники парада
со штандартами гитлеровской
армии. Вот-вот они будут брошены
к подножию Мавзолея*

Клавдия Шульженко песней провожает бойцов на фронт

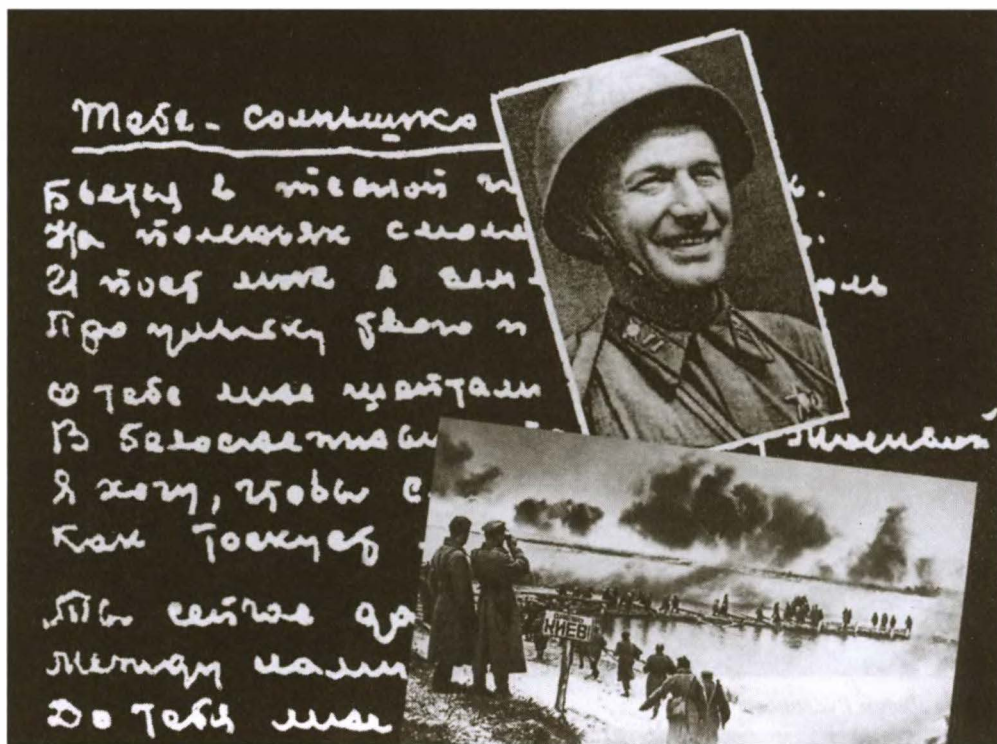
Выступает Краснознаменный ансамбль под управлением Александра Александрова

Поэт Лидия Русланова

Снимок на память. Матвей Блантер (крайний слева), Тихон Хренников (в кепке), Михаил Светлов (в шапке-ушанке) с бойцами Красной Армии

Алексей Сурков и его письмо, которое станет песней «В землянке»

Поэт Леонид Утесов

Константин Симонов (слева) в беседе с бойцами

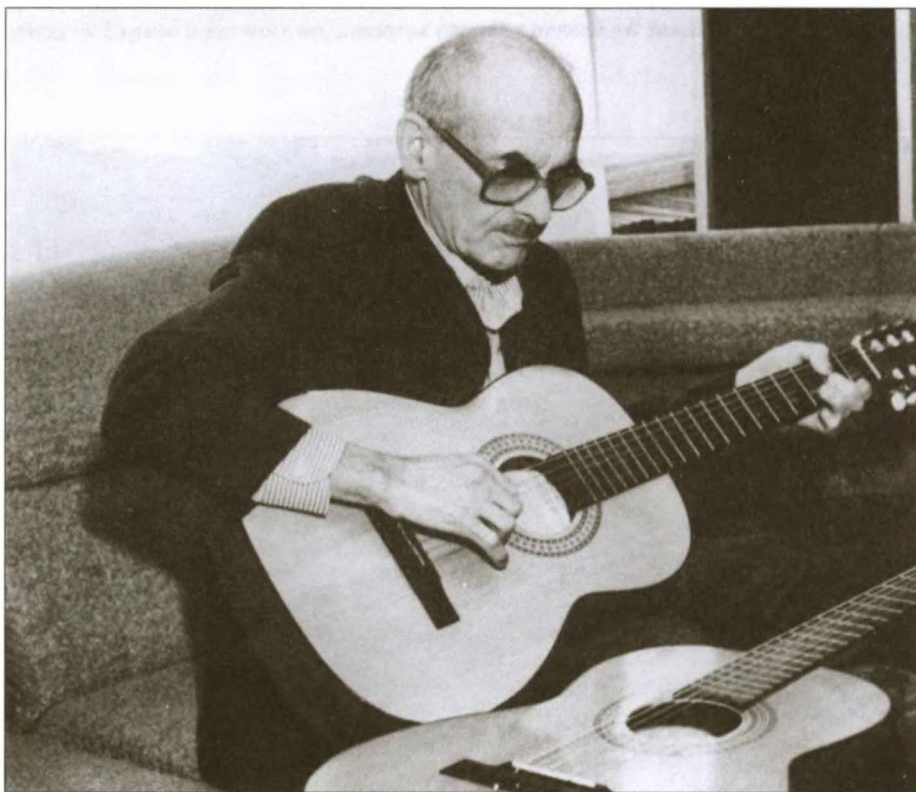
Евгений Долматовский читает стихи у стен рейхстага

Людмила Гурченко

Дмитрий Хворостовский

Буллат Окуджава

Александра Пахмутова и Николай Добронравов

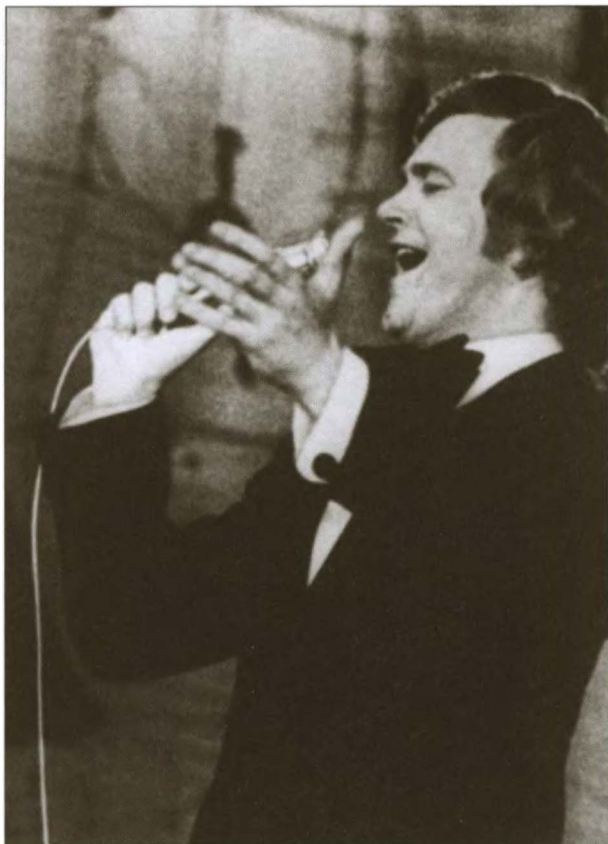
Иосиф Кобзон

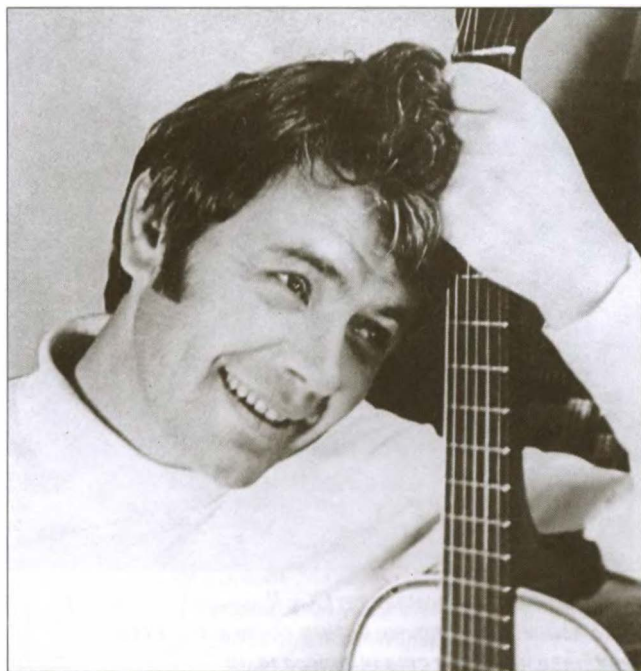
Лев Лещенко

*Писатель Владимир
Карпов и поэт Расул
Гамзатов. Каждый
воспел войну по-своему*

Евгений Мартынов

Юрий Гуляев

*Первую Звезду Героя Советского Союза летчик-космонавт СССР
Георгий Береговой (слева) получил на войне. Фронтовые дороги свели его в 1944 г.
с братом Михаилом. Оба были капитанами, и оба стали генералами*

Маршал авиации, трижды Герой Советского Союза Иван Кожедуб (в центре)

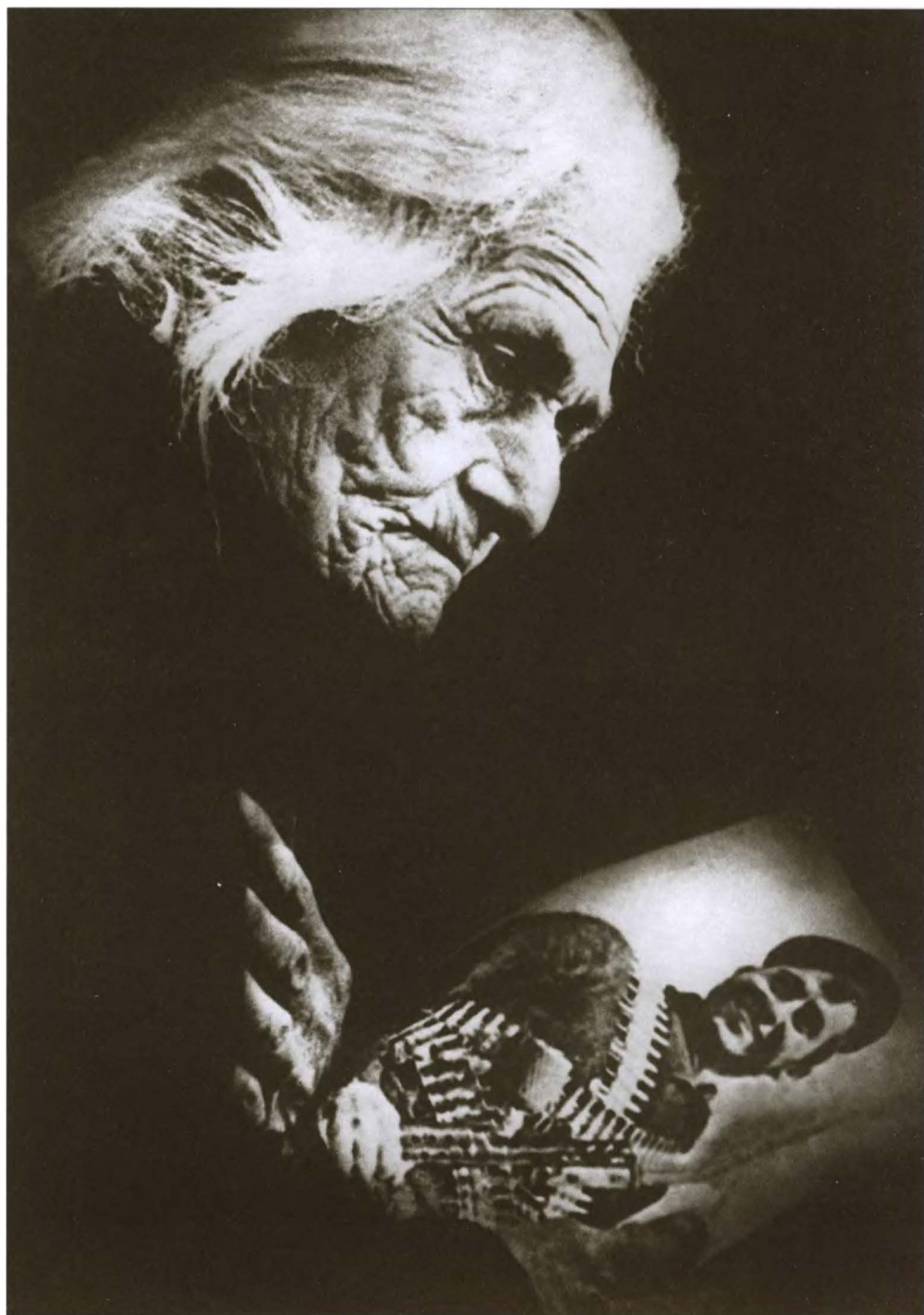
*Вся жизнь связана с армией.
На войну Дмитрий Язов ушел в 1941 г.
В 1990 г. он стал Маршалом
Советского Союза*

Маршал Советского Союза, дважды Герой Иван Конев вспоминает...

Солдату тоже есть что рассказать людям

Вечное горе скорбящей матери

Среди героев — наши имена

День Победы - праздник всех народов наших

Герой Советского Союза Надежда Попова

Выпьем за победу!

Рядовой Василий Земцов и его жена Анна, санитарка госпиталя

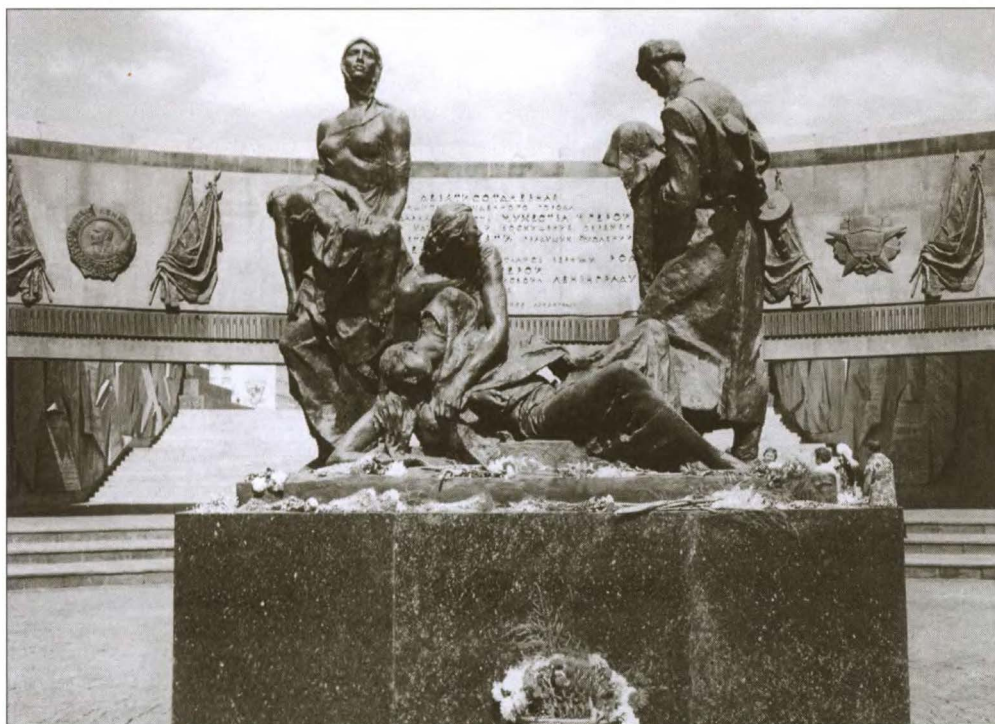
*Петрищево.
Памятник Зое Космодемьянской*

В почетном карауле

Здесь был остановлен враг

Санкт-Петербург. Мемориал на площади Победы

Этот памятник воинам-интернационалистам шахтерской дивизии установили следопыты клуба «Подвиг» из украинского города Красный Луч Луганской области

Памятник белым журавлям в Кисловодске

Новороссийск. Памятник Неизвестному матросу

Белоруссия. Хатынь

Волгоград, Мамеев курган

Берлин, Третьов-парк

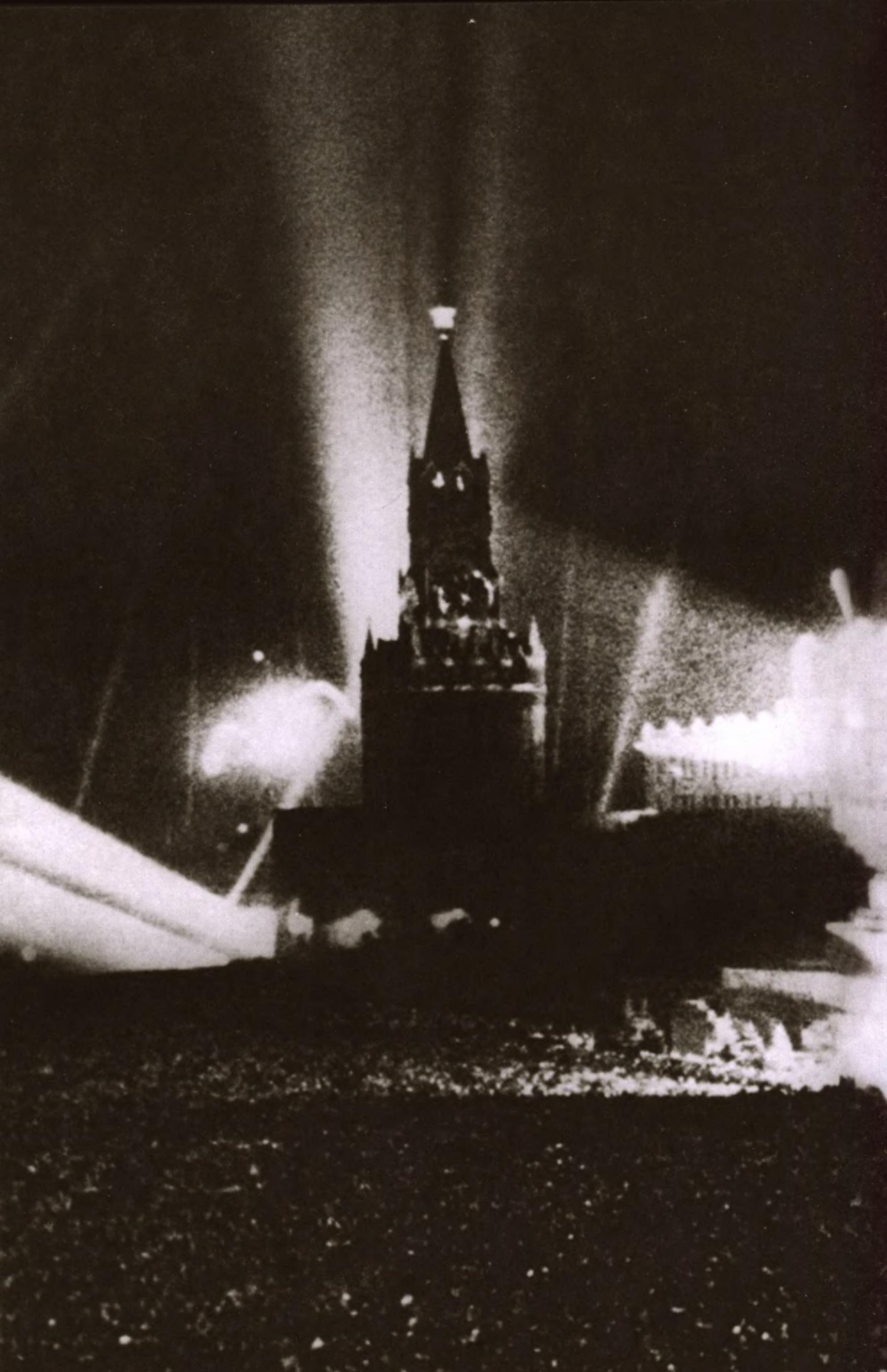
Президент России Владимир Путин с ветеранами

Киев. Октябрь 2004 г. Александр Лукашенко, Владимир Путин, Леонид Кучма, Ильхам Алиев (слева направо) у Вечного огня

Негасим огонь памяти у стен Московского Кремля

ПОБЕДЕ 60

1. Священная война
2. В землянке
3. Тёмная ночь
4. Прощайте, скалистые горы
5. Синий платочек
6. Моя москва
7. Моя любимая
8. Песня артиллеристов
9. На солнечной поляночке
10. Смуглянка

11. Соловьи
12. Эх, дороги
13. Давай закурим
14. Где же вы теперь,
друзья однополчане
15. На безымянной высоте
16. Давно мы дома не были
17. Последний бой
18. Вечер на рейде
19. Журавли

ГАЗЕТА

Трибуна

